

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ОБЩЕДВУСТУПНОЕ

Изданіе
А. В. КРУГЛОВА.

Съ иллюстраціями.

Октябрь.

1908.

При этой книжкѣ прилагаются всеѣмъ подписчикамъ: объявленіе о подпискѣ на „ДНЕВН. ПИСАТ“ на 1909 годъ и переводный бланкъ для перес. денегъ.

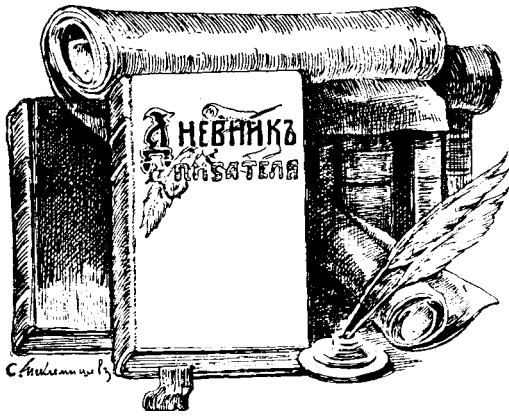
Главн. Управл. Военно-Учебн. Заведеній „Дневникъ Писателя“
допущенъ въ ротныя бібліотеки военныхъ училищъ (Отношеніе
отъ 13 авг. 1908, за № 18017.)

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

I.—„НЕ СДЕРЖИВАЙ ГОРЯЧЕЙ УКОРИЗНЫ.“—Стихотвореніе.— А. В. Круглова.	3.
Иллюстр: Виньетка изъ розетокъ.	
II.— ХРОМОЙ ФЕДОРЪ. —Очеркъ.— Е. Н. Ловецкой.	4.
Иллюстр: Портретъ автора.—Изба Федора.	
III.— ВЪ ТИХОЙ ДАЛИ. —Стихотворенія.— А. А. Коринфскаго.	9.
Иллюстр: Портретъ автора.	
IV.— ЗЛО. —Разсказъ изъ молдаванской жизни.— И. И. Мадробур- скаго.	12.
Иллюстр: Подводы.	
V.— ПЕРЕЖИТОЕ. —Житейскія и литературныя воспоминапія.—Гл. XIII—XV.— А. В. Круглова.	18.
Иллюстр: Человѣкъ съ тетрадкой.—Портретъ Н. В. Курпяиной.	
VI.— ВЪ МОРѢ. —Наброски.— В. Ф. Рыжкова.	29.
Иллюстр: Пароходъ.	
VII.— РОДНАЯ ПѢСНЯ. — Л. Н. Граве.	32.
Иллюстр: Боярышня.—Скрипка.	
VIII.— ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ РИМѢ. —Изъ путевыхъ эскизовъ. Съ нѣмецкаго.—	
I.—Перв. Е. А. Полушкиной.	34.
Иллюстр: Пантеонъ.—Соборъ св. Петра и Крѣпость Ангела.—Внут- ренность собора св. Петра.—Заставка.	
IX.— ПАМЯТИ Я. П. ПОЛОНСКАГО. —Стихотвореніе.— Д. П. Варлыгина.	43.
Иллюстр: Портретъ Полонскаго.	
X.— НАЦИОНАЛИЗМЪ. — П. А. Россіева.	44.
XI.— ВЪ АЛЬБОМѢ. —Стихотвореніе.— А. В. Круглова.	47.
Иллюстр: Муза съ лирой.	
XII.— ВОРЫ. — С. В. Витимскаго.	48.
Иллюстр: Богоматерь съ Предвѣч. Младенцемъ.	
XIII.— О РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ. —Свящ. М. И. Менстрова.	51.
Иллюстр: Портретъ автора.	
XIV.— СОРОКАЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ —Замѣтки— А. В. К.	55.
Иллюстр: Внутренность Университетской церкви во имя св. Татіаны. Портретъ проф. богословія прот. Н. А. Елеонскаго.	
XV.— КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Критика и бібліографія.)	
Иллюстр: Критики.	
I. ИЗНАНКА ВОЙНЫ („Часть испытанія.“ Сборн. статей Эль—Эсъ).— А. Н. Догановичъ.	58.
II.— РАЗНЫЯ КНИГИ.	63.
(1. Толчинъ. Ссылные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря въ 16—20 вв. Историч. очеркъ. Изд. „Посредника“.— А. К. —2. П. Лучанскій. Стихотворенія.— Л. Д.	

III г.
ИЗДАНІЯ
ОТКРЫТА
на 1909 г.



III г.
ИЗДАНІЯ.
ПОДПИСКА
на 1909 г.

„Дневникъ Писателя”

иллюстрированный ежемѣсячный литературно - научный
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

(4 р. годъ)

подъ редакціей А. В. Круглова, при ближайшемъ участіи въ трудахъ редакціи А. Н. Догановичъ и при сотрудничествѣ извѣстныхъ писателей и ученыхъ.

Главн. Управл. Военно-Учебн. Заведеній „ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“ допущенъ въ ротныя бібліотеки военныхъ училищъ. (Отношеніе отъ 13 августа 1908 г. за № 18017).

Вступая въ третій годъ своего существованія, подъ прежней редакціей и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, увеличенномъ вступленіемъ новыхъ, — „Дневникъ Писателя“ будетъ служить тѣмъ же основамъ, которымъ онъ служилъ и первые два года. Всѣми отдѣлами „Дневникъ Писателя“ будетъ неуклонно выполнять свою задачу: укрѣплять чувство любви къ ближнему, къ роднѣ, къ человечеству, поддерживать сознание гражданскаго долга, отстаивать здоровыя начала жизни, какъ семейной, такъ и общественно-государственной. Девизъ журнала: **свободная жизнь, покоющаяся на знаніи и религіи.** Въ жизни должна осуществляться **правда**, жизнь должна быть полна **добра**, согрѣта **любовью**, овѣяна **красотою**. Защищая **свободу**, „Дн. Писателя“ не смѣшиваетъ ее со своеволіемъ и насиліемъ, и потому отстаиваетъ законныя **права** тѣхъ, которые прежде всего признаютъ **обязанности**. Надо помнить, что героями могутъ быть немногіе, но работниками, героями труда — обязаны быть **всѣ**. Лѣнь — язва жизни.

Сохраняя свое названіе — „Дневникъ Писателя“ является не **личнымъ** Дневникомъ одного писателя, а обычнымъ литературнымъ ежемѣсячникомъ, отличающъ отъ собратій только тѣми особенными чертами, которыя придаютъ ему свою индивидуальную фizioномію. „Дневникъ Писателя“ среди другихъ органовъ печати

20611Ж

12 ежем. № 18 илл. журн. 4 преміи-книги 18 илл. безпл. прил. — очерк.

8 отд. картинъ на мѣловой бумагѣ для „Кисека „Дн. Писателя“

занимает свое особое мѣсто. Въ этомъ то и заключается его *raison d'être*, это то и создало ему сочувствіе среди тѣхъ, у которыхъ не погасла жажда къ здоровому чтенію, стремленіе къ правдѣ, при жадѣ знанія не изсякла и вѣра.

Начиная изданіе журнала не съ коммерческими цѣлями, смотря на свое дѣло, какъ на службу родинѣ, редакція „Дневника Писателя“ въ своемъ идейномъ стремленіи старалась возможно полнѣе осуществлять свою задачу, отвѣчая на запросы читателей. По мѣрѣ своихъ силъ и средствъ она расширяла отдѣлы, увеличивала объемъ журнала и давала приложенія, преміи не какъ приманку, но дополняя текстъ журнала тѣмъ, что не могло бы войти въ самый журналъ. И въ приложеніяхъ она преслѣдовала тѣ же задачи, которымъ служить и журналъ. Преміи обоихъ лѣтъ были встрѣчены со стороны подписчиковъ большимъ сочувствіемъ. Это радуетъ редакцію въ томъ отношеніи, что, значить, она вѣрно поняла свою задачу и даетъ для всѣхъ желаемое.

Въ наступающемъ году какъ добавленіе къ журналу будутъ даны 4 книжки преміи. Сверхъ этого къ журналу будутъ прикладываться иллюстрированныя приложенія, которыя составятъ отдѣльную книгу интереснаго и солиднаго содержанія подъ названіемъ „Подъ небомъ Палестины“. Попржежнему къ книжкамъ журнала будутъ прикладываться картины на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги. Это будутъ новыя страницы въ Кисекъ „Дневн. Писателя“.

Такимъ образомъ **всѣ годовые подписчики** (хотя бы и подписавшіеся въ разрочку) **получать:**

12 №№ (11-ть книгъ, такъ какъ іюль-августъ выйдетъ въ одной книгѣ, увеличеннаго объема) иллюстрированнаго журнала.

18 **ОЧЕРКОВЪ**, которые составятъ книгу „Подъ небомъ Палестины“ (Очерки, со многими иллюстраціями, — будутъ приборшюровываться листами къ каждой книгѣ, имѣя особую нумерацію. Съ первымъ листомъ будетъ данъ заглавный титулъ). Несмотря на существованіе многихъ книгъ о Палестинѣ, паломническіе очерки, предлаг. вниманію читателей, являются совсѣмъ не лишними и не **повторными**, а вносятъ **свое** въ описаніе Св. Мѣстъ Православнаго Востока, къ котор. стремится душа рус. народа. У каждаго автора свои впечатлѣнія, свои отгѣнки....

4 **КНИГИ-ПРЕМИИ**, каждая въ отд. иллюстрирован. обложкѣ. Изъ этихъ книгъ:

1 **КНИГА** подъ названіемъ „Другъ несчастнаго человѣчества“ проф. **И. Т. Тарасова** (жизнь и дѣятельность врача-идеалиста.)

1 **КНИГА** подъ названіемъ „Въ дали вѣковъ“ (Странички исторіи). Разн. авторовъ.

1 **КНИГА** подъ названіемъ „Русская слава“ Очерки и этюды о герояхъ. Разн. авторовъ.

1 **КНИГА** подъ названіемъ „На службѣ народу“. Очерки **А. Н. Догановичъ**, **А. В. Круглова** и др.

8 **ОТДѢЛЬНЫХЪ КАРТИНЪ**, на мѣловой бумагѣ (на разные сюжеты).

Кромѣ этого всё, подписавшіеся на 1909-й годъ до 20 декабря 1908 г. могутъ получить: бесплатно брош: „ВЪ ЧЕМЪ СЧАСТЬЕ?“ и **ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТЪ „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“** за 1907 годъ со сборникомъ разсказовъ А. В. Круглова—„ВЪ РАЗНЫЕ ГОДЫ“—за **I р. 60** к. съ перес. „Дневникъ Писателя“ въ 1909 г. будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца, книжками отъ **6 до 9** печ. лист., и заключать въ себя слѣд. отдѣлы:

I ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ. (Стихи, романы, повѣсти, разсказы, этнограф. очерки, статьи по вопросамъ науки, искусства, литературы, біографическіе и историческіе очерки и разсказы и пр.)

II. КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Статьи по вопросамъ литер., критическіе этюды о русскихъ и иностранныхъ писателяхъ, разборы книгъ, книжныя новости.)

III. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ: 1. Журнальныя замѣтки—Л. Д. Гончаревскаго. 2. По журналамъ А. Н. Никитиной. 3. Изъ нашихъ журналовъ. (Отдѣлъ расширяется въ буд. году.)

IV. БЕСѢДЫ (по текущимъ вопросамъ жизни, этики, литературы и политики) А. В. Круглова.

V. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. (Ежемесячн. обзорѣнія.) (Вновь введенн. отдѣлъ.)

VI. НАУЧНЫЯ ЗАМѢТКИ. (Научныя новости и біогр. научн. дѣятелей.) (Вновь введенный отдѣлъ.)

VII. ИЗЪ РАЗНЫХЪ КРАЕВЪ. Письма изъ Петербурга (ежемесячно), изъ разныхъ мѣстъ Россіи и изъ-за границы отъ корресп. „Дн. Писателя“. (Вновь введенн. отдѣлъ.)

VIII. ОБО ВСЕМЪ И ОТОВСЮДУ. (По вопросамъ дня.—Научныя замѣтки.—Изъ міра таинственнаго.—Въ области художественнаго творчества.—Въ области критической мысли.—Въ царствѣ красокъ и звуковъ (живопись и музыка).—У рамы (театръ).—Сельское хозяйство.—Въ кругу здоровыхъ развлеченій.—Въ области юмора и сатиры.—На поляхъ газетъ и журналовъ.)

IX. ИСКРЫ. (Сатирическіе очерки, разсказы, стихотворенія, пародіи, обзорѣнія изъ области жизни, литературы, шаржи, карикатуры, остроты жизни. Фельетонъ.)

Въ этомъ отдѣлѣ помимо разсказовъ и разныхъ статей будетъ помѣщаться **Кстати**—фельетонъ въ стихахъ и въ прозѣ—**Веселаго Устюжанина** и 2) **ПО ПОЧТѢ И ТЕЛЕГРАФѢ**—Письма Неурывающаго Россіянина.

X. СО СТОРОНЫ. (Вновь введенн. отдѣлъ) Полемическія письма, голоса изъ публики (здѣсь редакція, если найдетъ нужнымъ, дастъ мѣсто тѣмъ мнѣніямъ, съ которыми она не согласна, но которыя являются выраженіями взглядовъ общества. Статьи этого рода будутъ сопровождаться примѣч. и возраженіями по дебатирруем. вопросамъ).

XI. НОТЫ.

XII. СМѢСЬ.

XIII. ПОЧТА „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“.

XIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Стараясь дать читателямъ интересное и полезное чтеніе, отвѣчая на запросы всѣхъ классовъ и слоевъ общества, имѣя въ виду нужды семьи и школы, интересы школьной мирной арміи, духовенства и арміи воинствующей, безъ за-

щиты которой немислима мирная культурная работа на благо родины,—редакція озаботилась приобрѣтениемъ разнообразнаго матеріала. Изъ всего обѣщаннаго редакціи постоянными сотрудниками журнала, назовемъ нѣкоторые произведенія (уже находящіеся въ портфель редакціи) по вѣсьмъ отдѣламъ журнала: **Талантъ и деньги**. Драма въ 5-ти дѣйств. **А. В. Круглова** и **В. М. Михеева**. (Съ иллюстраціями, и съ портретами авторовъ. Портреты относятся къ тому времени, когда авторы писали совместно піесу.)—**Смута**. Повѣсть изъ хроники народныхъ волненій—**А. Н. Догановичъ**.—Ея же: **Встрѣча**, разсказъ.—**Мамочка**, разск. **А. В. Жиркевича**.—**Разказы А. В. Круглова**: **Живой мертвецъ**, **Сюрпризъ**, и др.—„**Это было неизбѣжно**“ и др. разказы **Н. А. Мучника**.—**Очерки С. В. Витимскаго**: **Отець**, **Сынъ человѣческой**.—**На пчельникѣ**. Изъ прошлаго—разказы **М. Орѣшникова**.—**Въ паркѣ** разск. **В. Я. Иванова-Евотаевскаго**.—**Разказы**: „**Богъ не попустилъ**“, **Солдатка Груша**, **Е. И. Свѣтовой**.—**Историческіе разказы Ю. Ю.**—**Лѣсной Боженъка**, разск. **В. Г. Рязанцева**.—**Изъ воспоминаній солдата перваго общаго воинскаго призыва**, **Д. В. Гарина-Виндинга** (артиста Импер. театр.)—**Узоры народнаго вымысла**, **К.**—**Посмертныя стихотворенія Л. Н. Трефолева**, **Иваницкаго**.—**Изъ писемъ умершихъ общественныхъ дѣятелей и писателей**.

Въ портфель редакціи имѣются на будущій годъ стихотв. **А. В. Круглова**, **А. А. Коринскаго**, **Б. В. Каховскаго**, **Д. П. Варлыгина**, **Ф. И. Чернова**, **Е. Н. Клетновой**, **В. Л. Маякова**, **Н. Н. Барина**, и др.

Изъ этнографическихъ очерковъ и статей по разнымъ вопросамъ: „**Московская старь**“ иллюстр. очерки **Старога Москвича**. „**По Италіи**“—рядъ иллюстр. очерковъ.—„**Изъ Испанскихъ впечатлѣній**“—съ илл.—„**Шопенгауеръ и его философія**“, „**Ученики и поклонники Шопенгауера**“ съ портр. **П. И. Бѣляева**. „**На дальнемъ сѣверѣ**“,—„**На родинѣ Козьмы Минина**“—иллюстр. очерки **С. Турагана**—„**Валдайскіе очерки**“ (съ иллюстр.) **К. С. Лебедева**.—„**Изъ кавказскихъ набросковъ**“, къ 50-лѣтію завоеванія Кавказа.—„**Петербургскіе негативы**“. (Съ иллюстр.—) **Лѣтописца**. „**Библейскія женщины**“ съ иллюстр. **А. Н. Никитиной**. „**Гусяцкія потѣхи**“—**А. И. Муравлевскаго**.—„**Изъ воспоминаній о Вологдѣ**“—**Л. Д. Александрова**.—„**Чужимъ свѣтомъ**“ (наши книгоиздатели, съ портр.)—„**Пережитое**“ воспоминанія. Съ иллюстр. **А. В. Круглова**.—**М. А. Козырева**: „**Около литературы**“ и „**Изъ жизни на хуторѣ**“.—„**Одна изъ стаи славныхъ**“ (Надежда Михайловна Медвѣдева) артиста Импер. театр. **Д. В. Гарина-Виндинга**.—„**Художникъ-мученикъ**“ и „**Вчерашніе типы**“—этюды **И. И. Вологодскаго**. „**Кто виноватъ?**“ этюдъ **А. В. Круглова**.—„**Элиза Ожешко**“ очеркъ **Н. А. Акимова**.—„**Л. Н. Трефолевъ и его поэзія**“ **В. Л. Маякова**.—„**Сырокомля**“ (личность и поэзія съ портр. и автогр. польскаго поэта) **А. А. Чумака**.—„**О Васнецовѣ**“.—„**Лирика Пушкина**“ **А. Н. Никитиной**.—„**Внѣ дома**“ изъ путевыхъ заграничныхъ набросковъ. **И. П. Ювачева**.—„**Ужасное крушеніе**“ житейскія параллели.—**Публицистическіе этюды А. Н. Догановичъ**.—„**Забытые поэты**“.—„**О пастыряхъ и пастыретвѣ**“. **А. В. К.**—„**Наши чтецы и псаломщики**“ **Духовнаго Человѣка**.—„**Записки Гувернантки**“: 1—„**Подъ своей крышей**“, 2—„**Подъ чужой крышей**“. **Е. Поповой**.—„**Въ области педагогики**“ **Ст.**—„**Въ области духа и мысли**“, проф. **А. Ф. Басова**.—„**Религіозныя запросы**“, **Христіанина**.—„**Религія и архитек-**

тура“ и др. статьи доктора медицины б. прив.-доцента Моск. Универ. В. К. Недзвецаго.— „Для чего даны глаза?“ священ. М. И. Менстрова.— „Немножко гигиены“ врача Д-ва.— „Важные работники“ популярныя очерки Женщины-врача.— „Новая культура хлѣбовъ“ (теорія и ея отраженія на практикѣ) С. М. Битюкова.— „По военнымъ вопросамъ“—рядъ статей.

Съ первой книжки ежемѣсячно будутъ печататься „Съ невскаго берега“ (Петербургскія письма) П. А. Аксакова.

Для отдѣла „Искры“ между прочимъ имѣются: „По вдохновенію“, быль Амфилохія Устюжанскаго. Его-же: „Авгуры, Новые Хлестаковы“.— „Что такое женщина?“ и „Женщина“. „Во дни сужождѣнія“. Рядъ стихотвореній разныхъ авторовъ.—Каррикатуры Г. Рифеля и друг. художниковъ.

Въ журналѣ принимали, принимаютъ и будутъ принимать участіе кромѣ А. В. Круглова и А. Н. Догановичъ, слѣд. ученые, писатели и художники:

Н. А. Акимовъ, П. А. Аксаковъ, Л. Д. Александровъ, Л. Н. Афанасьевъ, М. Н. Б., Н. Н. Бабанинъ, Н. Н. Баринъ (Энбе), проф. А. Ф. Басовъ, С. М. Битюковъ, М. С. Бѣлкинъ, Н. И. Бѣляевъ, Д. П. Варлыгинъ, С. В. Витяемскій, Н. П. Вологодскій, Д. В. Гаринъ-Виндигъ, Н. И. Глухаревъ, К. П. Говоровъ, Л. Д. Гончаревскій, прив.-доцентъ Москов. Универс. докторъ С. М. Доброхотовъ, полк. генер. штаба М. А. Дорманъ, проф. прот. Н. А. Елеонскій, А. В. Жиркевичъ, В. Я. Ивановъ-Енотаевскій, А. Г. Кирмалова, Е. П. Клетнова, А. А. Коринфскій, М. А. Козыревъ, Б. В. Каховскій, прие. пов. Н. Д. Кузнецовъ, Р. П. Кумовъ, Н. А. Купчинскій. В. П. Лебедевъ, К. С. Лебедевъ, Е. П. Ловецкая, Н. П. Мадробурскій, В. Л. Маяковъ, свящ. М. И. Менстровъ, заслуженный профессоръ П. П. Мрочекъ-Дроздовскій, Н. А. Мучникъ, В. К. Муръ, докторъ медиц. В. К. Недзвецкій, А. П. Никитина, Н. П. Оглоблинъ, Е. П. Опочининъ, М. П. Орѣшниковъ, Х. П. Нахолоковъ, свящ. Михаилъ Пенъевскій, Е. А. Полушкина, Н. В. Поповъ-Пермскій, Я. Я. Молдеровъ, Г. Т. Сѣверцевъ-Подоловъ, П. П. Радинъ, П. А. Россіевъ, В. Г. Рязанцевъ, Н. В. Рошнянъ, В. Ф. Рыжковъ, П. А. Савченко, Е. П. Свѣтова, К. П. Смирновъ, Н. П. Столянекскій, проф. Моск. Универс. П. Т. Тарасовъ, профессоръ А. А. Тихомировъ, П. П. Третьяковъ, С. Т. Тураганъ, А. А. Федоровъ-Давыдовъ С. П. Хазовъ, Ф. П. Черновъ, А. А. Чумакъ, Ф. М. Чеботаревъ, С. П. Шубинскій, П. П. Ювачевъ и др. Художники: С. В. Беклемишевъ, Н. Е. Полушкинъ, А. П. Рукниа-Кошугъ, А. П. Соколовъ, П. Ф. Яковлевъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки.	Съ дост. и пер. по Имперіи.
На годъ со всеми прил. и преміями.	3 р. 60 к.	4 р. — к.
На 6 мѣс. (безъ премій)	2 р. — к.	2 р. 40 к.
На 3 мѣс. (безъ премій) (не прин.)		1 р. 50 к.

(Подписавшіеся на годъ въ разсрочку получаютъ преміи какъ годовые).

Допускается разсрочка при подпискѣ на годъ: 2 р. при подпискѣ, 2 р. къ 1-му марта. Подписывающіеся въ разсрочку предувѣдомляются, что неплатившимъ второго взноса къ 1-му марта высылка мартовской книжки будетъ задержана до полученія взноса.

ЗА ГРАНИЦУ ТОЛЬКО НА ГОДЪ: 6 р. 50 к.

Для полковыхъ и ротныхъ библиотекъ и вообще для казенныхъ и общественныхъ учреждений и лицъ, подписывающихся черезъ г.г. казначеевъ—разсрочка по соглашенію съ Конторой. При этомъ на каждые 10 платныхъ экземпляровъ 1 экз. безплатный. Магазинамъ и конторамъ, принимающимъ подписку, уступка 25 к. съ годового экземпляра, при внесеніи подписной суммы за годъ полностью.

Всѣ выписывающіе „Дневникъ Писателя“ на 1909 г. и вмѣстѣ съ этимъ же „Дневникъ Писателя“ за 1907 г.,—высылаютъ всего 6 р. 50 к. Такою же уступкою пользуются подписывающіеся въ разсрочку: т. е. дѣлая первый взносъ прибавляютъ къ нему за полн. комплектъ журнала 1907 г. только 2 р. 50 к., всего 4 р. 50 к.

Послѣ 15 Дек. можно выписывать оставшіеся экз. „Дн. Писат.“ за 1908 г. за 3 р. вмѣсто 3 р. 60 к. Отдѣльно книга „Въ разные годы“, рассказы А. В. Круглова, высылается подписчикамъ за 45 коп. вмѣсто 75 к.

ЦѢНА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: На облож. внутри (3-я стран.) за стран., 30 р., полстран. 15 р., четверть стран. 8 р. На листахъ передъ текстомъ стран. 25 р., полстран. 13 руб. четверть—7 р. Послѣ текста: стран. 15 руб., полстран. 8 руб., четверть 5 р. Издателямъ книгъ 40% уступки.

ПОДПИСКУ, объявленія и вообще всю корреспонденцію для журнала адресовать: Москва, Тверская, д. гр. Олсуфьевой, контора журнала „Дневникъ Писателя“, Издателю-редактору А. В. Круглову.

Редакторъ-Издатель

А. В. Кругловъ.

Книги—преміи будутъ разосланы: 1-я книга съ март. нумер., 2-я съ июльскимъ, 3-я съ Сент. и 4-я съ Декабр.



А.Р

У дверей редакціи.



Лепта вдовицы.

Съ картины Гуго Мита.

1908. Годъ второй. Октябрь.



Дневникъ Писателя.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

общедоступное изданіе

А. В. КРУГЛОВА.



Первый изъ народовъ тотъ, у кого лучшія школы. Если оны не первый сегодня, то будутъ имъ завтра.

Жюль Симонъ.

Безъ родины мы—ничто. Безъ ея органическихъ, расовыхъ духовныхъ стремленій—каждый изъ насъ только зародышь, жалкій недоносокъ, обреченный на вырожденіе.

Боборыкинъ.

Невѣріе—это тонкій слой льда, по которому одинъ человѣкъ еще можетъ пройти, но цѣлый народъ провалится въ бездну.

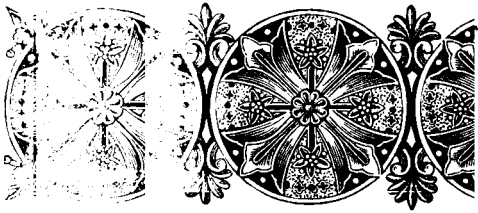
Штекеръ.

Главнымъ Управл. Военно-Учебн. Заведеній
„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“ **допущенъ** въ рот-
ныя бібліотеки военныхъ училищъ. (Отношеніе отъ
13 авг. 1908, за № 18017).

Въ журналѣ, кромѣ **А. В. Круглова**, принимали, принимаютъ и будутъ принимать участіе слѣд. ученые и писатели: **П. А. Аксаковъ, Л. Д. Александровъ, Л. Н. Афанасьевъ, М. Н. Б., И. Н. Бабанинъ, Н. Н. Бариновъ (Энбэ), А. Ф. Басовъ, С. М. Битюковъ, М. С. Бѣлкинъ, П. И. Бѣляевъ, Д. П. Варлыгинъ, С. В. Витимскій, И. И. Вологодскій, И. Н. Глухаревъ, К. П. Говоровъ, Л. Д. Гончаревскій, А. Н. Догановичъ**, прив.-доцентъ моск. универс. докторъ **С. М. Доброхотовъ**, полк. генер. штаба **М. А. Дорманъ**, проф. прот. **Н. А. Елеонскій, А. В. Жиркевичъ, В. Я. Ивановъ-Енотаевскій, А. Г. Кирмалова, Е. Н. Клетнова, А. А. Коринфскій, М. А. Козыревъ**, прис. пов. **И. Д. Кузнецовъ, Р. П. Кумовъ, И. А. Купчинскій, В. П. Лебедевъ, Е. Н. Ловецкая**, свящ. **М. И. Менстровъ**, заслуженный профессоръ **П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, Н. А. Мучникъ, В. К. Мюръ, А. Н. Никитина, Н. Н. Оглоблинъ, Е. Н. Опочининъ, Х. И. Пахолковъ, Е. А. Полушкина, И. В. Поповъ-Пермскій, Я. Я. Полферовъ, Г. Т. Съверцевъ-Полиловъ, П. И. Радинъ, П. А. Россіевъ, В. Г. Рязанцевъ, И. В. Рошинъ, И. А. Савченко, Е. И. Свѣтова, К. И. Смирновъ, Н. П. Столпянскій**, проф. моск. универс. **И. Т. Тарасовъ**, профессоръ **А. А. Тихомировъ, Н. П. Третьяковъ, С. Т. Тураганъ, А. А. Федоровъ-Давыдовъ, С. Н. Хазовъ, Ф. И. Черновъ, А. А. Чумакъ, Ѳ. М. Чеботаревъ, С. Н. Шубинскій, И. П. Ювачевъ** и др. Художники: **С. В. Беклемишевъ, И. Е. Полушкинъ, А. И. Рукина-Кошугъ, А. И. Сололовъ, П. Ф. Яковлевъ** и др

Тарифъ объявленій въ „Дневникъ Писателя“: на обложкѣ (внутр. 3-я стр.) 50 р. стр.—25 р. $\frac{1}{2}$ стр.—13 р. $\frac{1}{4}$ стр. На листахъ передъ текстомъ: стр.—30 р., $\frac{1}{2}$ стр.—15 р., $\frac{1}{4}$ стр.—8 р. Послѣ текста: стр.—20 р., $\frac{1}{2}$ стр.—10 р., $\frac{1}{4}$ стр. 5 р. За объявленія о книгахъ самимъ авторамъ-издателямъ 40% уступки.

Полный комплектъ „Дневника Писателя“ за 1907 г. (12 №№ и премія „СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ“) продается въ конторѣ редакціи за 2 р. 50 коп., безъ преміи 2 р. За перес. въ Евр. Россію добавл. 50 коп., т.-е. 3 р. Для Сибири пер. по разстоянію.



* * *



е сдерживай горячей укоризны,
Когда она цѣлебна для отчизны,
Когда въ ней чувствуется любовь!
Но не порочь священныя сѣдины
Хулой врага и языкомъ гордыни
Не обличай и не злословь!

Пусть знаютъ всѣ, рѣчамъ твоимъ внимая,
Что говоришь ты, сердцемъ изнывая,
А не кощунственно глумясь;
Что у тебя съ отчизною больною—
Какъ и у сына съ матерью родною—
Неразрываемая связь!

А. Кругловъ.





Е. Н. Ловецкая.

начинались обыкновенно „всепокорнѣйшей просьбой“ прислать денегъ и заканчивались неизмѣнной фразой: „а затѣмъ у насъ въ имѣннн все благополучно и вообще весь скотъ и коровы и лошади и куры“. Въ припискѣ слѣдовали всегда четыре слова: „жду отписки или прїѣзда“.

Получивъ какъ-то, въ концѣ февраля, такого рода письмо, я, вмѣсто „отписки“, предпочла поѣхать, пользуясь возможностью провести нѣсколько дней въ деревнѣ, которая имѣетъ много совсѣмъ особенной прелести въ періодъ перезрѣвшей, отходящей зимы, когда и въ воздухѣ и въ снѣгѣ уже чувствуется близость пробужденія свѣжихъ, весеннихъ силъ природы.

Иванъ выѣхалъ къ поѣзду и, увидя меня издали среди многочисленныхъ пассажировъ, спѣшившихъ на вокзалъ закусывать, выразилъ свое удовольствіе осклабившимся лицомъ и одобрилъ мой прїѣздъ такимъ замѣчаніемъ:

— Теперь дорога часовая: сегодня, какъ скатерть, а завтра, глядишь, ни на саняхъ, ни на колесахъ не попасть. Хорошо, што не замѣшкались.

— Всѣ наши деревенскіе живы, здоровы? — спросила я, когда молодая, сытая „Гнѣдая“ понесла насъ отъ желѣзно-дорожной станціи въ маленькихъ санкахъ домашняго издѣлія.

— Всѣ, слава Богу. Только хромой Ѳедоръ помѣрши.

— Давно ли?

— Не гораздъ давно. На Симеона-Богопрїимца хоронили.

— Хвораль долго?

Хромой Ѳедоръ.

Очеркъ.

— Нѣ, не хвораль нисколько.

— Умерь-то отчего же?

— Да такъ, съ доброй воли. Вечеромъ легъ на скамейкѣ полежать, не скидаваясь... даже сапоги не сняты были... Попросилъ свою старуху, штобъ положила у изголовья ему кусочекъ сахару, потому, вишь, у сердца што-то сосало... А на утро, глядя, онъ ужъ застывши.

Кто не зналъ хромого Федора въ Апраксинской волости? Имя Федора Аванасьева, можетъ-быть, многимъ ничего не говорило, но „хромой Федоръ“ былъ извѣстенъ всѣмъ — и старому и малому: слава о его доброкачественныхъ, легкихъ грабляхъ распространялась далеко за предѣлами бѣдной деревушки, гдѣ онъ родился, прожилъ жизнь и на 97-мъ году нашель смерть „съ доброй воли“.

Маленькаго роста, весь словно высохшій и вытянутый, съ лицомъ узкимъ, какъ будто притянутымъ вверхъ къ желтымъ, мочалистымъ волосамъ и внизъ къ свѣтло-рыжей козлиной бородкѣ, онъ, весь въ темномъ, тихонько бродилъ, опираясь на толстую, крючковатую палку, на которую налегаль, точно на костыль. Преклонные годы и убожество еще задолго до смерти заставили его отойти отъ деревенскаго хозяйства; но чтобы не быть „лишнимъ ртомъ“ въ своей большой семьѣ, онъ весь отдаля граблямъ. Работаль надъ ними круглый годъ и въ опредѣленное время развозилъ ихъ по сосѣднимъ деревнямъ, а лѣтомъ, въ праздничные дни передъ покосомъ, имѣль свое мѣсто у станціоннаго трактира.

Особенно усердно бабы поддерживали добрую славу Федоровыхъ граблей.

— Што не весело, бабушка, ворошишь? Словно у тя грабли не Федоровы? — бросаетъ мимоходомъ бойкая бабенка по адресу древней старухи, для которой всякое движеніе — тяжелый трудъ.

— Старость, дѣвка, не радость... А безъ Федоровыхъ граблей мнѣ бы и упряжку одну не осилить. Спасибо хромому... еще работаю.

Старуха тяжело дышетъ и хрипло кашляетъ. А молодуха, перейдя ужъ на другой сваль, точно играя, перетряхиваетъ едва едва обсохшее сѣно, совсѣмъ еще зеленое и почти безъ запаха... Цѣпляетъ и подбрасываетъ его граблями хромого Федора.

Если, бывало, идешь по деревнѣ и спросишь:

— Что это давно Федора Аванасьева не видно?

Всегда услышишь въ отвѣтъ:

— Енъ съ граблями уѣхадши.

Или:

— Забившись, должно-быть, на дворѣ, либо въ избѣ со своими граблями...

Хромой Федоръ и грабли это было что-то нераздѣльное. Грабли всегда вызывали представленіе о Федорѣ, а хромой Федоръ неизмѣнно рисоваль въ воображеніи грабли. Словно эти

тонкіе, бѣлые, хорошо отточенные зубья и ихъ осиновые, глянце-витые стволы были частью самого Федора, какими-то его живыми ростками. Когда, бывало, примостившись на передкѣ телѣги или дровней, онъ выѣзжалъ со двора, весь оплетенный мелкимъ деревяннымъ остріемъ и длиннымъ гребельемъ, — и самъ онъ, и телѣга, и лошадь, и грабли сливались въ одно цѣлое и казались какимъ-то диковиннымъ существомъ, которое медленно ползло по проселкамъ мимо деревень, луговъ, полей, перелѣсковъ... то подъ теплымъ лѣтнимъ солнцемъ, то подъ холоднымъ сводомъ зимой.

Вотъ хромой Федоръ въ черномъ армякѣ сверхъ тулупа, весь утонувшій въ своихъ молочно-свѣтлыхъ грабляхъ, пробирается съ возомъ раннимъ суровымъ утромъ по снѣжной широкой равнинѣ... Метелью занесенная въ ночь дорога не наѣзжена и хруститъ подъ полозьями. Дровни покачиваются на рыхломъ снѣгу, точно на рессорахъ. Старикъ подгоняетъ длинношерстую лошадку, чтобы поспѣть пораньше на станцію: хочется, продавъ товаръ, вернуться къ ужину домой. Престольный праздникъ подходить. Нужны деньги „для справки“. Грабли всегда выручаютъ: народъ раскупаетъ всѣ до послѣдней пары.

Смеркается. Морозъ крѣпчаетъ. Старикъ, растянувшись на пустыхъ дровняхъ, прикрытыхъ сѣномъ, крѣпко спитъ: съ холода, да съ радости по поводу удачной торговли онъ лишній стаканчикъ выпилъ на станціи. „Длинношерстка“ твердо знаетъ дорогу...

При распущенныхъ возжахъ, шажкомъ, она дотацила домой, позднимъ вечеромъ, хозяина съ отмороженными ногами.

— Сгубили тебя, несчастнаго, твои грабли, — заплакала жена, при видѣ полуживого мужа, котораго домашніе съ трудомъ привели въ чувство.

— Хорошо продалъ... О чемъ воешь? — бормоталъ сквозь сонъ Федоръ и проспалъ всю ночь, не вѣдая о бѣдѣ.

На утро принялись своими средствами лѣчить опухшія ноги. И долго послѣ того травили раны всѣмъ, „что бабы посоветуютъ“. Мазали, растирали, примачивали до тѣхъ поръ, пока не отпало мясо и пальцевыя кости обнажились...

— Всѣмъ бы я здоровъ, кабы не кости: брякаютъ, неспособно мнѣ съ ими, — часто жаловался старикъ и роднымъ и чужимъ на свои отмороженные ступни.

Мирился онъ долго съ этимъ неудобствомъ, наконецъ не выдержалъ.

Какъ-то вечеромъ говбрить женѣ:

— Неси, старуха, пилу.

— Зачѣмъ те, на ночь глядя, пила понадобилась?

— Неси же пилу!

Принесла ту самую, съ помощью которой Федоръ заготавливалъ лѣсной матеріалъ для своего издѣлія.

— Ну, што ты въ темныхъ-то работать задумалъ?

Старикъ, молча, разулся. Развертѣлъ тряпки, которыми были закутаны ступни, и протянулъ на полу ногу.

— Пили мнѣ кости, старуха!

— Никакъ ты умомъ крянувши?

— Говорю тебѣ, пили! Съ костями мнѣ, разъ, ходить не до-
быть... Бери пилу!

— Господи Іисусе! Совсѣмъ мужикъ схудоумился...

Жена упорно сопротивлялась, но, въ концѣ-концовъ, уступила. Однако, при первыхъ же прикосновеніяхъ желѣзныхъ зубьевъ къ кости, она заохала:

— Тошнехонько мнѣ... разъ не могу... мутить у меня подъ сердцемъ... о-о-шеньки... не могу...

Старуха поблѣднѣла и чуть не потеряла сознание.

— Пили самъ, а я те не пильщица.

И ушла въ другую половину избы.

Старикъ поднялъ брошенную пилу и самъ докончилъ операцію, начатую женой.

Кости больше не мѣшали. Но чаще и сильнѣе стали ломить ноги. Неувѣреннѣе и тише становилась походка...

*

Все это припоминалось мнѣ дорогой, той самой, по которой десятки лѣтъ подрядъ ѣздилъ хромой Федоръ.

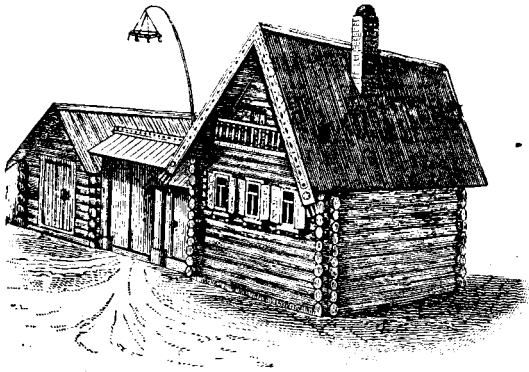
А „Гнѣдая“ между тѣмъ несла легкія санки все дальше и дальше отъ непригляднаго, посада...

Точно плывутъ по обѣимъ сторонамъ дороги бѣлоснѣжныя поляны, овражки, рощи, словно обуглившіяся избы, закутанныя соломой до половины оконъ... Вотъ опять искрятся серебристыя равнины... Хорошо дышется! Пріятно отдыхаетъ глазъ среди чистаго простора. А тамъ, вдали, уже вновь темнѣютъ черныя и сѣрыя пятна. Онѣ растутъ и ширятся. Это опять деревня. Вонъ чуть ли не посреди безлюдной улицы красуется обледенѣлый срубъ колодца со вздернутой на длинномъ шестѣ бадьей. Зеленѣетъ слѣва куполь надъ скромной желтой церковью за высокой деревянной оградой. А дальше впереди — скрипучій мостъ надъ рѣчкой, узкой, какъ ручеекъ. За нимъ величавый хвойный лѣсъ, чудно запушенный инеемъ... Прекрасная картина! А еще дальше новыя поляны, поросшія кое-гдѣ чахлымъ соснякомъ. Мелькаютъ закопченныя, покосившіяся бани, общественный амбарчикъ — „магазея“, какія-то полуразвалившіяся клѣтушки, жалкія здворки. Справа точно спѣшить куда-то опрятная изба

на высокомъ подпольѣ съ очищенной отъ снѣга заваленкой, увлекая съ собой старуху въ черномъ платкѣ у окна. Забытыя пожелтѣвшія грабли качаются на толстомъ гвоздѣ подь крыломъ драочнаго навѣса...

Рѣзвая „Гнѣдая“, зачуя близость теплой конюшни, летить стрѣлою. Съ радостнымъ визгомъ несется ей навстрѣчу косматый Полканъ. Ворота усадьбы привѣтливо отворены...

Евгенія Ловецкая.



Изда Федора.

Храскыя слова.

„Изъ-за блохъ не жгутъ всего одѣяла.“

„Лъстецы народа также опасны, какъ и лъстецы царей.“

„Что не удалось въ полдень, то можетъ еще уласться вечеромъ.“

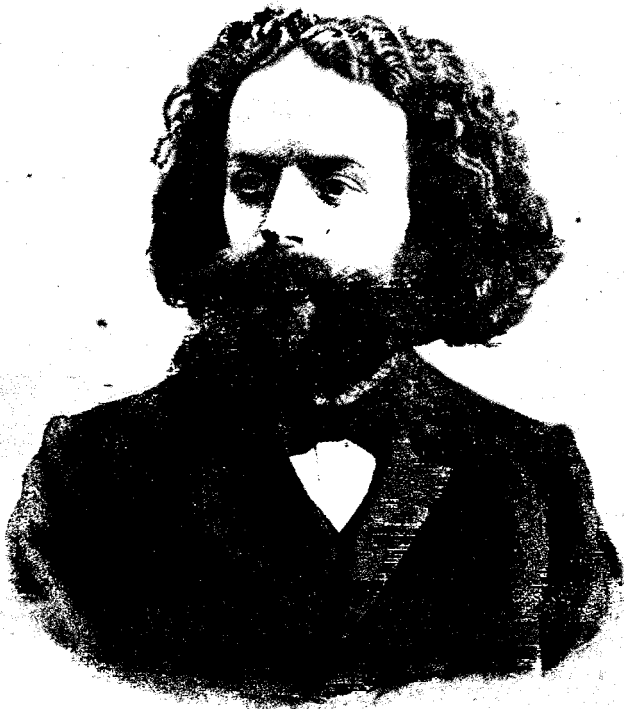
„Горе тому, у кого имя важнѣе его дѣлъ.“

Съ болгарскаго.

Штабрюнъ.

Ц. Борджиа.

Н. Лъсковъ.



А. А. Коринфскій.

Въ тихой дали.

I.



Мы — одни, мы съ тобою — одни
Подъ лучами небесъ золотыми...
Позабудься на мигъ, отдохни!
Встрѣться снова съ мечтами былыми!...“ —
Пѣсню сердца я слушаль; кругомъ,
Что ни шагъ — то цвѣты зацвѣтали;
Съ каждымъ новымъ лучомъ и цвѣткомъ —
Все блѣднѣй становились печали...

Заслонишь ихъ цвѣтущій просторъ,
Путь далекій безоблачно-ясень,
Манить даль очарованный взоръ, —

Пусть обманъ въ ней, но онъ такъ прекрасенъ!
 Дни унылые, близкіе дни,
 Схороню я въ душѣ васъ глубоко...
 Обмани меня, даль, обмани,—
 Правда жизни такъ зла, такъ жестока!...

II.

Еще не высохла роса
 Надъ освѣженными лугами;
 Горять и блещутъ небеса
 Новорожденными лучами...
 Иду — и внемлю шопотъ травъ,—
 Ихъ утро нѣжитъ и ласкаетъ;
 Съ небесъ на грудь земли припавъ,
 Оно — въ избыткѣ счастья—таетъ;
 Благоуханная волна
 Плыветъ съ цвѣтовъ лучамъ навстрѣчу...
 О, жизнь! О, радость! О, весна!
 Ужель я здѣсь вамъ не отвѣчу!..
 Среди цвѣтовъ, среди лучей
 Я приобщаюсь къ вольной волѣ,
 Какъ перелетный вѣтеръ въ полѣ,
 Я здѣсь свободенъ; я — ничей...

III.

Въ волнахъ цвѣточнаго прибоя
 Взоръ тонетъ; все кругомъ цвѣтеть,
 Весь лугъ—въ цвѣту... Какъ далеко я
 Отъ всѣхъ тревогъ, отъ всѣхъ заботъ!..
 Какъ будто этотъ полдень жгучій
 Меня неожиданно перенесъ
 Въ долину юности кипучей,
 Въ живое царство свѣтлыхъ грезъ,—
 И въ этомъ царствѣ вдохновеній
 Царишь въ лучахъ мечты моей
 Ты — свѣточъ сердца, добрый геній
 Моихъ сіявшихъ солнцемъ дней...
 Я — снова твой, какъ въ мигъ расцвѣта
 Твоей весенней красоты...
 Пусть тѣни жизни ждуть отвѣта,
 Въ душѣ лишь пѣсни да цвѣты!..

IV.

Блѣдно-синею лентой по ярко окрашенной зелени
 Извивается рѣчка, то здѣсь пропадая, то тамъ,

Разливаясь все шире по сжатой холмами разсѣлинѣ,
 Открывая просторъ обездоленнымъ жизнью мечтамъ.
 Побережемъ зеленымъ иду я, слѣдя за быстрою;
 Словно шепчуть мнѣ сказку, немолчную сказку, струи,
 Словно связано сердце со всей этой дивной картиною,
 Словно что-то родное въ ней чуютъ всѣ думы мои...
 Близокъ вечеръ; все ниже, все ниже плыветъ надъ отко-
 сами
 Солнца шаръ раскаленный; съ луговъ ароматы льетъ тминъ,
 Лозняки, какъ русалки, зелеными плещутся косами,
 Надъ водой наклоняясь съ отлогихъ песчаныхъ низинъ...
 Солнце гаснетъ; заря разгасилась вдали предзакатная;
 Свѣжей влагой пахнуло; росой задымилъ молочай;
 Гдѣ-то перепелъ скрипнулъ—какъ будто еще невзначай...
 Здравствуй, вечеръ истомный! Прощай, красота невозврат-
 ная,

День счастливый, прощай!...

V.

Отраднa сердцу эта тишина,
 Вечерній часъ торжественно-прекрасенъ;
 Природы жизнь душѣ моей слышна,
 Въ ней каждый мигъ и каждый вздохъ мнѣ ясенъ, —
 Какъ будто все безмолвно отошло —
 Все, что меня еще вчера томило:
 Въ грядущемъ все мнѣ кажется свѣтло,
 Въ пережитомъ все — дорого и мило...
 О, въ этотъ мигъ, въ задумчивой тиши,
 Ведущей сны къ земныхъ скорбей порогу,
 Я чувствую всѣмъ трепетомъ души,
 Какъ близки мы Невѣдомому Богу:
 Онъ—съ нами, здѣсь... Покинувъ неба высь,
 Незримъ очамъ, неслышною стопою
 Проходить Онъ... Внимай Ему! Молись,
 Молись Ему—съ вечерней тишиною!...

Аполлонъ Коринфскій.





З л о .

(Изъ молдавской жизни).



Эскизъ.
С. С. С.

I.

ослушай, Михалаки!—сказала Марица мужу.—Вотъ уже четвертый день ты сидишь безъ работы... Дѣти ѣсть просятъ, а въ домъ ни куска хлѣба... Сегодня я еще кое-какъ обойдусь и сварю мамалыгу изъ той муки, которую мнѣ дала Софрониха... Но если и завтра ты будешь безъ работы, то... я уже и не знаю, что мнѣ дѣлать... Михалаки! у тебя дѣти... не полѣнись... пойди еще по людямъ, поразспроси ихъ: можетъ, у кого и найдешь работу... Въдъ сама работа не придетъ..

Михалаки Башкирь, стройный, здоровый и коренастый молдаванинъ, съ суровымъ мѣдно-краснымъ лицомъ, обрамленнымъ черной съ просѣдью бородой, сидѣлъ у окна, облокотившись о подоконникъ, и думалъ о своемъ стѣсненномъ положеніи. Жена Башкира, тщедушная маленькая женщина со слѣдами утраченной красоты на болѣзненно-блѣдномъ лицѣ, усердно занималась починкою дѣтской рубашки. При послѣднихъ словахъ жены, Михалаки какъ бы очнулся отъ забытья: лицо его оживилось и онъ поднялся рѣшительно со скамьи.

— Ты права, Марица,—сказалъ онъ:—работа сама не придетъ: ее нужно искать... Правда, за эти три дня я не нашелъ работы на базарѣ... но послушаю еще твоего совѣта: пойду по людямъ. Авось, кто, дѣтей моихъ жалѣючи, и дастъ мнѣ работу... Пойду!... Постой... но гдѣ же, Марица, мой капаранъ? *) а?... Ага... вонъ онъ около печки.

Михалаки досталъ изъ-подъ кровати онучи и постолы, одѣлъ ихъ на ноги, обвязалъ ихъ, затѣмъ влѣзъ не безъ труда въ тѣсный ватный капаранъ, который снялъ съ гвоздя у печки, нахлобучилъ на голову качулу **) и направился къ выходу.

*) Капаранъ—короткій кафтанъ.

**) Качула—шапка.

— Ты уже идешь?... Друмъ бунъ *),—пожелала ему жена.— А къ кому думаешь направиться?...

— Пока и самъ не знаю... погляжу—тамъ будетъ видно...

— Я бы тебѣ, Михалаки, посовѣтывала пойти къ Петру Панаіотычу... всѣ говорятъ, что онъ очень добръ... гляди, и тебѣ работу подыщеть...

— Это Валянскій-то?... Ну, ладно, пойду къ нему... Ремый санатось!... **)—кивнувъ женѣ головою, Башкиръ вышелъ изъ дому. День былъ теплый и ясный. Небо на западѣ облегалы облака, но они были такія легкія и прозрачныя, что не закрывали собою солнца, начинавшаго уже палить землю знойными лучами.

На улицѣ кипѣла жизнь. По немощеннымъ тротуарамъ спѣшили занятые разными дѣлами прохожіе. Слышался говоръ и шумъ. Громыхали, проѣзжая по улицамъ каруцы ***)). По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись одноэтажныя маленькіе домики съ камышевыми крышами, походившіе на малороссійскія хатки.

Михалаки быстро шель по улицѣ, занятый своими думами и не обращая вниманія на окружающее. Онъ толкнулъ нѣсколькихъ прохожихъ, за что тѣ его выругали. Наконецъ, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, Михалаки подошелъ къ жилищу Валянскаго.

Домъ послѣдняго ничѣмъ не отличался отъ другихъ. Только покрытъ онъ былъ толемъ, да дворъ огороженъ камышевымъ заборомъ. Михалаки подошелъ къ забору и взглянулъ во дворъ, въ надеждѣ увидѣть тамъ кого-нибудь. Башкиръ замѣтилъ у колодца игравшаго съ собакой мальчика. Михалаки узналъ въ немъ сына Валянскаго.

— Никулица!—крикнулъ онъ ему.—Бабака акасы?... *****)

Поглощенный игрой съ собакой, мальчикъ, отъ неожиданности, вздрогнулъ и вкочилъ на ноги, оборотивъ испуганное лицо къ плетню.

— Ахъ, это вы, бади Михаль!—узнавъ Башкира, произнесъ онъ, успокоившись.—Да, отецъ дома.

— Можно его увидѣть?...

— Можно. Войдите въ домъ. Или позвать вамъ отца сюда? Да входите же, не бойтесь! Пютика (собака) не укусить.

Михалаки предпочель войти въ домъ.

Мальчикъ отогналъ собаку и проводилъ Башкира. Въ широкихъ, съ землянымъ поломъ сѣняхъ, ихъ встрѣтилъ самъ хозяинъ. Это былъ низкій, но тучный, съ небольшимъ брюшкомъ, человекъ, добродушное круглое лицо котораго обрамлялось бѣлокурыми волосами и такой же бородой. Онъ былъ безъ пиджака, въ туфляхъ.

— А! Михалаки!—привѣтливо воскликнулъ Валянскій.— Здорово, братъ! А я изъ окна-то и не узналъ тебя. Совѣмъ

*) Друмъ бунъ—счастливый путь.

**) Ремый санатось—оставайся здорова!..

***)) Каруца—повозка.

*****) Бабака акасы?—отецъ дома?...

постарѣли глаза. Думаю: кто бы это съ сыномъ говорилъ? Ужь не мельникъ ли Тодерь. А про тебя и не того... Ну, входи въ комнату. Вонъ тебѣ стулъ, садись. Разказывай, что хорошаго. Зачѣмъ пожаловалъ?

Михалаки утеръ платкомъ вспотѣвшую голову, опустился на стулъ и, вздохнувъ, промолвилъ:

— Зачѣмъ, спрашиваешь? Извѣстно зачѣмъ... Съ просьбой пришелъ.

— Ну, ну, говори... въ чемъ дѣло?...—ободрилъ Валянскій:— можетъ статья, просьба исполнимая...

— Да въ чемъ дѣло.. Самъ знаешь, Петръ Панаіотычъ,— продолжалъ Башкиръ:— семья у меня... кормить ее нужно... а кормить нечѣмъ.. Была бы работа—не бѣда... а то и работы нѣту, заработать негдѣ... Прямо хотъ ложись въ могилу да и умирай... Тяжело... Такъ вотъ я, значить, насчетъ этого... т.-е... съ просьбой.. можетъ-быть, у тебя найдется какая-нибудь работа... а?... Дай, не откажи...

У Михалаки увлажнились глаза, но онъ быстро отеръ ихъ платкомъ и сталъ усиленно подергивать носомъ.

Валянскій принялъ сразу дѣловой видъ; онъ всталъ со стула и началъ ходить изъ угла въ уголь по небольшой комнаткѣ, мебелированной въ молдавскомъ вкусѣ просто, но опрятно. На лбу у Петра Панаіотыча появились морщины: онъ о чемъ-то думалъ.

Михалаки, затаивъ дыханіе, напряженно слѣдилъ за выраженіемъ его лица, а въ головѣ его, между тѣмъ, пронесся тревожный вопросъ:

„А вдругъ и онъ не дастъ?... откажетъ отъ работы?... Что тогда“?...

И тутъ же самъ себѣ отвѣтилъ:

„Тогда... тогда ничего больше не остается, какъ пойти на Дунай и...“

— Вотъ что, Михалаки!—сказалъ наконецъ Валянскій и остановился возлѣ него:—Я придумалъ для тебя работу...

— Да?... Слава ціе, Домнэ!... *)

Лицо Башкира просіяло.

— Постой, постой...—замѣтилъ Валянскій:—можетъ-быть, работа еще не понравится тебѣ...

Башкиръ сразу поблѣднѣлъ. У него въ головѣ мелькнула мысль, что Валянскому, быть-можетъ, стыдно почему-либо отказать ему прямо въ работѣ и онъ нарочно подыскалъ непосильное для него занятіе, отъ котораго онъ самъ будетъ принужденъ отказаться, и потому Михалаки съ тревогой освѣдомился:

— А въ чемъ работа-то заключается?...

— Въ грузкѣ зерна.

— Быть сносчикомъ?

— Нѣтъ. Я тебѣ дамъ мою подводку, ты будешь за кучера. Зерно изъ магазиновъ (хлѣбныхъ амбаровъ) на пристань, къ бар-

*) Слава ціе, Домнэ—Слава тебѣ, Господи.

жамъ, возить будешь... если хочешь, эту работу могу предложить... Другого же ничего не придумаю... Такъ какъ же? Говори. До вечера мнѣ нуженъ отвѣтъ, потому что другой просился на эту работу. Васелика Кучурка...

Башкирь, безъ колебанія, согласился на предложеніе.

— Только вотъ что, Михалаки...—сказалъ Валянский:—много я тебѣ дать не могу...

— А сколько?...—полюбопытствовала Башкирь.

— Столько, сколько платилъ я Кучуркѣ—рубль въ день... Согласенъ?..

Башкирь утвердительно кивнулъ головой и ушелъ отъ Валянскаго веселый и радостный...

II.

— Ну, что, досталъ работу?...—встрѣтила Марица мужа.—Ужели нѣтъ?..

И она вдругъ поблѣднѣла.

— Досталъ, досталъ! успокойся!—Башкирь засмѣялся.—Вотъ завтра, со вторника, и начну.

-- Да неужто?... Вотъ счастье!..

Лицо Марицы сразу просіяло.

— Слава цѣе, Домнэ! У кого же это?... У Валянскаго?... Я такъ и знала. Душа—не человѣкъ! Но, однако, садись къ столу. Вишь, какъ ты усталъ, проголодался, должно-быть. Мамалыгу^{*}) будемъ ѣсть. Дѣтей я уже накормила и послала ихъ къ со-сѣдкѣ...

На другой день, съ утра, Михалаки работалъ на погрузкѣ. Разъ тридцать съвзидилъ онъ изъ амбара съ зерномъ до пристани, гдѣ грузились заграничныя шлепы (баржи), огромной вмѣстимости. Къ вечеру онъ сильно утомился, но домой пришелъ веселый и вручилъ женѣ заработанный цѣлковый. Въ такомъ же трудѣ прошелъ и слѣдующій день.

Въ четвергъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, экспортеры не потребовали „почтъ“ (артель подводчиковъ), и Михалаки, какъ и другіе, не работалъ въ этотъ день. По просьбѣ жены Башкирь пошелъ на базаръ, чтобы кое-чего купить для обѣда. Несмотря на то, что въ четвергъ обыкновенно базары бываютъ малые, въ тотъ разъ было что-то исключительное. Базаръ находился въ полномъ разгарѣ. Площадь шумѣла и гудѣла. Въ центрѣ, на землѣ, сидѣли рядами торговки съ разными товарами. По краямъ стояли подводы съ сѣномъ, камышемъ и дровами. Тутъ же шла торговля волами, коровами и пр. скотомъ. Площадь была полна народу и походила на огромный муравейникъ.

— Бобы! рыба! рѣдька! масло!—кричалъ кто-то изъ русскихихъ.

^{*}) Мамалыга— молдаванскій хлѣбъ изъ кукурузной муки.

— Что завгодно (угодно)—все по пять! пять! пять! любая вещь—пять!—доносился голосъ Сруля Воссермана.

Кругомъ галдѣли и кричали и все это сливалось въ какой-то невообразимый хаосъ. Михалаки, накупивъ, что ему было нужно, уже возвращался домой. Но у каплички (часовня) онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ товарищей, съ которыми работалъ по нагрузкѣ, и, разговорившись съ ними, коснулся поденной платы. И вдругъ Башкирь узналъ, что въ то время, какъ его товарищи по нагрузкѣ получали по 1 р. 20 к. въ день, ему давали только 1 р. Это задѣло Михалаки и въ немъ вспыхнуло негодование. Онъ забылъ добро, которое сдѣлалъ ему Валянскій, предоставивъ работу. Лицо Михалаки побагровѣло, глаза засверкали злобнымъ огнемъ и онъ сталъ поносить Валянскаго...

— Ахъ, ты, подлець этакой!.. а?... Ну, не зналъ я, что онъ такой!—оралъ Башкирь на весь базарь.—Люди по 1 р. 20 к. получаютъ, а мнѣ онъ за ту же работу 1 р. далъ! Хорошъ!.. Нечего сказать!.. Ну, да, ничего!.. Я у него мои деньги вырву!.. Изъ глотки вырву!.. Узнаетъ онъ, какъ обчитывать Михалаки!

Придя домой, онъ тотчасъ же сообщилъ женѣ о своей обидѣ. Жена выслушала его и, когда онъ смолкъ, сказала ему, что на ея взглядъ Валянскій тутъ не причемъ, такъ какъ онъ предварительно условился съ Михалаки. Она думала, что они обязаны благодарить Валянскаго за доставленную работу.

— Вѣдь онъ избавилъ насъ отъ голода!—прибавила она въ заключеніе.

— Какъ?!... Что?!... не сдохли бы и безъ него!—перебилъ жену иступленный Башкирь.—А благодарить? за что? Развѣ я работаю хуже или меньше другихъ! Ахъ, ты! Я тебѣ покажу!.. Вотъ тебѣ, получи!

Башкирь вдругъ размахнулся и, что было силы, ударилъ кулакомъ жену въ щеку. Жена вскрикнула и отлетѣла въ сторону. Отъ боли и незаслуженной обиды у нея полились изъ глазъ слезы.

— Драку! *) За что ты меня у дарилъ?..—спросила она, всхлипывая.

— Вотъ поговори еще у меня! Не такъ дамъ!.. Видишь ты, нашлась какая защитница богачей!.. Дрянь!..

III.

Прошло нѣсколько дней. Настало воскресенье. Михалаки успѣлъ примириться съ женой. А о своей злобѣ противъ Валянскаго, казалось, позабылъ.

Вымывшись и надѣвъ чистое бѣлье, Башкирь вышелъ изъ дома.

— Куда ты?—спросила въ догонку жена.

— Пойду въ церковь,—отозвался мужъ, сходя съ крыльца.

— Ну, хорошо же... помолись и за меня... Мнѣ некогда.

Занятая хозяйствомъ женщина и не замѣтила, какъ прошло время. Люди стали возвращаться изъ церкви. Марица

*) Драку—чортъ.

заглянула въ комнату и удивилась долгому отсутствію своего мужа.

— Развѣ отецъ еще не приходилъ?—спросила она у дѣтей.

У стола сидѣли всѣ ея четверо ребятишекъ, занятые разсматриваніемъ картинокъ.

— Нѣтъ, отецъ не приходилъ...—сказалъ старшій сынъ, 12-тилѣтній Костаки.

Марица встревожилась.

— Странно!—воскликнула она;—гдѣ бы ему быть теперь? Ужели до сихъ поръ на базарѣ онъ околачивается? А ну-ка, бросьте свою книжку-то,—обратилась она къ дѣтямъ,—лучше сбѣгайте на базаръ и позовите отца,—онъ, должно, тамъ... Скажите: обѣдъ уже готовъ, пуцай ѣсть идетъ!..

Ребятишки, казалось, этого только и ждали; они схватили шапки и въ припрыжку бросились изъ дома.

Вдругъ дверь отворилась и вошла сосѣдка Софрониха.

— Здравствуй, Марица!—заговорила она.—Мужъ дома?...

— Нѣту. А что?...

Марица не безъ удивленія взглянула на сосѣдку.

— Нѣту? Ну, такъ и не жди его. Онъ арестованъ...

— Боже мой! Что ты говоришь!..

Марица сразу поблѣднѣла, какъ стѣна, и, чтобы не упасть, ухватилась за край стола.

— Да. Это вѣрно. Михалаки арестовала полиція.

— Но за что же? Боже мой, за что?... Развѣ онъ напился пьяный?...

— О, нѣтъ... хуже... Онъ встрѣтилъ на базарѣ Валянскаго... Ну, вотъ, Михалаки поссорился съ нимъ изъ-за 40 копеекъ... и нанесъ Валянскому смертельный ударъ въ голову...

— Господи! Боже! Что же это?—воскликнула Марица.

— Валянскаго повезли въ больницу,—продолжала Софрониха,—а мужа твоего арестовали... Говорятъ, что страшно было смотрѣть на Михалаки, такимъ свирѣпымъ онъ выглядѣлъ... Но, однако, что же я здѣсь сижу?... На минутку забѣжала, чтобы только предупредить васъ, а у меня тамъ, на кухнѣ, цибуля жарится... Ремый санатосъ!..

Софрониха быстро выбѣжала изъ комнаты.

Блѣдная, дрожащая всѣмъ тѣломъ отъ испуга и горя, Марица опустила, обезсиленная, на скамью. Слезы ручьемъ полились у нея изъ глазъ...

— Боже мой! Боже мой!—воскликнула она,—какоенесчастье!..

Прибѣжали домой дѣти и со слезами сообщили матери то же, что уже ей было извѣстно отъ Софронихи. Всѣ плакали долго и безутѣшно...

А въ маленькое окно ярко свѣтило полуденное солнце, словно стремясь своими горячими ласками смягчить горе и облегчить страданія несчастной семьи.

Иванъ Мадробурскій.

Восбилж



Пережитое.

(Житейскія и литературныя воспоминанія.)

XIII.*)



ожденіе въ народъ захватило многихъ. Мечтали о немъ и въ нашемъ кружкѣ.

Какъ-то зашелъ ко мнѣ В-нъ и сказалъ:

— Мы всё въ долгу передъ народомъ. Хорошо служить ему въ роли учителя, но не всё могутъ итти на эту службу. Защищать народные интересы въ печати—тоже служба. Но надо пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы бросать полезныя зерна въ народную почву. Правда?

— Правда. Что же ты хочешь дѣлать?

— Вѣдь мы гуляемъ ежедневно вечерами.. Надо этимъ воспользоваться.

— То есть?

— Будемъ ходить за заставу и бесѣдовать съ ѣдущими и идущими изъ города мужиками.

— Пропаганда?.

— Ну, да! Вѣдь это серьезное дѣло.

— Надо, братъ, умѣть говорить съ мужиками... Да и повѣрятъ ли они незнакомому человѣку? И знаешь что: мы еще мало знаемъ сами, намъ надо учиться, а не учить.

Но В-нъ стоялъ на своемъ. Я напомнилъ ему о „квартильномъ“, котораго онъ испугался. В-нъ обидѣлся и ушелъ. Однако, зайдя черезъ два дня снова ко мнѣ, онъ сталъ звать меня

*) См. „Дневникъ Писателя“, 1908, сентябрь, стр. 50.

настойчиво на „идейныя прогулки“. Я согласился въ видѣ опыта, но замѣтилъ:

— Политику въ сторону.

— Конечно. Мы этику пустимъ въ ходъ.

Первая „прогулка“ не удалась. Мужикъ выругался и сказалъ В-ну:

— Ты чего говоришь-то? Развѣ ты попъ? Какъ жить! Я безъ тебя знаю, какъ жить.. Ты что за учитель!

— Я добраго тебѣ хочу!—сказалъ В-нъ.

— Я тебѣ вотъ покажу добраго: намну бока!. Ишь, какіе учителя... Кто вы? Бурсаки или господскіе дѣти?

— Мы гимназисты!

— Такъ и учитесь.. чево шляетесь по загороду... Можетъ, пьянаго обобратъ хотите.. жулики, а не „гимназисты“!

В-нъ былъ моложе меня. Онъ еще кончалъ гимназію.

— Это какой-то глупый—сказалъ В-нъ.—Бросимъ его!

На вторую „прогулку“ я уже не пошелъ, и В-нъ сталъ ходить одинъ. Однако, дѣло кончилось плохо. Какой-то мужикъ принялъ В-на за „бунтовщика“ и хотѣлъ представить по начальству. В-нъ побѣжалъ. Спасаясь отъ мужика, В-нъ потерялъ обѣ калоши, шапку и чуть не выкололъ глаза, перелѣзая черезъ заборъ съ гвоздями.

Послѣ этого В-нъ бросилъ „прогулки“.

— Идіоты! Ничего не понимаютъ!

Конечно, эти „опыты“ нельзя назвать „хожденіемъ въ народъ“. Это именно опыты, похожіе на пародію, какъ выражался Осиповъ, и достойные пера юмориста, если описывать все детально.

Я упоминаю объ этихъ прогулкахъ только потому, что онѣ породили у меня желаніе *изучать народное школьное дѣло*. Я вскорѣ началъ знакомиться съ лучшими педагогич. сочиненіями и посѣщать школы, изучать бытъ учителей, постановку учебнаго дѣла. Впослѣдствіи я, шатаясь по весямъ и градамъ, являлся и „добровольцемъ въ обученіи“. Благодаря этому, у меня завязались отношенія и переписка съ нѣкоторыми учителями и учительницами..

Но это „между прочимъ“.

А теперь еще маленькій юмористическій этюдъ, нелишенный своего значенія.

Знакомство съ Николаевымъ и съ однимъ медикомъ-студентомъ явилось причиною того, что я началъ увлекаться и медициной. Наряду съ сочиненіями по педагогикѣ, я сталъ читать разныя медицинскія книги. Увлекся ими и В-нъ. Мы читали, читали—и вдругъ почувствовали, что мы оба больны.

— Знаешь, я нахожу всѣ признаки чахотки у себя,—рѣшилъ В-нъ.—А ты?

Я еще не успѣлъ и отвѣтить, какъ В-нъ объявилъ:

— Ты блѣдень.. худъ.. несомнѣнно, у тебя начало чахотки. Да и сердце, должно-быть, не-въ порядкѣ... у меня перебои... Чувствую это.

Онъ выслушалъ меня, я его. Сомнѣній не было: мы опасно больны. Конечно, запускать нельзя, и мы отправились оба къ врачу Ш-ду.

Онъ принялъ насъ любезно.

Мы объяснили въ чемъ дѣло.

— Вы сами рѣшили?

— Да...

— На основаніи чего?

— Мы слушали другъ друга... да и вотъ...

В-нъ началъ сообщать относительно туберкулеза легкихъ все то, что мы узнали изъ книгъ.

Ш-дъ, выслушавъ, выстукалъ насъ и объявилъ:

— У васъ легкія здоровыя... никакихъ признаковъ чахотки.. и сердце хорошее.. Только у васъ,—сказалъ онъ мнѣ,—малокровіе. Попринимайте желѣзо.. Я пропишу вамъ.

— А мнѣ?—спросилъ В-нъ.

— Вамъ ничего не надо.

Отъ денегъ Ш-дъ отказался.

Мы ушли.

— Ну, этотъ ничего не понимаетъ,—сказалъ В-нъ, спускаясь съ лѣстницы.—Надо къ другому.

Мы отправились къ Д-су. И этотъ сказалъ то же, что Ш-дъ, только добавилъ:

— Побольше физическаго труда... и недурно заняться гимнастикой.

Мнѣ онъ тоже прописалъ желѣзо.

Однако, мы не повѣрили и Д-су. И вотъ мы начали путешествовать по врачамъ, обойдя чуть ли не всѣхъ докторовъ въ Вологдѣ. И ни одинъ не нашелъ у насъ чахотки. Нѣкоторые во мнѣ и малокровія не признали. Но военный врачъ Ө-ій настоятельно посовѣтовалъ мнѣ принимать желѣзо и купаться.

— А легкія?

— Здоровыя.

Я былъ радъ. Но В-нъ промолвилъ:

— Странно... Всѣ признаки.. и ничего нѣтъ!

Онъ это произнесъ такимъ тономъ, словно жалѣлъ, что у него нѣтъ чахотки.

Провожая насъ, всѣ врачи говорили:

— Ради Бога бросьте читать медицинскія сочиненія!

Я послѣдовалъ этому совѣту, но В-нъ продолжалъ читать и... сталъ лечиться: мазать грудь на ночь саломъ и пить молоко съ толконемъ.

— Это хорошо,—говорилъ онъ:—если и нѣтъ чахотки, то предупредить. Д-ръ Бокъ пишетъ..

Я попринималъ желѣзо и бросилъ: боли я никакой не чувствовалъ, а купанія меня очень укрѣпили.

XIV.

У кого-то я увидѣлъ „Недѣлю“. Она мнѣ понравилась по своему содержанію и я послалъ въ нее двѣ маленькія коррес-

понденціи. Онѣ были напечатаны. Тогда я написалъ бытовой очеркъ „Вологодскія кружевницы“. Вологда славится (и славилась особенно въ то время) кружевами. Всѣ плели. Подгородніе крестьяне также понинѣ занимаются плетеніемъ кружевъ. Я обстоятельно изучилъ бытъ кружевницъ, посѣтивъ многихъ мастерицъ. Въ „Дѣлѣ“ была помѣщена статья о вологодскихъ кружевницахъ. Но Шелгуновъ, довѣрившійся показаніямъ только одной мастерицы, впалъ въ ошибки. Я исправилъ ихъ, не вступая въ полемику съ почтеннымъ публицистомъ. Написавъ статью, я рѣшилъ отдать ее не въ „Недѣлю“, а въ мѣстныя „Губ. Вѣдомости“. На эту мысль навелъ меня товарищъ В-овъ, который выслушалъ мою статью и сказалъ:

— Очень интересно.. Знаешь что: отдай въ „Губ. Вѣд.“. Ею ты оживишь ихъ хоть сколько-нибудь. Вѣдь онѣ—чисто Сахара... Да въ нихъ и тѣ прочтутъ статью, которые въ „Недѣлѣ“ не увидятъ..

И я понесъ очеркъ въ „Губ. Вѣд.“

Но не лишнимъ будетъ познакомить читателя хотя кратко съ „Волог. Вѣд.“ и съ однимъ изъ ея редакторовъ, прежде чѣмъ передать о постигшей меня неудачѣ. Когда-то „Волог. Губ. Вѣд.“ велись очень недурно. Было у нихъ, такъ сказать, свое золотое время. Въ „Вѣдомостяхъ“ работали такіе мѣстные писатели, какъ Ф. А. Арсеньевъ, изслѣдователь сѣвернаго края, печатавшій свои статьи во многихъ столичныхъ изданіяхъ, авторъ нѣсколькихъ солидныхъ изслѣдованій и художественно написанныхъ очерковъ; Ѳ. Н. Бергъ, извѣстный поэтъ и беллетристъ, печатавшійся въ „Современникѣ“ Некрасова и во „Времени“ Достоевскаго; популярный педагогъ Н. Ѳ. Бунаковъ; Волковъ (беллетристъ и поэтъ); Поповъ—авторъ извѣстнаго труда „Зыряне и зырянскій край“; И. Кокшаровъ, даровитый этнографъ. Въ это „золотое время“ „Волог. Губ. Вѣд.“ были очень распространены въ публикѣ и охотно читались. Это время совпало съ общимъ пробужденіемъ русскаго общества. Съ 1863 года „Вѣдомости“ начинаютъ падать и въ 1871—72 г.г. представляли изъ себя дѣйствительно „мертвую пустыню“. И вотъ ее-то В-овъ посовѣтывалъ мнѣ оживить очеркомъ о кружевницахъ. Въ юлошеской наивности я послушался пріятеля, вообразившаго, что я могу повліять на редакцію и поставить дѣло на новую почву.

Я отправился къ редактору „Губ. Вѣд.“, имѣвшему столько же права на это званіе, какъ я на кафедрѣ профессора китайскаго языка. Совсѣмъ неразвитой, недалекой, даже малограмотный, чиновникъ до мозга костей, г. П—ій былъ притчей во языцѣхъ. Особенную извѣстность онъ получилъ послѣ того, какъ смѣшалъ слова ветеринаръ и ветеранъ. Послѣ такого казуса онъ такъ боялся иностранныхъ словъ, что выкидывалъ ихъ совсѣмъ изъ статей.

— Съ ними какъ разъ влетишь!—говорилъ онъ.

Разкажу еще одинъ курьезъ изъ его практики.

Какой-то учитель послалъ ему статью, гдѣ, описывая посидѣлки, шутливо сказалъ, что его положеніе было хуже губер-

наторскаго. П—ій зачеркнулъ послѣднюю фразу и написалъ свою: „положеніе было хуже гувернерскаго“.

— Послушайте,—говорили ему,—да вѣдь это безсмыслица!

— Пустяки! Зато не задѣтъ сановникъ, и я спокоенъ. Безсмыслица—это пустяки!

И вотъ я отправился къ этому редактору.

— А вы кто будете?—спросилъ онъ меня.

— Но я же вамъ сказалъ свою фамилію,—отвѣтилъ я.

— А чинъ?

— Я нигдѣ не служу.

— Напрасно! Разъ вы можете писать всякія глупости,—потому что всѣ эти сочиненія все же вздоръ-съ не болѣе,—такъ отчего же вамъ не служить?

Я промолчалъ.

— Зайдите за отвѣтомъ черезъ недѣлку.

Я зашелъ.

— Не напечатаю.

— Почему?

— Не отрадныя факты-съ.

— Но они вѣрныя.

— Это пустяки. Дѣло не въ истинѣ, а въ спокойствіи. А такіе безотрадныя факты могутъ не понравиться его превосходительству. И притомъ вы упоминаете имя г. Шелгунова. Положимъ, вы его опровергаете, но, во-первыхъ, онъ все же отраднѣе смотреть, чѣмъ вы-съ, а во-вторыхъ, г. Шелгуновъ состоялъ подъ надзоромъ, какъ же его можно упоминать!

— Но вѣдь онъ же не Каракозовъ!—воскликнулъ я,—и я говорю о немъ, какъ о писателѣ. Онъ печатается въ „Дѣлѣ“, а „Дѣлѣ“—журналъ цензурный.

— Это пустяки! Мало ли что въ столицѣ бываетъ... тамъ иначе смотреть. Да и слогъ вашъ неудобенъ.

— Слогъ?

Я невольно покраснѣлъ.

— Да-съ... Онъ бойкій, живой; а въ казенномъ изданіи это неприлично. У насъ полагается писать степенно.

Я разсердился и, вмѣсто того, чтобы покорить редактора и забрать его въ руки (какъ предполагалось), я сказалъ ему что-то рѣзкое, взялъ статью и ушелъ. Въ этотъ же день я ее отправилъ въ „Недѣлю“ вмѣстѣ съ рассказомъ „Загубленная жизнь“. Обѣ вещи появились одна за другою (№№ 7 и 8 „Недѣли“, 1872 г.). Посылая статьи, я опять не просилъ гонорара, а лишь выразилъ желаніе получать „Недѣлю“, но редакція „Недѣли“ была столь пуритански добросовѣстна, что немедленно выслала, кромѣ газеты, и гонораръ. Павелъ Александровичъ Гайдебуровъ написалъ мнѣ любезное письмо.

Это былъ мой первый гонораръ.

Теперь уже няня окончательно признала, что въ моемъ писаньѣ есть прокъ.

Я былъ на верху блаженства. Еще бы: я сотрудникъ вид-

ной газеты, и эта газета платитъ мнѣ. Деньги служили призна-
ніемъ цѣнности моего труда.

Вскорѣ послѣ напечатанія моихъ статей въ „Недѣля“, я встрѣтилъ на улицѣ знакомую даму, у которой собиралась мѣстная молодежь. Я тоже нерѣдко бывалъ на журъ-фиксахъ этой дамы; по разнымъ причинамъ я пропустилъ подъ рядъ нѣсколько журъ-фиксовъ.

Барыня поздравила меня съ „посвященіемъ въ литератур-
ный цехъ“ и добавила:

— Вы что же забыли мои „субботы“? Не возгордились ли, г. писатель?

Я сталъ оправдываться.

— Ну, хорошо, хорошо... Я вѣдь шучу, знаю, что у васъ нѣтъ этого грѣха... Видно, много работаете, пишете?

— Да, я задумалъ рядъ статей.

— Исполать вамъ! Только вамъ здѣсь оставаться нечего... Болото засосетъ... Нужно вамъ войти въ журнальную среду... Поѣзжайте въ Петербургъ.

— Что я тамъ буду дѣлать? На что жить?

— Работать! Вѣдь „Недѣля“ заплатила?

— Да.. Но это здѣсь подспорье, а тамъ что же? умрешь съ голоду? Мнѣ же надо еще читать много... учиться... хочу поступить вольнослушателемъ..

— Вотъ и отлично! Погодите, я напишу Флеровскому. Онъ что-нибудь вамъ устроитъ непременно.

— Спасибо!

Флеровскій (Берви), авторъ нашумѣвшихъ книгъ: „Положе-
ніе рабочаго класса въ Россіи“ и „Азбука социальныхъ наукъ“— одно время жилъ въ Вологдѣ „на томъ же положеніи“, какъ и Шелгуновъ. Я лично не зналъ Флеровскаго, но о немъ и его женѣ, какъ о людяхъ необыкновенно добрыхъ и отзывчивыхъ, ходило много рассказовъ въ городѣ. Прислугѣ у нихъ жилось отлично, „словно у родныхъ“. Флеровскіе платили хорошее жалованье и помогали въ нуждѣ. Это, однако, не мѣшало при-
слугѣ довольно хищнически пользоваться добротой хозяевъ. Но ни обманъ, ни неблагодарность не могли измѣнить идеалистовъ и они попрежнему сердечно и довѣрчиво относились ко всѣмъ. Одинъ жандармъ говорилъ о самомъ Флеровскомъ:

— Поди вотъ: попался за что-то... а вѣдь какой души чело-
вѣкъ!.. Прямо, золотое сердце!

Книга Флеровскаго о рабочемъ классѣ пользовалась громадной популярностью, особенно среди молодежи. Книга напи-
сана дѣйствительно горячо и съ любовью къ народу, но въ ней не мало гиперболъ, и на жизнь рабочаго класса наложены слиш-
комъ густыя краски. Конечно, въ преднамѣренности обвинить автора нельзя. Его нѣкоторыя заблужденія искренны, а самая сгущенность красокъ объясняется желаніемъ задѣть за живое дремлющую общественную мысль. Къ сожалѣнію, молодежь иначе воспринимала эти факты. Книга во многихъ будила не-
желательную озлобленность и поражала пессимизмъ. Ничего

этого, несомнѣнно, авторъ не желалъ. Его незлобивое и кроткое сердце не понимало ненависти, ибо оно билось только одною любовью и только она руководила всѣми мыслями и дѣйствіями автора. Являлся „грѣхъ“ совершенно невольный.

Я охотно ухватился за предложеніе барыни, находившейся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Флеровскимъ. Мои мечты о поступленіи въ Московскую Петровскую Земледѣльческую Академію разбились вслѣдствіе отказа сына Грибанова (моего покойнаго крестнаго отца) помочь мнѣ нѣсколько матеріально. Теперь я сталъ строить планы относительно университета, гдѣ я могъ, служа на мѣстѣ, быть вольнослушателемъ.

Барыня написала Флеровскому, и я сталъ ждать результатовъ.

XV.

Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля 1872 года ко мнѣ явился молодой человекъ, нѣкто Михайлъ Васильевичъ Купріяновъ, и передалъ мнѣ письмо отъ Ѳ. Н. Лермонтова. Я ранѣе не зналъ М. В. Купріянова, съ братомъ котораго я учился въ гимназій. М. В., юноша невысокаго роста, но коренастый, съ умными, вдумчивыми глазами — произвелъ на меня сразу хорошее впечатлѣніе.

— Какъ поживаетъ Теофанъ Никандровичъ?—спросилъ я.

— А вы прочтите письмо.

Я сталъ читать.

Лермонтовъ передавалъ мнѣ, что мои стихи, посланные г-ну Пашино, очень хороши, но ихъ нельзя напечатать, ибо



Н. В. Купріянова.

они не подходятъ къ программѣ журнала. Пашино, извѣстный путешественникъ и этнографъ, началъ издавать „Азіатскій Вѣстникъ“, который, кажется, далѣе 3-хъ книжекъ не пошелъ. Я послалъ Пашино стихи: „Памяти Писарева“,—послалъ и совсѣмъ забылъ о нихъ.

Далѣе Лермонтовъ писалъ, что Пашино называлъ меня „молодымъ писателемъ, подающимъ надежды“. Отъ себя Ѳ. Н. прибавлялъ, что „писатель долженъ забывать главнаго—служенія народной свободѣ“. Сообщивъ кое-что объ Омудевскомъ, Шашковѣ, Шеллерѣ-Михайловѣ, Лермонтовъ совѣтовалъ мнѣ „толковать“ съ М. В. Купріяновымъ, человекомъ преданнымъ горячо народу.

Я понялъ, на что намекалъ бывший основатель „Тѣснаго Кружка“. Но его мечты были мнѣ чужды. Я самъ стремился служить народу, но путь Лермонтова былъ не моимъ путемъ. Моя душа не лежала къ *его службѣ*. Привыкшій говорить всегда искренно, я, безъ обиняковъ, высказалъ все Купріянову.

Онъ промолвилъ мягко:

— Я васъ понимаю... вы хотите служить, какъ поэтъ и беллетристъ... Но вѣдь и тутъ разные пути...

Онъ началъ говорить о задачахъ ихъ партіи и, сжато, но ясно выразивъ свое сгедо, добавилъ:

— Печать можетъ быть большой помощницей въ этомъ дѣлѣ, дѣйствуя на мысль и чувство публики.

Я возразилъ. Мы заспорили. Увлечшись, мы и не замѣтили, какъ бѣжало время.

— Однако,—спохватившись, сказалъ Купріяновъ,—уже скоро 11-ть часовъ... Мы, пожалуй, мѣшаемъ спать... Простите... Приходите къ намъ... Мы побесѣдуемъ.

— Кто это *вы*? Развѣ еще кто съ вами пріѣхалъ?

— Да, моя сестра: Надежда Васильевна. Придете?

— Приду.

Я былъ у Купріянова дня черезъ два и познакомился съ его сестрой.

Мнѣ еще придется дальше нерѣдко касаться въ моихъ воспоминаніяхъ Надежды Васильевны, и потому не буду пока упреждать житейскихъ „событій“. Но нахожу не лишнимъ ранѣе очертить Н. В., имѣющую для меня большое нравственное значеніе, какъ добрый другъ, ободрившій меня въ началѣ труднаго пути. Надежда Васильевна сразу произвела на меня еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ ея братъ. Часто бываетъ, что съ дальнѣйшими встрѣчами впечатлѣніе слабѣетъ, и нерѣдко настаетъ разочарованіе. Но Н. В. съ каждой новой встрѣчей все болѣе и болѣе привлекала къ себѣ, и первоначальная симпатія перешла у меня въ чувство глубокаго уваженія, какого-то благоговѣйнаго поклоненія, какъ передъ личностью сильною, выдающеюся и необыкновенно свѣтлою. Это впечатлѣніе не ослабѣвало и потомъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ. Во многомъ я не могъ согласиться съ Н. В., раздѣлявшей только отчасти взгляды брата и Лермонтова. Мы спорили, дружески „ссорились“, потомъ даже нѣсколько разошлись, и до по нынѣ юное чувство благоговѣнія живо въ моей душѣ. Нравственно-духовный обликъ Н. В. не потускнѣлъ и я храню о ней воспоминаніе какъ о самой выдающейся женщинѣ, изъ тѣхъ, съ которыми меня сталкивала жизнь. Н. В. была таковою, *не обладавая никакими особенными талантами* *): Въ ней здоровый, русскій умъ соединился съ чарующей простотой, полной спокойной изящности... Это была натура аристократическая, не потерявшая ничего изъ своего духовнаго аристократизма отъ соприкосновенія съ той грубоватой, рѣзкой средой, какая ее долго окружала. Къ Н. В. шелъ юморъ, добрая усмѣшка... Ея взглядъ, тоже немножко насмѣшливый, не обижалъ, потому что въ немъ виднѣлась мягкость и что-то любящее... Онъ грѣлъ и бодрилъ. Музыкальный голось, плавная рѣчь—очаровывали. Скажу прямо,

*) Она напечатала, безъ подписи фамиліи, всего 3—4 статьи по женскому вопросу.

этотъ голосъ, прежде всего, проникая въ душу и лаская слухъ, „покорилъ“ меня, какъ выразился потомъ мой пріятель, знавшій Н. В. Надо прибавить, что Н. В. вовсе не была красива, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Но мягкія черты лица, пластичность движеній, музыка голоса и женственность при мужскомъ умѣ—придавали ей то женское очарованіе, которое не уступаетъ красотѣ. „Предъ ней не забудешься“,—говорилъ одинъ студентъ, большой селадонъ. Многие ее считали гордою. Но это невѣрно. Они смѣшивали съ гордостью ту корректность, то умѣніе держать себя въ мужской компаніи, какого не достаётъ многимъ женщинамъ. „Наша царица“—звали Н. В. одинъ медикъ, стараясь иронизировать. „Барышня-студентка“—язвилъ другой, получившій отъ Н. В. хорошій урокъ за вульгарность. „О службѣ народа мечтаетъ, а чистокровная аристократка!“ говорилъ онъ, полагая, что для службы народу нужно грязное бѣлье, нечесаная голова и деревенская грубость. Н. В. К. была слишкомъ сильна умственно и духовно, чтобы подчиниться пошлости жизни и во внѣшности видѣть дѣло. „Опрощенья“ она не признавала и, сочувствуя идеямъ брата и Лермонтова (причемъ, надо добавить, во многимъ съ ними она круто расходилась), она не одобряла ни переряживанія, ни служенія народу по рецепту Тургеневскаго Нежданова. Она смотрѣла на жизнь здраво. Насилія она не терпѣла и примыкала къ постепенцамъ. По внѣшности ее и нельзя было принять за студентку. Но это была не „барышня“, а именно дѣвушка изъ аристократической среды. „Хорошее, привитое съ дѣтства—незачѣмъ искоренять“, по этому поводу говорила Н. В., про которую отозвался воложанинъ-студентъ:

— Купріянова не типичная студентка!

— Да, но она желательная, идеальная студентка!—возразилъ я.

Эта мысль пришла мнѣ въ голову, когда я впервые увидѣлъ Н. В. Купріянову.

Я засталъ дома одного Михаила Васильевича.

— А, вотъ и отлично! Сейчасъ будемъ пить чай! Раздѣвайтесь. Сестра пошла за булками къ чаю... Это моя комната, а та вотъ сестры,—указалъ онъ на сосѣдную запертую...—У меня видите... Хаосъ... Ну, она... любитъ порядокъ...

Онъ разсмѣялся и добавилъ:

— Я ей часто говорю; ты съ нами не усидишь, совьешь красивое гнѣздышко... Впрочемъ, это внѣшне только... А она изъ стойкихъ... Это потомъ пройдетъ.

М. В. плохо зналъ сестру... Это вошло въ ея плоть и кровь. Н. В. умерла очень молодою (26 лѣтъ), но несомнѣнно, что она до старости сохранила бы свои привычки, отъ которыхъ именно „и не зачѣмъ отказываться“. Н. В. одѣвалась просто, но со вкусомъ, и сравнительно тратила на костюмы немного. Ей претила всякая нечистоплотность, то разгильдяйство, которое подъ видомъ простоты многими одобрялось. Она не стѣснялась сама вычистить себѣ платье и даже обувь,—если приходилось,—но

въ грязномъ платьѣ не могла проходить и минуты, тогда какъ инныя въ такихъ платьяхъ являлись на лекціи и ходили все время дома.

М. В. только что началъ о чемъ-то рассказывать, какъ наружная дверь отворилась и въ комнату вошла Надежда Васильевна. Она была одѣта въ темный суконный костюмъ, съ ярко бѣлѣвшимъ на немъ воротничкомъ. Распущенные волосы, скотые на затылкѣ, волнистыми прядями спускались по темной матеріи кофточки... Мерлушковая шапочка такъ шла къ полному лицу, розовому отъ холода, освѣщаемому свѣтомъ глубокихъ, немножко насмѣшливыхъ изъ-синя сѣрыхъ глазъ.

М. В. представилъ меня сестрѣ.

— Здравствуйте!.. Я уже заочно немножко знакома съ вами,—сказала она, протягивая мнѣ руку.

Я долго просидѣлъ у Купріяновыхъ. Надежда Васильевна говорила просто, душевно и бесѣда лилась непринужденно. Да, Н. В. раздѣляла многіе взгляды брата, но не всё, и тамъ, гдѣ была солидарна, обнаруживала и больше благоразумія и пониманія жизни и народа. Я былъ очарованъ умомъ Н. В. и съ большою радостью принялъ предложеніе бывать и впредь.

— Братъ скоро уѣдетъ, но я еще пробуду недѣли двѣтри... Заходите ко мнѣ и безъ него...

Но послѣ отъѣзда М. В. мнѣ пришлось быть у Н. В. всего только два раза. Флеровскій прислалъ письмо знакомой барынѣ, а я получилъ письмо отъ нѣкоего Соловьева (имени не помню), завѣдывавшаго редакціей „Сіанія“. Соловьевъ приглашалъ меня пріѣхать въ Петербургъ и взять мѣсто въ книжномъ магазинѣ Турбы, издателя „Сіанія“. Соловьевъ писалъ: „вы будете вести иногороднюю корреспонденцію магазина и можете работать въ журналѣ „Сіаніе“.

Служба въ магазинѣ меня не привлекала, но стоялъ близко къ редакціи „Сіанія“ для меня показалось заманчивымъ.

— Конечно, поѣзжайте!—сказала знакомая Флеровскаго.

Я отправился посоветоваться съ Надеждой Васильевной.

— Отчего же не ѣхать?—сказала она.—Вы можете сойтись съ литературнымъ міромъ, быть-можетъ, вамъ удастся слушать лекціи въ университетѣ... и при этомъ обезпеченная почва... Литературная сфера—это ваша сфера... это вашъ путь, а не другой какой-либо—я убѣдилась изъ нашихъ бесѣдъ съ вами... Теоретически о многомъ я буду съ вами спорить... но лично вамъ другого пути и не желаю... Вамъ надо выбиться на немъ... здѣсь *ваша душа*.

Эти слова молодой дѣвушки были проникновенными словами.

— Ѣхать-то вамъ есть на что?—вдругъ спросила Надежда Васильевна.

Я смутился...

— Вы стѣсняетесь... Вотъ это не хорошо... Надо держаться проще... Я снабжу васъ 50 рублями... а вы ихъ отдадите въ Пе-

тербургъ или мнѣ, или брату... Къ осени я буду уже въ Петербургъ. Вы остановитесь у брата... но не живите у него долго.

— Почему?

— Удобнѣе... Ну, всего хорошаго: я завтра тоже уѣзжаю въ усадьбу къ знакомымъ...

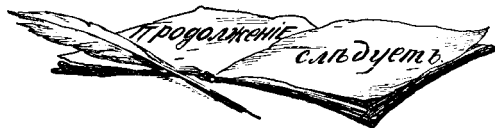
Черезъ недѣлю я отправился въ Петербургъ.

Закончу эту главку двумя словами о портретъ Н. В. Купріяновой, который помѣщается' здѣсь, и приведу стихотвореніе, написанное гораздо позже (1879), уже послѣ смерти Н. В., но объясняющее, почему я такъ много говорю о ней въ моихъ воспоминаніяхъ. Прилагаемый портретъ не даетъ настоящаго понятія о Н. В. Онъ *блѣденъ и мертвъ*, потому что надо было видѣть улыбку, лицо, освѣщенное чудными умными глазами, слышать голосъ, чтобы получить истинное представленіе о Н. В. К. *Живое лицо говорило и объясняло то, чего не скажетъ и не объяснить этотъ мертвый снимокъ, являющійся только тѣнью живой Надежды Васильевны.* Портретъ Н. В. подарила мнѣ уже въ Спбъ въ 1876 году.

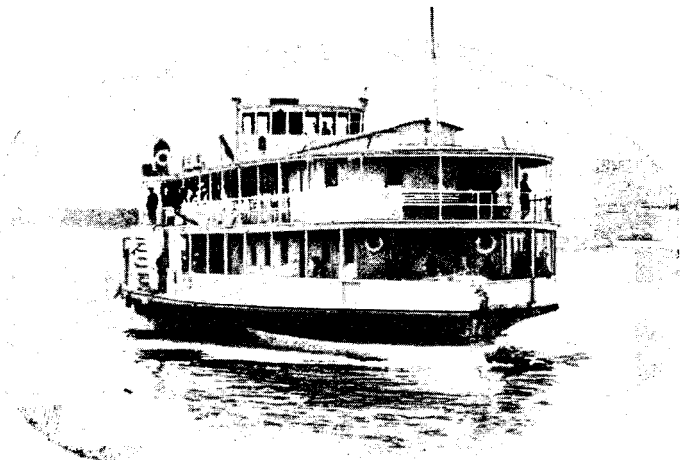
А вотъ стихотвореніе, написанное мной въ 1879 г. и посвященное памяти Н. В. К.

На столикъ моемъ, въ оправѣ небогатай—
Твой маленькій портретъ. О, если что мнѣ свято,
Что въ скромный мой пріютъ собою вносить свѣтъ,
Такъ это только онъ, одинъ онъ—твой портретъ!
Ночнымъ безмолвіемъ, работу оставляя,
Подолгу я гляжу на милья черты,
И кажется порой, что снова, какъ живая,
Улыбкою меня ободрить хочешь ты.
О, незабвенная! Передъ твоимъ портретомъ
Клянусь торжественно—и вѣр мой обѣтамъ:
Не загашу въ груди священнаго огня,
И пусть я не рожденъ тѣмъ гениемъ-гигантомъ,
Что покоряетъ міръ властительнымъ талантомъ,—
Останусь „въ маломъ вѣренъ я!“ *).

А. Кругловъ.



*) Послѣдній стихъ—строка изъ одного моего письма къ Н. В. К.



Въ морѣ.

Наброски.



езпредѣльно широкое море: глазъ устаетъ, смотря на темно-зеленую водную поверхность, чешуей блестящую на солнцѣ, и хочется какого-либо разнообразія. Скучно было не мнѣ одному, а и всѣмъ, ѣхавшимъ со мною на пароходѣ по Черному морю. Третій день ѣзды отъ Поти, а до береговъ Тавриды—еще цѣлый день пути. Погода была жаркая и южный климатъ не въ мѣру чувствовался. Ясно сіяло солнце; впрочемъ нѣтъ, на югѣ солнце сіяетъ не такъ ясно, какъ у насъ. Тамъ нѣтъ ослѣпительной рѣзкости въ свѣтѣ; тамъ воздухъ словно подъ дымкой и это сказывается вездѣ и на всемъ. А въ какихъ мягкихъ нѣжныхъ тонахъ южный воздухъ затушевываетъ берегъ, сколько красокъ въ горахъ и какіе цвѣта! Только жаль, что берега эти имѣютъ видъ слишкомъ дикій и однообразный. Вдругъ послышалось пѣніе на пароходѣ: восточный мотивъ и непонятныя съ гортаннымъ произношеніемъ слова. Иду на звуки; тамъ, въ глубинѣ открытаго люка, цѣлая партія, человекъ въ семьдесятъ, арестованныхъ и преимущественно молодежь — горцы. Нѣкоторые въ цѣпяхъ... Тутъ же въ круговую расположились конвойные солдаты, двѣнадцать-пятнадцать человекъ. Пѣніе въ люкѣ продолжалось. Заинтересованные имъ пассажиры окружили отверстіе люка, смотрѣли внизъ и слушали. Жарко, у всѣхъ потныя лица... внизу въ люкѣ душнѣе; но оттуда посматриваютъ на насъ здоровыя и повидимому веселыя лица... Изъ арестантовъ кто сидѣлъ, кто лежалъ, кто стоялъ... иные шутили, переговариваясь

со слушавшей публикой. Поодоль отъ пѣвцовъ, около стѣны, на застланномъ простыней полу, лежалъ больной, подперевъ рукою голову, съ лихорадочно блестящими глазами. Онъ задумчиво смотрѣлъ вокругъ. Передъ нимъ стояла бутылка, вѣрно, съ лѣкарствомъ. Онъ выглядѣлъ такимъ жалкимъ среди шумной веселой молодежи...

Но вотъ восточные мотивы пѣсенъ смѣнились на русскіе злободневные: „Похоронный маршъ“, „Марсельеза“ и т. п. Я не люблю этихъ пѣсенъ толпы, но трогательно было въ данномъ случаѣ слышать это пѣніе здоровыхъ грудей; Богъ знаетъ, можетъ-быть, во многихъ изъ нихъ бились честныя добрыя сердца... Раздались апплодисменты... кто-то купилъ фруктовъ и черезъ конвойныхъ передалъ арестованному. Одинъ мѣщанинъ, съ угловатыми движеніями, слишкомъ растрогался пѣніемъ. Порывисто вынулъ онъ портмоне и, порывшись въ мелочи, взялъ полтинникъ и бросилъ на дно люка.

— Вотъ вамъ, братцы!

Монета была поднята. Конвойный унтеръ сдѣлалъ мѣщанину строгое замѣчаніе. Тотъ, засунувъ руки въ карманы пиджака, сконфуженно спрятался въ толпѣ.

Наконецъ, пѣніе смолкло: пѣвцы раздѣлили фрукты и принялись ихъ ѣсть.

А море попрежнему блестятъ на солнцѣ; красивая серебристая рябь пестритъ его поверхность. Жара нестерпимая; но берега все еще не видно. Вонъ, вдали на поверхности моря, показался дельфинъ, за нимъ другой, третій... Они заинтересовали скучавшихъ пассажировъ своими прыжками въ воздухѣ, въ перегонку другъ за другомъ. Веселая рыба! Мы съ удовольствіемъ смотрѣли, какъ они быстро мчались къ нашему пароходу, какъ они рѣзвились, подпрыгивая и блестя чешуею. Они догнали насъ, быстро подплыли къ носу парохода и словно впряглись, какъ разъ подъ самымъ носомъ. Обдававшія ихъ пѣнистыя волны тѣшили ихъ. Дельфины любятъ пароходы и не боятся людей. Смотря на ихъ заигрыванія впереди парохода, думается, легко имъ ушибиться объ остріе судна; но, видно, не страшно это дельфинамъ и только тогда они отстаютъ, когда ихъ живая сила уступаетъ напору машины. Дельфины отстали.. Опять скучно. Отъ жары потныя лица у пассажировъ; то и дѣло кто-либо съ полотенцемъ въ рукахъ или на плечахъ идетъ умываться. Арестованные тоже часто ходили умываться: отъ душнаго и спертаго воздуха имъ это еще нужнѣе.

Наша стоянка въ Керчи.

— Эхъ, хоть бы Керчь поскорѣ!—раздается возгласъ одного пассажира

Наконецъ, вдали, справа, засинѣлъ холмистый берегъ. Это насъ обрадовало: подумали, что скоро и Керчь. Но разстоянія на морѣ обманчивы: покажется, что берегъ близко, а онъ еще очень далекъ. Отъ скуки я занялся чтеніемъ, но скоро задремалъ; меня разбудили крики:

— Караул! Пароходъ остановить!.. Капитана!.. Лодку. Стрѣляй!..

Я увидѣлъ конвойнаго солдата, стоявшаго съ револьверомъ на какомъ-то ящикѣ надъ самымъ бортомъ судна. Среди пассажировъ былъ переполохъ. Сразу я не понялъ, въ чемъ дѣло. Я подошелъ къ борту, гдѣ кричалъ солдатъ. Далеко позади, сажень на пятьдесятъ, среди взволнованнаго пароходомъ моря, виднѣлась черная точка—голова человѣка и взмахи рукъ... Кто-то плылъ къ берегу верстахъ въ двухъ разстоянія. Спокойны и мѣрны были взмахи рукъ пловца. Вялое и апатичное настроеніе у пассажировъ было нарушено. „Въ чемъ дѣло?..“ „Что это?..“ — слышались вопросы со всѣхъ сторонъ.

А солдатъ съ револьверомъ продолжалъ кричать: „Караул! Пароходъ остановить!“ Прошла минута, другая... на мгновеніе судно задержалось на мѣстѣ... потомъ дали задній ходъ, пароходъ зашѣвиль и направился вслѣдъ за бѣглецомъ... Оказалось, что одинъ изъ арестованныхъ, тотъ, что лежалъ, какъ бы больной, поодаль отъ другихъ товарищей, захотѣлъ освѣжиться, т.-е. умыть голову въ умывальникѣ. Съ этою цѣлью, сопровождаемый конвойнымъ, онъ взошелъ на палубу и, тутъ разорвавъ на груди рубашку, въ одинъ моментъ бросился за бортъ; и такъ ловко вышло это, что когда слѣдомъ за нимъ солдатъ вскочилъ на ящикъ, чтобы стрѣлять, арестантъ былъ уже далеко позади. На пароходѣ всѣ всполошились, слѣдя за черной точкой въ морѣ... Всѣми овладѣло тревожное состояніе. Но вотъ точка погрузилась въ воду разъ, другой, нѣсколько разъ, и опять тѣ же ровные мѣрныя взмахи.

— Это онъ бѣлье снялъ съ себя, — разсуждали нѣкоторые изъ пассажировъ.

— Лодку, лодку! — кричитъ уже другой солдатъ-унтеръ, начальникъ конвоя.

Но съ лодкой медлятъ. Мы ушли въ напряженное наблюденіе... Всѣми овладѣло какое-то спортивное чувство: доплыветъ или не доплыветъ?.. Повидимому, нѣкоторые даже сочувствовали ему, не отдавая себѣ отчета, заслуживаетъ онъ или нѣтъ такого отношенія къ нему.

— Эхъ, не туда взялъ! Далече на версту! — высказалъ кто-то съ сожалѣніемъ.

— Волной отшибло, — слышался отвѣтъ.

И въ самомъ дѣлѣ пловецъ оплошалъ, забирая почему-то въ сторону. Голова его стала нырять все чаще.

— Плохо дѣло!.. — слышалось чье-то замѣчаніе. — Лодку! Лодку скорѣе! Что вы тамъ медлите! — стали торопить матросовъ уже и пассажиры.

Лодка наконецъ была сброшена и матросы, въ нѣсколько паръ рукъ, быстро заработали веслами; на лавочкѣ, въ бѣломъ кителѣ, стоялъ унтеръ — начальникъ конвоя, а пловецъ, почувствовавъ, вѣроятно, сильную усталость, повернулъ назадъ и жестами подавалъ знаки, что плыветъ обратно. Страшно было смотрѣть на него, какъ онъ ежеминутно погружался въ воду. На-

конецъ, лодка приблизилась къ нему... Онъ ухватился сначала за весла, потомъ за бортъ лодки... ему помогли матросы взобраться въ лодку... Онъ упалъ на дно ея и охватилъ руками голову, словно бѣлой повязкой... Поза его выражала отчаяніе отъ постигшей его неудачи... Лодка повернула къ пароходу и быстро приближалась... На лавочкѣ, попрежнему, возвышалась фигура унтера съ револьверомъ въ рукѣ... А море блестяло все тою же серебристою рябью... Оно какъ бы нѣжилось подъ лучами южнаго солнца, далекое и чуждое людскихъ страданій и тревоженій.

В. Рыжковъ.



Баярышня.

Родная пѣсня.

(Изъ посмертныхъ стихотвореній)

Родная пѣснь! Полна тоской,
Ты льешься грустно и уныло,
Какъ плачь вдовицы молодой
Надъ одинокою могилой.

Въ тебѣ живутъ былыхъ вѣковъ
Злодѣйства, доблести и муки,
Звучить немолчный стонъ рабовъ,
Мольба любви и скорбь разлуки.

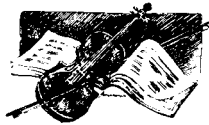
Когда, въ тиши нѣмыхъ ночей,
Твой голосъ томный раздастся,—
Струятся слезы изъ очей,
Въ груди на части сердце рвется.

Ты родилась среди степей,
Въ холодной мглѣ лѣсовъ сосновыхъ,
При плескѣ сѣверныхъ морей,
Подъ грознымъ свистомъ вьюгъ суровыхъ.

Народъ, измученный борьбой,
Въ години бѣды и испытанья
Тебѣ ввѣрялъ, — кивотъ святой,—
Свои надежды и страданья.

И голосъ твой печали полнь,
И вмѣстѣ — вдохновенной силы,
Какъ этотъ плескъ полярныхъ волнь,
Какъ этотъ шумъ лѣсовъ унылый...

Л. Граве.



Красныя слова.

Кто поеть, тотъ не сердится.

Коль работа справлена и поеть можно.

Н. Иваицкій.

Изъ нар. погов.



Соборъ св. Петра и крѣпость Ангела.

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ РИМѢ.

СЪ НѢМЕЦКАГО.



Въ Италіи нельзя путешествовать безъ жертвъ и приходится пропускать много хорошаго. Напримѣръ, какъ охотно побывали бы мы въ Сіенѣ! Подобно старому властелину, она царитъ надъ равниной съ холма, обнесенная стѣною съ девятью воротами и башнями. На самой вершинѣ высится мраморный храмъ, окруженный потемнѣвшими отъ времени дворцами, какъ бы поддерживаемый и вознесенный ими. У подошвы холма привольно раскинулся тосканскій садъ съ оливковыми деревьями, виноградниками и золотыми фруктами Цереры. Ласковые и кроткіе жители этой мѣстности говорятъ благозвучнымъ языкомъ. Сіена—это маленькая Флоренція!

Какъ манитъ побродить кругомъ прекраснаго Тразимейскаго озера, на берегахъ котораго разыгрались кровавыя событія, занесенныя на страницы римской исторіи. Здѣсь стояли карфагеняне въ 217 г. до Рождества Христова, подъ предводительствомъ Ганнибала, и ожидали римлянъ, которыхъ вель кон-

сулъ Фламиній. Всѣ окрестные холмы были заняты карагенянами. Финикійскіе всадники загородили ущелье, которымъ пошли римляне. И ихъ погибло тутъ пятнадцать тысячъ человекъ. Названіе ручья, впадающаго въ озеро, Сангвинетто, напоминаетъ и донныѣ красную окраску, полученную имъ отъ потоковъ крови, пролитой въ эти ужасные дни. Теперь въ этой мѣстности, красивѣйшемъ уголкѣ Италии, царствуетъ полная тишина. Города и городишки: Перугія, Монтепульчiano, Радикофани, Кастиллионе дель Орчіа и т. д.—старые и сѣрые, какъ бы затерянные, мирно стоятъ на холмахъ, несмотря на проведенную черезъ нихъ желѣзную дорогу. Надъ этими городами возносится величественный Монте-Амiато, съ вершины котораго виденъ соборъ св. Петра въ Римѣ.

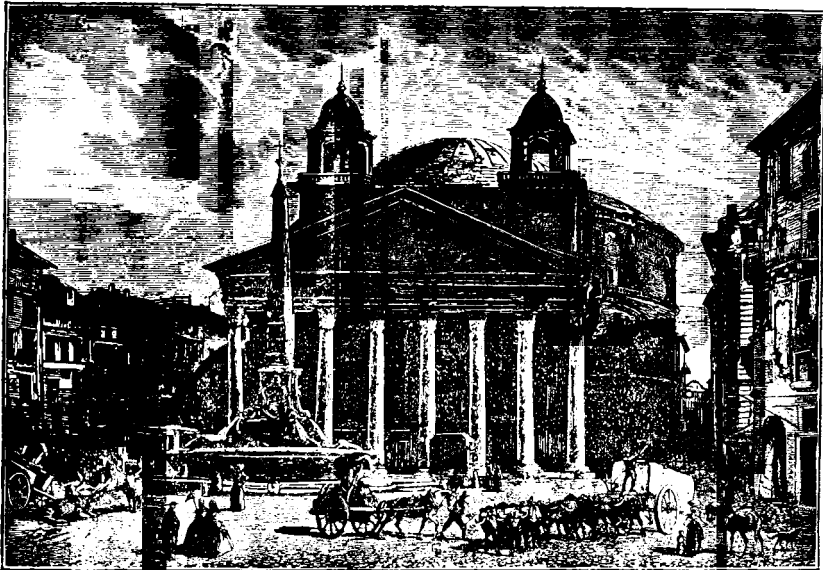
Перугія—старѣйшій этрусскій городъ. Имъ овладѣли римляне только при Октавіѣ Цезарѣ посредствомъ голода и дали ему названіе Августа Перузія. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ этотъ городъ достигъ могущества и подчинилъ себѣ многіе села и замки... Впослѣдствіи онъ прославился, какъ центръ умбрійской школы и живописи, которая дала намъ Рафаэля, ученика Перуджіо, усвоившаго свое прозвище отъ города. Многія картины того времени можно видѣть теперь въ городѣ и его окрестностяхъ, какъ, напримѣръ, въ близлежащемъ Ассизи, гдѣ родился св. Францискъ (1182 г.), основавшій великолѣпный по своей роскоши монастырь.

Въ такихъ городахъ соединилась исторія античнаго Рима съ исторіей церкви и въ нихъ можно прослѣдить постепенный переходъ римскаго язычества въ христіанство, превращеніе римскаго меча въ епископскій посохъ. Теперь же, при владычествѣ всемогущаго пара, эти города превратились въ проетые станціи, и если приходится остановиться въ одномъ изъ нихъ для пересадки, то интересуешься лишь только поѣздомъ, направляющимся въ Римъ.

Фиренцо... Орвіето... нашъ поѣздъ мчится надъ Тибромъ. Направо—Орте, Каstellано, далѣе Монте Соракте, длинная голубоватая цѣпь съ семью вершинами... она приближается и мы замѣчаемъ богатая ущелья, лѣсистыя горы, усѣянные старыми монастырями: на самомъ южномъ возвышеніи, монастырь лангобардовъ, Санъ Оресте, гдѣ старшій сынъ Карла Мартелла, Карлманъ, отказавшись отъ власти, кончилъ свои дни кающимся монахомъ. Въ Соракте скончался такъ же Оттонъ III... все это мимолетныя воспоминанія.. поѣздъ быстрѣе мчится впередъ, теперь уже въ римской области Кампаніи. Это сѣрая, малооживленная равнина, съ массой низкихъ холмиковъ, съ рѣдкими постройками. Тутъ можно встрѣтить старую патріархальную жизнь, царившую здѣсь при Ремѣ и Ромулѣ, когда они пасли еще скотъ. Поперекъ равнины тащутся бѣлые стада ословъ, за ними опаленные солнцемъ пастухи на лохматыхъ лошадяхъ. Они кричатъ, размахивая кнутами, и исчезаютъ за холмами на берегахъ Тибра. У воды, подъ ивами, стоитъ стадо лошадей. Животныя поворачиваютъ свои красивыя головы по направленію

къ грохочущему поѣзду и, фыркая, съ развѣвающимися грибами, убѣгаютъ рысью къ набережной. Попадаются группы земледѣльцевъ,—жителей Кампаніи, полуодѣтыхъ въ звѣриныя шкуры и лохмотья, изнуренныхъ лихорадкой, которая царитъ въ Кампаніи. Дальше поднимаются дугообразные столбы античнаго водопровода въ развалинахъ... на холмѣ старая башня, обвитая плющемъ, рядомъ незастроенное мѣсто, гдѣ растеть одинъ лишь чертополохъ... развалины жилища безъ оконъ, закопченныя дымомъ... вдали красивыя голубоватыя горы, а тамъ!... Пассажиры, высунувшись изъ оконъ вагона, указывали на горизонтъ, гдѣ изъ тумана выплывалъ куполь собора св. Петра и Римъ! Протяжный свистокъ локомотива, и поѣздъ, з амедляя ходъ, подъѣзжаетъ къ дебаркадеру римскаго вокзала.

И вотъ представители далекихъ иноземныхъ націй: современные галлы, германцы, британцы покидаютъ вагоны, спѣша нанести дружескій визитъ древней столицѣ. Когда-то эти націи



Пантеонъ.

выдерживали вражескія посѣщенія властелиновъ Рима. Шумный говоръ на многихъ нарѣчіяхъ, только не слышится болѣе латинскаго; страшная суетня, носильщики, посыльные, служащіе гостиницъ, кучера и т. д. предлагаютъ свои услуги.

Путешественники садятся въ омнибусъ изъ гостиницы, который направляется къ кишачему народомъ Корсо, минуя фермы Дюклетіана, находящаяся по одну сторону площади Термини, церковь С. Маріи, построенную Микель Анджело, мимо улицы Двадцатаго Сентября, напомнившую намъ день, въ который Римъ палъ сталъ итальянскимъ Римомъ. Мы въ Римѣ!

Пусть наше сердце ощутить полно эту радость: мы въ Римѣ! Подобное же чувство восторженной радости испытывалъ Гете, когда ему удалось, наконецъ, посѣтить этотъ городъ; вотъ что онъ пишетъ по этому случаю въ своемъ дневникѣ: „Теперь я здѣсь и я успокоился, и, какъ мнѣ кажется, успокоился на всю мою жизнь! Ибо все принимаетъ какъ бы новую жизнь, если увидишь своими глазами то, что давно тебѣ извѣстно наизусть. Всѣ мечты моей юности вижу на яву: въ оригиналахъ передо мною первыя гравюры по мѣди и все, что я видѣлъ только на картинахъ и рисункахъ, въ гравюрахъ, въ гипсѣ; куда ни пойду, вездѣ встрѣчаю знакомый новый мѣръ; все, какъ я себѣ представлялъ, но какъ-то и ново.“

Въ Римѣ слѣдуетъ экономить временемъ, какъ нигдѣ, чтобы избѣжать переутомленія. Чтобы сберечь время, планъ Рима надо носить не только въ карманѣ, но и въ головѣ, что весьма нетрудно.

Римъ лежитъ на холмистой равнинѣ; на сѣверъ отъ этой равнины поднимаются Сабинскія вулканическія горы, на югѣ цѣпь Албанскихъ горъ. Западную границу составляетъ Тирентское море; ближайшій берегъ этого моря отдаленъ отъ города на семь часовъ ходьбы. Тибръ, по-итальянски Тевере, раздѣляетъ Римъ на двѣ половины: западную и восточную. Восточная часть, вмѣщающая въ себѣ много развалинъ древняго Рима, гораздо обширнѣе западной, которая ограничивается Ватиканомъ и соборомъ св. Петра. Тутъ мы находимъ первый мостъ надъ Тибромъ, самый сѣверный, мостъ св. Ангела (Понте Сенъ Анджеоло); за нимъ слѣдуетъ по теченію—Понте С.Систо, Понте ди кварто капи и Понте Сенъ Бартоломео (мостъ С. Варооломея). Оба послѣдніе соединяютъ городъ съ островомъ на Тибрѣ. Часть города, на лѣвомъ берегу Тибра, состоитъ изъ Пинчіо, Квиринала, Капитолія, включая извѣстное Марсово поле. За Квириналомъ—Виминаль, а дальше южнѣе, но все еще на лѣвомъ берегу расположенъ Ватиканъ и Яникуль; Монте-Маріо лежитъ на самомъ высококомъ мѣстѣ, оттуда обширный и красивый видъ на окрестности. Кромѣ извѣстныхъ семи холмовъ въ Римѣ насчитываютъ еще двадцать другихъ возвышеній, образовавшихся частью изъ развалинъ стараго города. Семь холмовъ, отъ которыхъ Римъ получилъ названіе города на семи холмахъ, все-таки самыя значительныя, хотя они не рѣзко выдѣляются и сосчитать ихъ нельзя; углубленія между ними выровнялись зданіями или же сами собой стали менѣе замѣтны.

Главную часть новаго города составляетъ извѣстное Марсово поле, раздѣляющееся на двѣ части улицей Корсо. Она начинается отъ пьядцодель Пополо (Народная площадь) и кончается у палатцо ди Венеція. Южнѣе масса виноградниковъ, виллъ, монастырей. На правомъ берегу рѣки находится еще часть города, такъ называемая Трастевере. Если взять Корсо исходнымъ пунктомъ, нельзя сбиться съ дороги, такъ какъ подаваясь направо отъ него, всегда дойдешь до Тибра, прямо къ Колизею, а влѣво къ Монте-Пинчіо.

Начиная съ Корсо, постепенно двигаемся мы впередъ, проѣзжаемъ мимо колонны Марка Аврелія, Венеціанскаго дворца, Форума Трояна, Капитолія, на форумъ Романумъ, подъ аркой Тита въ Колизей и Латеранъ; отсюда посѣщаемъ красивую церковь С. Маріи Маджіоре, Квириналь съ Диоскурами, фонтанъ Треви, Пантеонъ, Фарнезійскую площадь, Гетто, островъ на Тибрѣ, откуда мы видимъ прелестнѣйшій храмъ Весты на берегу; ѣдемъ черезъ Трастевере къ площади св. Петра, заглядываемъ мелькомъ въ соборъ и возвращаемся мостомъ св. Ангела обратно въ Корсо.

Посѣтили мы Пантеонъ, храмъ нѣкогда посвященный всѣмъ богамъ, одно изъ самыхъ великолѣпныхъ зданій, оставшееся отъ древняго Рима; этотъ храмъ, извѣстный еще подъ названіемъ св. Маріи или еще проще—Ротонды, чрезвычайно красивъ; онъ освѣщается сверху. Его хотѣли посвятить императору Августу, но императоръ отказался отъ этой чести, посоветовавъ посвятить зданіе отцу боговъ и Марсу; отсюда возникло рѣшеніе посвятить его всѣмъ богамъ. Долго служилъ имъ этотъ храмъ, пока христіанство стало могущественно, старые боги исчезли и Ротонда въ 610 г., папой Бонифаціемъ IV, обращена въ христіанскую церковь. Сюда были привезены на двадцати восьми возахъ останки св. мучениковъ изъ христіанскихъ катакомбъ. Пантеонъ, какъ внутри, такъ и снаружи, производитъ одинаково величественное и грандіозное впечатлѣніе; онъ сохранился лучше всѣхъ античныхъ памятниковъ древности. Портикъ поддерживаютъ шестнадцать огромныхъ, гранитныхъ колоннъ коринтскаго стіля; бронзовыя фігуры, украшавшія когда-то фронтонъ, и бронзовая дверь у входа куда-то исчезли со всѣми орнаментами; но красота линій зданія, его контуры отъ этого не нарушились. Ниши внутри храма предназначались для статуй богинь, которыхъ тоже нѣтъ, зато прекрасный сводъ ротонды остался неповрежденнымъ; онъ оканчивается большимъ круглымъ отверстіемъ, пропускающимъ свѣтъ. Отверстіе это имѣетъ въ діаметрѣ 27 футовъ, въ немъ нѣтъ стеколъ, свѣтъ и воздухъ проникаютъ безпрепятственно, но вмѣстѣ съ ними и дождь. Часто случается, что луна свѣтитъ какъ разъ надъ отверстіемъ, что сообщаетъ внутренности храма прямо волшебную прелесть! Тутъ покоится прахъ художниковъ: Рафаэля, Аннибала Караччи, Балтазара Перуджи, Джіовани да Удине. Тутъ же погребенъ первый король соединенной Италіи, Викторъ Эммануиль. Болѣе прекраснаго мѣста для успокоенія невозможно было найти! Часто Пантеонъ внушалъ посѣтителямъ возвышенныя мысли, Микель Анджело при видѣ его воскликнулъ: Я хочу возвысить Пантеонъ до небесъ! Онъ сдержалъ слово и воздвигъ высоко надъ суетной землей куполь св. Петра. Это была побѣда искусства и науки, доказавшая, что христіанство все-таки могущественнѣе старыхъ боговъ, отошедшихъ въ прошлое. То же думалъ и Г. Х. фонъ Шубертъ, извѣстный нѣмецкій натуралистъ и философъ, бывший однажды въ Римѣ на страстной недѣлѣ. Онъ рассказываетъ: „когда я читалъ исторію мученичества и страданій Иисуса Хри-

ста, это простое, но вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное описаніе Его смерти, меня поразила мысль, что тѣ, кто Его осудили и предали смерти, были римлянами, и что римскіе солдаты составляли стражу у креста. Что отвѣтили бы тѣ римляне, если бы имъ сказали: „граждане Рима, мы настроимъ храмы для всѣхъ вашихъ боговъ и дворцы для вашихъ цезарей на семи холмахъ вашего вѣчнаго города, внемлите: этому Иисусу, котораго вы предали позорной смерти,—будутъ потомъ поклоняться въ нашемъ Пантеонѣ; Его храмы восторжествуютъ въ нашемъ Римѣ, а храмы капитолійскаго Юпитера, Миневры и Венеры будутъ разрушены и обращены въ прахъ; изъ камней, мрамора и бронзы вашихъ святынь воздвигнутъ храмъ Тому, Кого руки ваши бичевали и пригвоздили ко кресту. Апостоль Симонъ Петръ, трижды мало-душно отрекшійся отъ своего Господа и учителя, придетъ въ вашъ городъ и будетъ проповѣдывать дѣянія Иисуса Христа; ваши сограждане его умертвятъ, холмъ Яникуль будетъ Голгоею; но преемники того самого Петра станутъ проповѣдывать распятаго Бога и будутъ сидѣть на тронѣ вашихъ цезарей. Того человѣка, который говорилъ бы такъ въ день распятія Иисуса Христа, сочли бы за сумасшедшаго, или какъ богохульника, и такъ же предали бы распятію“.

Если бы въ экскурсію, которую мы намѣрены теперь предпринять, сопровождалъ насъ древній римлянинъ, одинъ изъ философовъ или выдающихся людей временъ Нерона, онъ убѣдился бы, что слово стало дѣломъ. Онъ напрасно искалъ бы циркъ Нерона, гдѣ столько христіанъ приняло мученичскій вѣнецъ. Съ изумленіемъ увидѣлъ бы онъ на его мѣстѣ величайшій храмъ христіанства, вознесшійся до облаковъ: соборъ св. Петра. Пантеономъ—произведеніемъ искусства древняго Рима, завладѣла церковь святого Петра, выросшая изъ горчичнаго зерна христіанской вѣры и ея духа!

Правда, начало было мало. Императоръ Константинъ вынулъ мощи апостола Петра изъ христіанскихъ катакомбъ и положилъ ихъ въ прочный гробъ. Надъ нимъ воздвигъ базилику, разукрашенную золотомъ, мозаикой и мраморомъ. Базилика значить собственно королевское зданіе. У грековъ и римлянъ это было четвероугольное, продолговатое строеніе, предназначенное для торговыхъ и судебныхъ дѣлъ. Такъ какъ сооруженіи онѣ были для собраній, то послужили впослѣдствіи образцомъ для первыхъ христіанскихъ Божьихъ домовъ. Въ базиликѣ св. Петра были погребены мученики, кругомъ нея возникло много мелкихъ церквей, монастырей и часовенъ. Такимъ образомъ, мало по малу возникъ цѣлый городъ. Во времена войнъ и народныхъ бѣдствій, папы умѣли всегда сохранить значеніе и богатство базилики, въ которой быстро накопились большія сокровища. Многіе короли, какъ, напр., Карлъ Великій и папы, были въ ней коронованы. Ея пышность и великолѣпіе развивались вплоть до девятаго столѣтія, а тамъ сарацины, при двукратномъ нашествіи, разграбили ее. При Фридрихѣ Барбароссѣ она сильно пострадала и было время, когда она поросла травой вплоть до

алтаря и здѣсь даже пасся скотъ. Въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ ее реставрировали, составили новый планъ и приступили къ работамъ.

Начало сдѣлалъ Николай V, соорудивъ заднюю трибуну, т. е. сводообразную нишу; но лишь Юлій II возымѣлъ обширные планы. Этотъ папа пожелалъ воздвигнуть себѣ великолѣпный памятникъ въ новомъ храмѣ и выполнение его поручилъ Микель Анджело. Это было въ 1506 г. Зданіе росло и становилось чѣмъ-то гигантскимъ, неудобноисполнимымъ; многое въ первоначальномъ планѣ измѣнялось, другое было признано негоднымъ, ломалось, вновь строилось и только сто двадцать лѣтъ спустя храмъ былъ освященъ папой Урбаномъ. Архитекторы, посвятившіе этому исполинскому зданію свои силы и знанія, были: Фра Джіокондо изъ Вероны, Рафаэль, Перуччи, Микель Анджело, Лигоріо, Бароччи фонъ Виньола, делла Порта, Карло Мадерно, Доменико Фонтано и, наконецъ, Бертини. У семи нянекъ дитя безъ глаза, много головъ, много умовъ. Каждый изъ архитекторовъ считалъ свой планъ единственно вѣрнымъ и, въ концѣ концовъ, образовалась беспорядочность плановъ и исполненія, послужившая не въ пользу цѣлаго. Только геній Микель Анджело ввелъ порядокъ въ строеніе, воздвигъ купола и исправилъ ошибки, придавъ зданію ровную, крестообразную форму. А такъ какъ Анджело имѣлъ возможность работать надъ нимъ довольно продолжительное время, втеченіе цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ, то все лучшее въ этомъ архитектурномъ произведеніи принадлежитъ ему и именно—внутреннее устройство. Его купола (не конченные имъ, къ сожалѣнію) представляютъ прекраснѣйшее архитектурное произведеніе міра. Когда стоишь внутри храма подъ куполомъ и поднимешь голову вверхъ, то видишь поистинѣ головокружительную высоту.

Передъ храмомъ, на площади св. Петра, Бертини поставилъ красивыя дорійскія колоннады, между которыми журчатъ два исполинскихъ фонтана и возвышается огромный обелискъ. Это самая красивая площадь во всемъ мірѣ.

Отъ 1506 г. до семнадцатаго столѣтія было истрчено на постройку храма около семидесяти милліоновъ рубл., а содержаніе его обходится еще и теперь около сорока тысячъ рубл. ежегодно.

Великолѣпіе внутренности храма превосходитъ всякое представленіе. По размѣрамъ это что-то колоссальное, такъ, напр., буквы надписи, на фрескахъ надъ сводами, въ два метра вышины (въ сажень), что совсѣмъ не поражаетъ взора. Длина храма—семьсотъ девяносто фут., ширина—пятьсотъ шестьдесятъ фут. Отъ алтаря открывается великолѣпная перспектива. Яркій свѣтъ въ изобиліи льется со всѣхъ сторонъ, освѣщая всѣ части храма. Теплый тонъ лежитъ на камняхъ, мраморѣ и металлѣ. Здѣсь все крѣпко и массивно, изъ камня даже изображенія и картины, стѣны и полы изъ полированного мрамора, своды потолка изъ золота и мозаики и все это придаетъ храму видъ выросшаго изъ

земли исполинскаго цвѣтка, сверкающаго множествомъ драгоценныхъ камней.

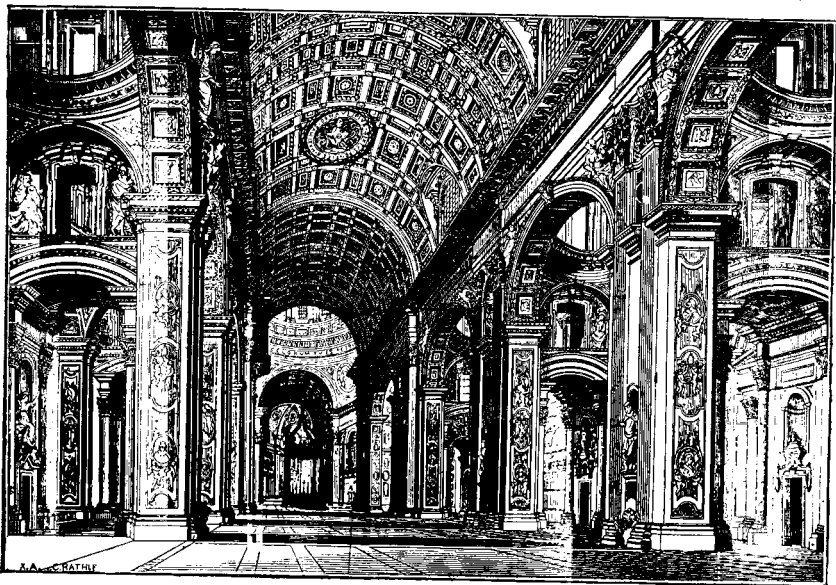
Вотъ бронзовая статуя апостола Петра, которому посвященъ храмъ. Вытянутая нога статуи совершенно истерта отъ поцѣлуевъ милліоновъ вѣрующихъ, посѣщающихъ храмъ. Ее цѣлуютъ почти ежеминутно въ теченіи цѣлаго дня. Возлѣ рѣшетки, окружающей останки апостола, всегда стоятъ колѣно-преклоненные мужчины и женщины, разныхъ сословій: богатые и бѣдные. Тутъ горитъ 89 лампъ въ формѣ цвѣточныхъ, вызолоченныхъ чашъ.

Перенесемъ мыслью въ тѣ времена, когда Петръ пришелъ въ Римъ... Тамъ за городомъ, въ горахъ, покрытыхъ виноградниками, стоитъ церковка Санъ Приска. Преданіе гласитъ, что она построена на развалинахъ дома жившей въ немъ нѣкогда еврейской четы, бывшей въ дружескихъ отношеніяхъ съ апостоломъ: Аквила, Присцилла имена этой четы, занимавшейся тканьемъ ковровъ. Павелъ нашелъ ихъ на пути въ Коринфъ. Въ дѣяніи апостоловъ сказано, что чета эта пришла туда изъ Италіи, послѣ изгнанія евреевъ изъ Рима императоромъ Клавдіемъ. Павелъ ткалъ вмѣстѣ съ ними; Петръ жилъ въ этомъ домѣ позднѣе во время римскаго преслѣдованія и, увѣровавшихъ во Христа, крестилъ въ ключѣ Фавна. Вездѣ встрѣчаемъ мы тутъ слѣды Петра въ народныхъ сказаніяхъ. Ужасы мамертинской тюрьмы напоминаютъ намъ такъ же имя сына бѣднаго рыбака, Симона Петра. Въ этой страшнѣйшей изъ темницъ, высѣченной въ сырыхъ скалахъ Анкомъ Марціемъ въ древнія, мрачныя времена, томился Манлій и были задушены единомышленники Каія Гракха, заговорщики Катилины. Тутъ были удушены: сорокъ три князя Этоліи, неукротимый Югурта, упрямый нумидіецъ, Симонъ Баръ-Кохба, іудейскій полководецъ; тутъ былъ обезглавленъ Сабиній, тибрскій министръ; томился здѣсь всемогущій тщеславный Сеянь... Теперь другая картина: мы видимъ Петра въ преклонныхъ лѣтахъ, мученика, готоваго къ смерти и готовящаго къ ней и другихъ; окруженный небольшою толпою заключенныхъ, онъ проповѣдуетъ имъ евангельскія слова любви. Силою вѣры исстаетъ изъ камня скалъ серебрястый источникъ... Люди, стояція у порога смерти, преклоняя головы, окружаютъ св. Петра, чтобы покорно принять крещенье въ новую жизнь. Каменный столбъ, маленькій алтарь, кружка для воды свидѣтельствуютъ объ этомъ памятномъ событіи. Незадолго передъ этимъ Петру явился І. Христосъ у воротъ св. Севастьяна, въ той мѣстности, гдѣ теперь выстроена церковка Domine, quo vadis? Петръ хотѣлъ бѣжать, чтобы избавиться отъ мученической смерти. И вдругъ узрѣлъ на дорогѣ І. Христа, несшаго Свой крестъ, по направленію къ городу. Петръ спросилъ: „Domine, quo vadis? Господи, камо грядеши?“ Христосъ отвѣтилъ: Venis Romam iterum crucifigi! —Я иду въ Римъ вторично умереть на крестѣ!—И устыдившійся Петръ, молча, повернулъ назадъ принять мученичество въ цркѣ Нерона. И въ храмѣ св. Петра написано исполинскими буквами: Tu es Petrus!—Ты еси Петръ, на этой скалѣ Я хочу построить мое зданіе, Я хочу вручить тебѣ ключи Царствія Божія.—

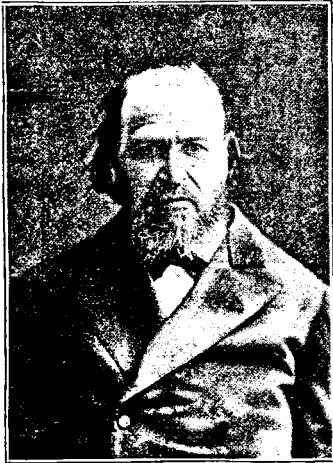
Камень, который отвергли, сталъ краеугольнымъ камнемъ и по сей день, восемнадцать столѣтій спустя, все еще поддержива-етъ гордое, исполинское зданіе христіанской церкви. Поучитель-но обойти весь храмъ, осмотрѣть могилы папъ и другихъ, на-шедшихъ здѣсь упокоеніе... Богатство, роскошь золота и мрамора подъ прахомъ и плѣсенью...

Перев. **Е. Полушкина.**

(Окончаніе слѣдуетъ).



Внутренность собора св. Петра.



Я. П. Полонскій.

Памяти Я. П. Полок- скаго. (*)

„Откуда-бъ ни былъ свѣтъ,
лишь былъ бы это свѣтъ“.

Я. Полонскій.

Еще на жизненной зарѣ,
Какъ соловей передразсвѣтнѣй,
Своею лирою привѣтной
Вѣщаль онъ людямъ о добрѣ.

И пѣснь его, какъ лучъ весны,
Сердцамъ, изнывшимъ отъ страданья,
Несла тепло и упованья
И вѣру въ радужные сны.

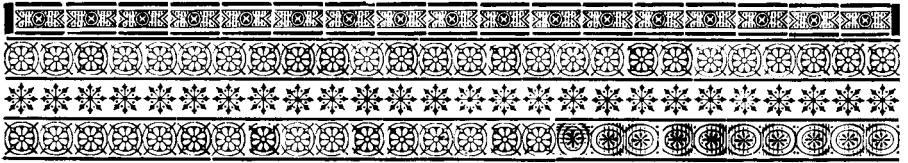
Душою молодъ, тѣломъ хиль,
Вѣнчанный лаврами поэта,
Апостоль мира, вѣстникъ свѣта,
Онъ въ Богѣ тихо опочилъ.

Онъ опочилъ, но пѣснь живетъ,
Она сердца людскія будить,
И Русь поэта не забудетъ:
Поэтъ Полонскій не умереть!

Дм. Варлыгинъ.

*) Въ настоящемъ году, 18 октября, минеть десять лѣтъ со дня смерти симпатичнаго поэта, съ любящею и нѣжною музою котораго мы всѣ знакомимся еще на школьной скамейкѣ. Помѣщая здѣсь прекрасное стихотвореніе Д. П. Варлыгина, я указываю читателямъ на октябр. книжку „Дневника Писателя“ за прошлый годъ, въ которой помѣщена моя бесѣда о Я. П. Полонскомъ, данъ его автографъ (изъ письма ко мнѣ) и напечатано мое стихотвореніе—„Памяти Полонскаго“, написанное еще въ 1899 г.—въ первую годовщину смерти поэта.

А. Кругловъ.



Націоналізмъ.

Открытый въ Петербургѣ Русскій Національный Союзъ, какъ и слѣдовало ожидать, вызвалъ съ одной стороны горячее сочувствіе и сердечныя пожеланія развитія и процвѣтанія, а съ другой—негодованіе и злобу. И сочувствіе и добрыя пожеланія процвѣтанія Союза понятны, но зачѣмъ злоба и негодованіе? Кому страшень Русскій Національный Союзъ? Почему чувства самоуваженія и самохраненія должны быть подавляемы въ народномъ сердцѣ?

Кажется, вся бѣда заключается въ томъ, что предмету дается или несвойственное, или ненужное ему понятіе и создаются страхи тамъ, гдѣ можетъ вовсе не быть имъ мѣста. Я имѣю въ виду здоровый націонализмъ, какой положительно возможенъ и который, вопреки строгимъ судьямъ его, отнюдь не обусловливается ни проявленіемъ „темныхъ чувствъ“, ни выдѣленіемъ изъ себѣ вражды, нетерпимости и гнета. Конечно, извратить можно что угодно.

Въ жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ людей, принадлежащихъ перу русскихъ авторовъ, мнѣ часто бросалось въ глаза какъ бы подчеркиваніе, что вотъ этотъ замѣчательный человѣкъ всегда былъ равнодушенъ къ національнымъ интересамъ; таковъ, напримѣръ, Шопенгауэръ, Бокль!.. и многіе другіе свѣтоочи человечества! Это справедливо, но дѣло въ томъ, что Шопенгауэръ, при всемъ своемъ равнодушіи къ націонализму, все-таки не могъ избрать мѣстомъ жительства какого-нибудь космополитическаго уголка, а поселился въ нѣмецкомъ даже и по укладу Франкфуртъ-на-Майнѣ и до конца жизни сохранилъ чистонѣмецкія черты и вкусъ: аккуратность и умѣренность; онъ игралъ на флейтѣ, пилъ отечественное пиво, восхищался природою франкфуртскихъ окрестностей, короче сказать, это былъ нѣмецъ съ головы до ногъ, все равно какъ Бокль являлся типичнымъ представителемъ англійскаго народа, плотью отъ плоти его. „Исторія цивилизаціи въ Англии“, краеугольный камень боклевской извѣстности, что такое, какъ не хвала народному самосознанію и не маякъ, указывающій Англии гавани благополучія? Это слѣдуетъ имѣть въ виду, осуждая русскій націонализмъ. Выходитъ такъ, что какъ бы допуская націонализмъ англійскаго, французскаго, польскаго и всякаго другого свойства, мы не желаемъ или не можемъ допустить русскаго націонализма, хотя бы онъ былъ мирень, какъ голубь, и не преслѣдовалъ ничего иного, кромѣ возвращенія народнаго самосознанія и закрѣпленія государственныхъ основъ. Если славяне на зарѣ своей государственности, дѣйствительно, посылали за варяжскими князьями, то ихъ натолкнули на это инстинктъ самохраненія и довольно-окрѣпшее сознаніе, что ихъ великая и богатая земля можетъ процвѣсти при наличности порядка и дружной творческой работы. Но и самый инстинктъ самохраненія и это сознаніе произошли отъ другого, первоначальнаго, сознанія, что корни славянскаго дерева крѣпки и жизненны и общають ему безсмертіе. Развѣ это не есть столь раннее проявленіе въ насъ націонализма?

Въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ произведеній („Кенельмъ Чиллингъ“) знаменитый англійскій писатель Э. Ж. Бульверъ замѣтилъ, что мухи могли бы стащить человѣка съ мѣста, если бы дѣйствовали единодушно. Это остроумно подмѣчено и назидательно выражено; какой же отсюда выводъ? Конечно, не тотъ, что надо забыть все и отдаться преслѣдованію двукрылыхъ, вообще, надобѣдливыхъ насѣкомыхъ. Это было бы смѣшно, по крайней мѣрѣ, и напомнило бы о томъ голландцѣ, который, во имя чистоплотности, гонялся цѣлые часы за паукомъ, вздумавшимъ посѣтить его квартиру; но это заставляетъ помнить, что у мухи есть не только жало, но и сила, и силу эту пренебрегать нельзя.

Но сила почитаетъ силу, все равно какъ уваженіемъ пользуется лишь тотъ, кто твердо стоитъ на своихъ ногахъ, не забрасывается, но и не роняетъ своей цѣны. Очень важно знать себѣ цѣну, между тѣмъ какъ мы, русскіе, напротивъ, страдаемъ отъ избытка самобичеванія и всюду чуть ли не выискиваемъ Пилатовъ, чтобы они выводили насъ на помость и унижали предъ фарисеями и саддукеями... Но это между прочимъ. Главное же въ гражданской, въ государственной работѣ, которая бы вызвала чувство уваженія со стороны и вмѣстѣ давала видѣть, что народъ—собиратель великой имперіи—не одряхлѣлъ и не истощился, какъ черноземъ, кормившій въ теченіе десяти вѣковъ, а по-прежнему жизнеспособенъ, здоровъ и полонъ творческихъ силъ; что чудо-богатыри не перевелись среди насъ, и сохранился закалъ, и есть почва для Ломоносовыхъ, и есть на всякій случай также порохъ въ пороховницѣ.

Первая забота каждаго правительства есть охрана гражданскаго благополучія. Долгъ всякаго правительства стоять на стражѣ законности и порядка; правительство крѣпко довѣряемъ къ нему народа, и на Руси, въ сущности, это было бы не болѣе, какъ дополненіемъ къ той прекрасной и счастливой особеннсти, которая отличаетъ Царствующій Домъ. Я хочу сослаться на Гоголя. Въ разсужденіи „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“ онъ сказалъ: ни одинъ царскій домъ не начинался такъ необыкновенно, какъ начался Домъ Романовыхъ: его начало было уже полвигъ любви. Съ 1613 года такихъ подвиговъ было множество, но далеко не часто русская любовь находила достойный ея откликъ въ не-русскихъ сердцахъ. Любить способно, само собою разумѣется, и не русское сердце, да вѣдь любовь любви рознь и, право, мало утѣшительнаго въ законѣ, по которому сердце болѣе глубокое должно неминуемо разбиться ради мелкаго сердца. Да въ такомъ случаѣ, стоитъ ли падать и размѣниваться при этомъ на мелкую монету?

Составъ населенія Россійской имперіи пестръ, какъ восточная шаль. Противъ великорусско-малорусско-бѣлорусской стѣны стоятъ народности, насчитывающіяся въ десяткѣ, изъ коихъ развѣ одна-двѣ представляютъ собою мирные муравейники, остальные же такъ похожи на клокочущіе вулканы, которые только ждутъ удобнаго момента для изверженія. Однѣ изъ нихъ были покорены, другія, сломленные усобицами, сами пришли просить о принятіи ихъ подъ могучаго Бѣлаго Царя и были приняты, третьи достались послѣ раздѣловъ. Жестоко осуждать вулканы за то, что они клокочуть, значить: хотѣть измѣнить неизмѣнные законы естества. Но легче ли отъ этого пивъ, которая называется имперіей, всахана для мирныхъ посѣвовъ, а ее жжетъ вулканическая зола и мѣшаетъ работѣ сѣятелей? Легче ли, спрашиваю я. У народностей, утратившихъ политическую самостоятельность, осталась, однако, исторія, запомнившая имена великихъ монарховъ и властителей и навсегда сохранившая славныя были; сохранились у нихъ и героическія пѣсни, не затерялись въ ихъ памяти и гимны, которые такъ будоражатъ и очень старыя раны, вызываютъ острую тоску о быломъ и зажигаютъ пороховые погреба въ сердцахъ. Если, какъ мнѣ доводилось наблюдать въ Черногоріи,

пѣня: „Онамо! онамо!“ (Туда! Туда!) возпламеняетъ даже свободныхъ сербскихъ горцевъ, то неужели выраженія, въ родѣ „Великая Армения“, „Великая Польша“ и т. п. не могутъ по-своему отдаваться въ ухахъ и душахъ потомковъ, чьи предки были гражданами этихъ Великихъ Армений, Великихъ Польшъ, самостоятельныхъ Грузій и т. д? Правда, исторія, съ другой стороны, и школа, она говоритъ, что великія государства разрушаются не внѣшними силами, а въслѣдствіе разложенія ихъ внутренней силы, но что за дѣло множеству до уроковъ прошлаго, когда любопытно будущее, а самое-то множество тѣсно обложено съ настоящимъ и такъ увлечено имъ, что на прошлое не хочетъ и оглянуться.

Каждый атомъ побѣжденной народности: полякъ, кавказецъ, армянинъ— это муха, болѣе или менѣе безопасная для государства, въ которомъ она входитъ еслівзять ее съ ея мечтами въ отдѣльности. Пусть даже мечты ея облиты горечью и покрыты озлобленностью; однако жъ, всѣ мухи, взятыя вмѣстѣ, мухи, вооруженныя единогодушіемъ,—уже сила и именно сила, способная пошатнуть даже громадный государственный организмъ. Такъ, съ этимъ ли не считается? Лежать ли и дремать, въ то время какъ сила нарастаетъ и нарастаетъ не для охраны дремлющаго, а напротивъ, чтобы ринуться на него и если не смять окончательно, то хорошенько обезсилѣть? Что бы ни говорили, но рыцарство уже не путь для большей части человѣчества. Честность и правдивость всегда лѣпились охотвѣе къ сѣверянамъ: къ скандинавамъ и ближайшимъ сосѣдямъ ихъ, славянамъ, т. е. къ намъ, чѣмъ къ другимъ народамъ. Часто насъ, сѣверянъ, называли неистовыми, но еще средневѣковые временники отмѣчали сѣверянскую правдивость и благородство. Нигдѣ, какъ въ сѣверныхъ державахъ, не умѣли держать вѣрности данному слову...

Посмотрите, что происходитъ кругомъ насъ. Гдѣ спокойно? Гдѣ процвѣтаетъ мирный трудъ? Отъ сѣверныхъ границъ Финляндіи до самой крайней точки Закавказья, отъ заплесковъ Варяжскаго моря до границъ Персіи все взбаломучено; заготовлены или уже горятъ костры и на нихъ сжигается обаяніе русской мощи, сжигаются наши святыни. Побѣдные трофеи нашихъ отцовъ и дѣдовъ приманка для охотниковъ до чужого добра и „единая, недѣлимая Россія“ уже стала мечтою для хирурговъ, которые давно приготовили инструменты для операціи и съ какою любовью принялись бы потрошить живое тѣло великой державы!

Тутъ мы вовсе не касаемся вопроса: кто виноватъ? Насъ сейчасъ не интересуютъ условія, при которыхъ въ государствѣ создались этакаго рода хирурга-потрошители; мы беремъ само явленіе, которое слишкомъ очевидно, какъ очевидно и сплоченность инородцевъ, т. е. очевидно именно ихъ націонализмъ. И опять таки дѣло не въ смертныхъ приговорахъ и не въ гнетѣ, и не въ отплатѣ мечемъ за мечъ—помилуй Богъ! а дѣло въ томъ, чтобы быть самимъ на сторожѣ и не переставать чувствовать, что мы должны дѣлать и что сдѣлали въ теченіе всего вѣкового строительства государства и до чего прострается отеческій долгъ русскаго орла по отношенію къ народностямъ, которыя такъ или иначе вкрапливались въ территоріальную кирту имперіи изъ вѣка въ вѣкъ.

Но здоровый русский націонализмъ развѣ станетъ мѣшать уплатѣ дѣйствительныхъ долговъ, или почему же онъ не смѣетъ исповѣдывать христіанской вѣры? И затѣмъ, почему онъ пропасть, которая будто бы вырастаетъ между побѣдителями и побѣжденными, націей и національностями для того, чтобы они не могли пожать дружески руку и братски обняться? Да это же не націонализмъ, а прямое уродство. Не о немъ толкъ.

Однако, можно ли закрывать глаза на воинствующій націонализмъ безпкойныхъ народностей и только безопасно улыбаться, въ то время, когда онѣ сно-

святъ горючій матерьялъ для костровъ. Что ужаснѣе мягкой улыбки слѣпца? А не проще ли отказаться отъ утопій и, примирившись съ суровою, увы! судьбою, залить костры и сообща съ коренной народностью отдаться лелѣянiю родного орла. Несомнѣнно, что даже и здоровый русскiй націонализмъ растопился бы въ огнѣ искренней любви, если бы она загорѣлась и осталась навсегда въ сердцахъ насельниковъ Привислиня, Кавказа, Балтiйскаго края и Финляндiи. Неужели и теперь еще надо говорить, что русскiй народъ ненавидитъ порабощенiе и, какъ исконный земледѣлецъ, не охочъ до смуты ради смуты? Некогда ему, пахарю, воевать....

Павель Россiевъ.



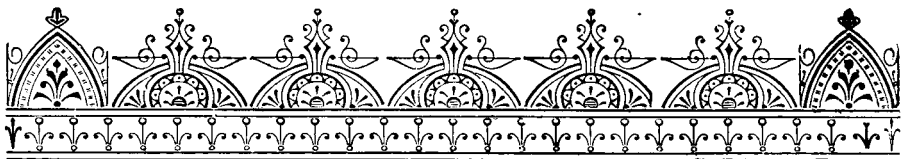
Въ альбомъ.

Нѣтъ, я горячихъ слезъ твоихъ не осмѣю
И не сочту тоску за малодушье;
Стыда въ томъ нѣтъ, что ты за родину свою
Скорбишь душой: постыдно равнодушье.

Пусть радостью блеститъ у ренегата взоръ,
Пусть гаеру ничтожество внимаетъ...
Кто любить родину, тому ея позоръ
На части сердце разрываетъ.

А. Кругловъ.





Воры.

„Берегитесь воровъ!“ „Берегите карманы!“

(Надпись на дверяхъ часовни).

Какая страшная, задѣвающая сердце надпись! И гдѣ же? Рядомъ со святыней! Здѣсь миллионы вздоховъ повисли въ воздухѣ, пролиты миллионы радостныхъ слезъ и молитвъ и тутъ же ошеломляющимъ обухомъ опускаются на васъ странно-тяжкія слова: „берегите карманы!“

И не доумѣваетъ сердце, только что согрѣтое дыханіемъ молитвы и, полное братскаго мира—не можетъ сразу принять эти далекія для него слова, этотъ, *какъ будто*, ненужный, предупреждающій голосъ.

Зачѣмъ эта надпись? Вѣдь это дѣлать людей, людей-братьевъ, врывается крикомъ въ гармонию ихъ молитвъ. Здѣсь у креста, у ногъ Сына Божія, — у этихъ ногъ, зацѣлованныхъ миллионами скорбѣвшихъ устъ, —здѣсь больно видѣть эту горькую необходимость — надпись, берегущую васъ отъ брата-человѣка...

Не хочется вѣрить, что здѣсь, гдѣ-то рядомъ съ вами, подъ тихій шепотъ моленій, лукаво притаился братъ-человѣкъ и старательно слѣдитъ за вашимъ карманомъ.. А, между тѣмъ, это правда, горькая правда печальной, грѣшной жизни...

Но все, чего бы ни лишилъ васъ такой человѣкъ, будетъ лишь жалкой крупницей въ сравненіи съ тѣмъ, что крадутъ у людей другіе воры. Міръ знаетъ худшихъ воровъ. Съ каждымъ днемъ жизнь больше и больше задыхается отъ нихъ, отъ смрада, застилающаго чистую, голубую лазурь неба жизни. Это—воры, обкрадывающіе душу, воры свѣта и чистоты жизни...

Воръ-карманникъ стащить у васъ мѣдяки или серебро, — пусть даже золото, — вамъ будетъ больно, досадно, жалко. Воры души выкрадываютъ безцѣнную жемчужину жизни, ея святыню — Бога и радость нашихъ упованій, — чистоту нашихъ дѣтей. Эти воры оставляютъ уже не боль, а ужасъ.

Съ Богомъ—свѣтъ, съ Нимъ—жизнь, безъ Него — сумракъ, безъ Него—гнилая жизнь, безъ Него и жизнь — смерть!

Вы подходите къ дѣтской кровати и, наклоняясь, бережно поднимаете на свою счастливую грудь теплое тѣльце вашего ребенка. Вы безъ счета дѣлаете розовую отъ сна щечку, облюю шейку, растрепавшіеся волосенки. Вы счастливы до слезъ, вы полны безконечной радости и благодарности къ Подателю этой маленькой жизни — этого начинающагося въ мірѣ новаго счастья, а воры жизни уже размѣсили свою грязь, уже намѣтили жертву и ждуть за угломъ, не терпящіе, немогущіе любить чистоты, ждуть, чтобъ запятнать, запачкать, обокрасть.

Дамъ, которымъ они закоптили жизнь, дасть имъ хорошіе барыши. Свѣтъ жизни продается за выгоду мрака. Вы крестите вашего ребенка, отправляя въ

школу, кутаєте любовной рукою потеплѣе отъ холода улицы, а отъ грязи ея спасти не въ силахъ. Забрызгають проѣхавшій экипажъ — можно вычистить платье, запачкають грязью бѣлоснѣжную душу ребенка — трудно чистить.

А грязь кругомъ. Въ безстыдномъ каскадѣ зазывающихъ открытокъ и фотографій, выкинутыхъ на окна магазиновъ, въ сальныхъ вывѣскахъ и книжонкахъ, въ удручающей брани извозчиковъ и дѣтей улицы. Вчера вечеромъ, обнявъ ребенка, вы читали съ нимъ великую повѣсть о жизни Распятаго, вашъ ребенокъ любовно лнулъ къ картинкамъ исторіи, разглядывая на нихъ согбеннаго подъ крестной ношей Богочеловѣка, а сегодня улица обнимаетъ его по своему. Останавливаясь у оконъ магазиновъ, услужливыхъ по части безстыдства, онъ тарачитъ ясные глазенки на кривляющіяся раздѣтыя фигуры полупьяныхъ дивъ-шансонетокъ, обильно выставленныхъ въ открыткахъ, только вчера полученныхъ изъ Вѣны. И свѣжая пачка этихъ фотографій уже грязнитъ свѣжую душу нашего ребенка, уже выкрадываетъ чистоту его взора... И — что всего ужаснѣе — рядомъ съ этими женщинами, показывающими кому-то языки и прищуренные глаза, сально улыбающіеся теперь, но которые въ дѣтствѣ тоже цѣловала безъ конца любящая мать, — рядомъ съ этими жестокими фотографіями, край съ краемъ, вашъ ребенокъ увидитъ въ витринѣ и вчерашнаго своего любимца, согбеннаго подъ крестной ношей. И еще одну несчастную женщину увидитъ вашъ ребенокъ — тамъ въ глубинѣ окна магазина, облокотившуюся на прилавокъ и ожидающую покупателя. Можетъ-быть, она сама мать и тоже сейчасъ только проводила въ школу свою дочь и цѣловала ее и крестила. А теперь подошла къ витринѣ и развѣсила эту свѣжую пачку вѣнскихъ открытокъ. Бѣдная мать, зачѣмъ ты это сдѣлала. И безъ тебя довольно воровъ въ жизни...

Всѣ эти фривольныя коробки и коробочки для конфетъ, бумажки отъ карамелекъ съ Ледами и одалисками, всѣ эти грязныя фотографіи магазиновъ и кинематографовъ — изначальная грязь для чистой дѣтской души, для голубого, яснаго взора...

Всѣ эти дикіе фасады лже-христіанскихъ домовъ съ дьявольскими рожами, разинутыми пастьями, выпяченными грудями, всѣ эти безстыдныя и стыдливыя каріатиды, всѣ эти сальные плакаты, афиши и вывѣски, обступившія наглою толпой, задавленные теперь громадами зданій, смиренныя старыя церкви столицы, — гдѣ еще теплятся лампы и молитвы, гдѣ еще не умерли и не умрутъ тихіе вздохи колѣнопреклоненныхъ людей объ уходящей чистотѣ жизни, — всѣ эти свободныя зрѣлища съ безстыдными репертуарами и афишами, нещадящими взрослыхъ и юныхъ, — вся эта освободившаяся отъ всякихъ вѣръ литература, выкрадывающая ежедневно изъ юныхъ душъ все, что есть чистаго и святаго на землѣ, все это — старыя, ядовитые цвѣты изъ кошиницы негнбущаго язычества. Но Сынъ Свѣта уже раздавилъ эту ложь пронзенными на Голгоѣѣ стопами. Онъ насытилъ міръ истиной и свѣтомъ. Онъ отдалъ жизнь — чистымъ и кроткимъ. И вотъ, за этой чистотой, лучшей жемчужной человѣческой жизни, тянутся воровскія руки. „Берегитесь воровъ!“

Милліоны гнилыхъ книгъ рассыпаны по землѣ. Милліоны рукъ тянутся къ нимъ и пачкають пальцы и души.

Отравой нечистой мысли напитывается умъ. Въ сердцѣ гаснетъ Богъ. И жизнь міра, чуднаго Божьяго міра, уже воспринимають сърастью насыщенные взоры и плѣсенью грѣха покрытыя души.

И то, что вы берегли и дѣляли, то, что вы охраняли отъ пылинокъ и вѣтерка, воры чистоты захватятъ своими грязными щупальцами и посягнуть на ваше безцѣнное.

Вы дрожали, берегли, лелѣяли, но подкрался челоуѣкъ, другой братъ-челоуѣкъ, и отнялъ у васъ не деньги, не кружочки изъ серебра или золота,— отнялъ чистые сны вашей юности. Бракъ—великая святыня, созидающая семью, и чистыя сердца знаютъ это. А воры жизни крадутъ у нашихъ дѣтей чистоту ихъ будущихъ брачныхъ поцѣлуевъ, чистоту ихъ распускающейся любви. Карманники оставляютъ досаду и печаль, воры души оставляютъ—ужасъ...

Но Тотъ, Кто отдалъ жизнь чистымъ и кроткимъ, сулилъ горе людямъ соблазна, ворами души и гасителямъ святыни.

Среди разбросанныхъ этими ворами колючекъ и битыхъ стеколъ пойдутъ наши дѣти ранить свои ноги въ жизни. И когда въ слезахъ, отъ этихъ порѣзовъ, они повернутся къ намъ, моля защиты, сами бессильные предъ ужасомъ зла жизни, мы прильнемъ крѣпче скорбными устами къ этимъ зацѣлованнымъ милліонами людей стопамъ Сына Божія и будемъ просить защиты и плакать и шептать:

— „Помоги, очисти и освяти!...“

И сюда же, къ нашимъ молитвамъ за своихъ дѣтей, мы прибавимъ еще и наши слезы за вашихъ дѣтей,—развратители жизни!

Вѣдь, тотъ ужасъ, которымъ вы наполнили жизнь, обвинеть и вашихъ дѣтей своимъ нечистымъ объятіемъ. И этотъ ужасъ будетъ несравненно тяжеле нашего, въ тотъ день, когда ваши дѣти поймутъ ваши дѣла и смутятся въ тяжелой мукѣ за кинутое вами наслѣдіе міру.

И когда имъ будетъ тяжело, когда содрогнутся ихъ души отъ непосильной муки и, одинокіе, они будутъ беспомощно метаться и биться головами о камни вашихъ надгробій, вы, отнявшіе у нихъ Бога и пути къ Нему, вы поймете тогда, что это вы сдѣлали ихъ бессильными утолить тоску души и найти цѣленіе и возрожденіе у ногъ Распятаго.

И тогда, можетъ-быть, изъ мрака вашихъ могилъ, вы, гасившіе свѣтъ жизни и крившіе его у людей, въ беспросвѣтномъ сумракѣ вашихъ гробовъ, слыша надъ собой эти вопли и стоны дѣтей, вашихъ дѣтей, вы содрогнетесь отъ ужаса собственной муки и въ позднеи раскаяніи сами готовы будете крикнуть людямъ, еще блуждающимъ въ сумракѣ жизни и стоящимъ на краю бездны:

— Берегитесь воровъ—гасящихъ свѣтъ жизни!

— Берегитесь воровъ—крадущихъ святыню міра!

С. Витимскій.





О религіозно-хрѣствѣномъ воспитаііи.

Свящ. М. И. Менстровъ.

Вопросъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи всегда былъ вопросомъ громаднѣйшей важности для школы, семьи и общества. Въ наше время, время „переоцѣнки разныхъ цѣнностей“, когда особый родъ литературныхъ произведеній направленъ исключительно къ вытравленію въ народѣ религіознаго чувства и здороваго бытового чувства общественности и патриотизма, вопросъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи пріобрѣтаетъ еще большее значеніе и прямо-таки вопіетъ на небо.

Конечно, основаніе религіозно-нравственнаго воспитанія полагается въ *семьѣ* и продолжается въ школахъ.

Поэтому нельзя не признать великимъ бѣдствіемъ для дитяти, когда его воспитываютъ безъ всякой заботы о христіанствѣ. И въ этомъ отношеніи первенствующая роль должна принадлежать матери. Религіозныя впечатлѣнія дѣтства остаются неизгладимо на всю жизнь, и если они не выходятъ изъ семьи, то трудно, чтобы они развились послѣ. Никакія школы, институты не могутъ замѣнить наставленій матери. Добродѣтель только тогда можетъ устоять противъ искушеній, когда въ домѣ родительскомъ положено ей прочное основаніе. Чему учила насъ добрая и благочестивая мать, что сѣяла она въ дѣтскомъ сердцѣ своимъ примѣромъ, добродѣтелями, любящими и наказующими взорами, словами и дѣлами, все то глубже и глубже укореняется въ насъ, все то у человѣка составляетъ основу совѣсти, образа жизни, характера и вмѣстѣ съ словомъ Божиимъ образуетъ религію.

Въ книгѣ Пресвященнаго Евсеія: „О воспитаніи дѣтей“ приведенъ въ примѣръ одинъ благочестивый человѣкъ, который, обращаясь къ своей давно умершей матери, воскликнулъ: „благодарю тебя, дорогая мать моя! Я вѣчно останусь твоимъ должникомъ! Когда я замѣчалъ твой взоръ, твои тѣлодвиженія, твое хожденіе предъ Богомъ, твои страданія, твое молчаніе, твои дары, твои труды, твою благословляющую руку, твою тихую постоянную молитву, тогда съ самыхъ раннихъ лѣтъ каждый разъ какъ бы вновь возраждалася во мнѣ жизнь духа,—чувство благочестія. И этого чувства не могли послѣ истребить никакія понятія, никакія страданія, никакія оболъщенія, никакіе вредные примѣры, никакія сомнѣнія, никакія притѣсненія, даже никакіе грѣхи. Еще живетъ во мнѣ эта

жизнь духа, хотя уже протекло болѣе сорока лѣтъ, какъ ты оставила временную жизнь.“

Подобныя же мысли прекрасно выражены въ слѣдующихъ поэтическихъ строфахъ покойнымъ Некрасовымъ, въ его извѣстной поэмѣ „Мать“:

„И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носить пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты —
О, мать моя, подвигнуть я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!“

„Насажденные матерью въ умѣ дитяти мысли подобны сѣменамъ, опущеннымъ въ землю, которыя лежатъ тамъ, современемъ пускаютъ ростки, а впоследствии разрастаются въ поступки, думы и привычки. Такимъ образомъ, мать сызнова живетъ въ своихъ дѣтяхъ. Послѣднія безсознательно формируются сообразно ея приемамъ, образу дѣйствія и жизни. Ея привычки становятся ихъ привычками; ея характеръ видимо воспроизводится въ ихъ характерѣ“ (Смайльсъ). Тайна такого могучаго влiянiя матери на своего ребенка заключается въ безпримѣрной силѣ любви ея къ своему дѣтищу, такой любви, которая свойственна только ей одной и которая, поэтому, называется *материнскою*. О влiянiи такой любви на ребенка такъ говоритъ глубокий психологъ Песталоцци: „впечатлѣнiе, производимое любовiю матери и доставляющее ребенку какое-нибудь удовольствiе, есть впечатлѣнiе нѣкоторой неумирающей высшей внутренней жизни; оно есть впечатлѣнiе отъ охватывающаго все существо ребенка побужденiя къ взаимной любви, къ благодарности, къ довѣрiю и ко всякой внутренней и виѣшней дѣятельности, до которой могутъ насъ возвысить возбужденныя этимъ впечатлѣнiемъ наши природныя способности“ (Избран. педагог. сочин. Г. Песталоцци, т. 3, стр. 307).

Мать, предметъ любви и нѣжности дитяти, стоитъ съ благоговѣйнымъ выраженiемъ лица и молится предъ иконою Спасителя; дитя посмотритъ то на нее, то на образъ—и не нуждается въ длинныхъ объясненiяхъ того, что это значить. Вотъ первый безмолвный урокъ Богопознанiя.

Въ дѣлѣ воспитанiя вообще и религiознаго въ особенности имѣетъ полную силу и значенiе правило: „живите сами такъ, какъ хотите, чтобы жили ваши дѣти.“

У покойнаго А. П. Чехова въ повѣсти „Мужики,“ изображена дѣвочка Саша, мать которой отличалась глубокой и искренней религiозностью, и душа ребенка чутко восприняла настроенiе матери.

„Сашѣ минуло уже десять лѣтъ, но она была мала ростомъ, очень худа, и на видъ ей можно было дать лѣтъ семь, не больше. Среди другихъ дѣвочекъ, загорѣвшихъ, дурно остриженныхъ, одѣтыхъ въ длинныя полинялыя рубахи, она, бѣленькая, съ большими, темными глазами, съ красною ленточкою въ волосахъ, казалась забавною, точно это былъ звѣрекъ, котораго поймали въ полѣ и принесли въ избу.“

Бабка поставила Сашу около своего огорода и приказала ей стеречь, чтобы не зашли гуси. Былъ жаркiй августовскiй день. Саша постояла немного, соскучилась и, видя, что гуси не идутъ, отошла къ обрыву. Тамъ она увидала старшую дочь Марьи, восьмилѣтнюю Мотыку, которая стояла неподвижно на громад-

номъ камнѣ и глядѣла на церковь. Мотька, босая, въ длинной рубахѣ, стояла на припекѣ, солнце жгло ей прямо въ темя, но она не замѣчала этого и точно окаменѣла. Саша стояла съ нею рядомъ и сказала, глядя на церковь:

— Въ церкви Богъ живетъ. У людей горять лампы да свѣчи, а у Бога лампадки красненькія, зелененькія, синенькія, какъ глазочки. Ночью Богъ ходитъ по церкви, и съ нимъ Пресвятая Богородица и Николай угодничекъ — тукъ, тукъ, тукъ... А сторожу страшно, страшно! И-и, касатка, — добавила она, подражая своей матери. — А когда будетъ свѣтопреставленіе, то всѣ церкви унесутся на небо.

— Съ ко-ло-ко-ла-ми? — спрашивала Мотька басомъ, растягивая каждый слогъ.

— Съ колоколами. А когда свѣтопреставленіе, добрые пойдутъ въ рай, а сердитые будутъ горѣть въ огнѣ вѣчно и неугасимо, касатка. Моей мамѣ и тоже Марьѣ Богъ скажетъ: вы никого не обижали и за это идите направо, въ рай; а Кирьяку и бабкѣ скажетъ: а вы идите налѣво, въ огонь. И кто скоромное ѣлъ, того тоже въ огонь.

Она посмотрѣла вверхъ на небо, широко раскрывъ глаза, и сказала:

— Гляди на небо, не мигай, — ангеловъ видать. — Мотька тоже стала сморѣть на небо, и минута прошла въ молчаніи.

— Видишь? — спросила Саша.

— Не видать, — проговорила Мотька басомъ.

— А я вижу. Маленькіе ангелочки летаютъ по небу и крылышками — мелькь, мелькь, будто комарики.“

Мать учить дитя говорить — пусть учитъ его и молиться. Нечего боятся, что молитва дитяти будетъ бездушнымъ повтореніемъ словъ. Если святное чувство объемлетъ ея душу, то и дитя не станетъ употреблять имя Божіе напрасно.

Когда мать творитъ съ своимъ младенцемъ утреннюю и вечернюю молитву, она творитъ самое святое дѣло.

Когда дитя начинаетъ вслушиваться въ рассказы, дѣло матери воспользоваться этою порою. Пусть она рассказываетъ ему событія священной исторіи, особенно исторію Спасителя. Никто съ большимъ успѣхомъ не можетъ исполнить этого дѣла.

Когда у евреевъ установленъ былъ священный праздникъ Пасхи, вотъ что повелѣлъ имъ Богъ: „когда ваши дѣти спросятъ: что это такое? отвѣчайте — это Пасха Господня“. Надобно водить дѣтей въ церковь. Пусть видать они, что происходитъ въ храмѣ Божіемъ. Отсюда рождаются вопросы. Родители должны отвѣчать на эти вопросы со всею снисходительностію. Тогда, въ это именно время всякій отвѣтъ будетъ принятъ съ вѣрою и глубоко пуститъ корни.

Съ точки зрѣнія христіанскаго воспитанія, мы въ качествѣ учениковъ Спасителя знаемъ, что есть дарованія духовныя, равно какъ и дарованія естественныя, и если наши дѣти посредствомъ таинствъ вступили въ союзъ благодати, то это для того, чтобы духъ Божій развивался въ нихъ: это первая сторона христіанскаго воспитанія, вторая же состоитъ въ томъ, чтобы бороться съ грѣхомъ въ дитяти, ибо хотя мы и говоримъ, какъ привыкли говорить, что дѣти невинны, но мы хорошо знаемъ, что это не такъ. *Воспитаніе должно поставить себѣ цѣлью преоблѣдить развитіе страстей, которыя были бы погибелью всей жизни дѣтей.*

Религія есть прежде жизнь, чѣмъ наука. Слѣдовательно, религія прежде всего должна быть представляема дитяти подъ формою жизни, а не какъ пред-

метъ ученія. Религія—окружающій дитя воздухъ, которымъ оно дышетъ. Духъ и порядокъ семейственный, вся среда, въ которой обращается дитя, представляетъ ему религію, какъ нѣчто естественное.

Начинать учить дитя молиться никогда не будетъ слишкомъ рано. Если само дитя еще не можетъ молиться, мать будетъ молиться за него. Когда же дитя начнетъ говорить, пусть учать его произносить слова молитвенныя. Пусть не останавливаетъ мысль, что дитя, можетъ-быть, не понимаетъ. Въ воспитаніи опытомъ достигается пониманіе, а не наоборотъ. Чего дитя не понимаетъ, то оно чувствуетъ и отгадываетъ. Міръ небесныхъ предметовъ не чуждъ дитяти, пониманіе его не даетъ ему въ этомъ отчета, но это какъ бы отечество его духа. Оно бесѣдуетъ съ своимъ небеснымъ Отцомъ, не научившись познаванію Его. Это все равно, какъ если бы Богъ былъ для него таинственнымъ другомъ его души. Когда дитя приобрѣло къ этому привычку, оно крѣпко будетъ держаться ея, и если бы мать забыла помолиться, дитя напомнило бы ей объ этомъ.

Первая пища, которой требуетъ умъ дитяти, не наука, но *поэзія и исторія*. Въ его умѣ есть нѣчто поэтическое и романтическое. Всѣ мы очень часто замѣчали игру его воображенія. При такихъ вкусахъ религія должна ему нравиться. Поэзія и исторія нечувствительно усваиваютъ ему и науку. Дитя охотно выучиваетъ небольшіе стихи и всегда находитъ тайное удовольствіе въ слушаніи исторій.

Какое восхищеніе въ каждомъ изъ насъ производили рассказы изъ ветхозавѣтной исторіи. Кто не помнитъ, какое дѣйствіе производила исторія Давида и Голиафа, исторія Іосифа и братьевъ его, исторія жертвоприношенія Авраамомъ Исаака? А сколько назиданій получали мы при слушаніи или чтеніи исторіи земной жизни Спасителя?

Каждому извѣстно, какъ нравятся дѣтямъ библейскіе образы, въ какихъ воспроизводятся эти событія. Совершенно не понимаютъ дѣтской природы тѣ, которые хотѣли бы отнять отъ дѣтей Библію и библейскую исторію. Они убожатъ дѣтство; а почему? Потому что въ Библии содержатся чудеса. Но дитя само по себѣ живетъ въ мірѣ чудесъ. Критика и сомнѣвіе не замедлятъ явиться. Не должно преждевременно пріучать умъ къ резонерству. Одинаково заблуждаются какъ въ томъ случаѣ, когда посвящаютъ дитя въ піетизмъ, который для него еще не имѣетъ значенія, такъ и въ томъ, когда, дѣлая отвлеченіе изъ библейской исторіи, приводятъ его въ песчаная равнины моральныхъ общихъ мѣстъ. Пусть дитя остается дитятею. Сохранимъ ему его поэтической міръ и его поэтическія личности, и тогда приведемъ его къ изученію катихизиса.

Насъ могутъ спросить: не боимся ли мы поработить молодого человѣка религіознымъ характеромъ воспитанія? Напротивъ, тотъ, кто преклоняется предъ Богомъ, прямо стоитъ предъ людьми. Токвиль говоритъ: „Невѣрующій народъ долженъ рабствовать.“ Религіозный только народъ можетъ переносить свободу. Основаніе воспитанія состоитъ въ развитіи идеала въ юномъ человѣкѣ; всякій же истинный идеалъ имѣетъ основаніемъ своимъ религіозность. На этомъ основаніи духъ возвышается къ вѣчнымъ благамъ, между тѣмъ какъ безъ религіозности идеалъ разсѣивается, какъ утренняя роса.

Если мы хотимъ, чтобы наша молодежь имѣла свѣжесть, чтобы она была весела и свободна, сохранимъ ей благочестіе, привьемъ ей съ самыхъ раннихъ лѣтъ истинную религіозность...

Священникъ **М. Менстровъ.**



Внутренность Университетской церкви.

Сорокалѣтній юбилей.

Въ августѣ этого года исполнилось сорокъ лѣтъ учено-педагогической дѣятельности профессора богословія московскаго университета, о. протоіеря Николая Александровича Елеонскаго. Нельзя обойти молчаніемъ этого юбилея, ибо, по нашему мнѣнію должно быть отмѣчаемо всякое честное служеніе родинѣ, церкви и наукѣ. Опять и опять скажемъ: нѣтъ большого и малаго добра, есть только добро, когда оно является какъ результатъ, какъ плодъ стремленій и желаній быть полезнымъ. Особенно важна служба родинѣ на посту просвѣтителя юношества, въ санѣ пастыря. Почетный юбиляръ является пастыремъ и просвѣтителемъ юношества именно тѣмъ *свѣтомъ*, который „просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, является проповѣдникомъ Христовой

истины, толкователемъ церковнаго званія, дѣйствующимъ и на мысль и на чувства слушателей. Что онъ на своей нивѣ „добрый сѣятель“, это видно изъ слѣдующихъ строкъ одного изъ его слушателей-студентовъ: „Кто изъ бывшихъ студентовъ московскаго университета не сохранитъ самыхъ лучшихъ воспоминаній объ этомъ въ высшей степени добромъ и отзывчивомъ человѣкѣ, талантливомъ профессорѣ, умѣющемъ заинтересовать своими лекціями нашу молодежь, вообще скептически относящуюся къ вопросамъ вѣры?“

У пишущаго эти строки хорошо сохранилось воспоминаніе, какъ переполненная слушателями большая словесная аудиторія съ напряженнымъ вниманіемъ ловила каждое слово о. Н. А. Елеонскаго, а онъ мягкимъ, задушевнымъ голосомъ излагалъ имъ исторію христіанства.

Не одинъ десятокъ тысячъ студентовъ слушали лекціи о. Н. А. Елеонскаго, и мы увѣрены, что каждый изъ нихъ съ любовью вспоминаетъ своего добрыйшаго профессора богословія.“

Такъ говорить можно далеко не о всѣхъ... Какъ всѣ русскіе люди, о. Елеонскій отличается необычайною скромностью. Эта черта, это качество является очень цѣннымъ въ служителя алтаря. Но эта христіанская скромность не мѣшаетъ проявленію той *горячности*, которая диктуется любовью и ревностью по дому Божію и Его истинѣ.



Профессоръ богословія Императорскаго московскаго университета, протоіерей Н. А. Елеонскій.

Эта скромность—только противоположность стремленію выставлять себя. Зато самая жизнь, самая служба такихъ скромныхъ дѣятелей выдвигаетъ ихъ впередъ и *за нихъ* говорятъ о нихъ тѣ, для которыхъ они трудились, которыхъ они наставляли и просвѣщали.

Авторъ этой замѣтки на себѣ самомъ испыталъ благотворное вліяніе задушевнаго и назидательнаго слова почтеннаго юбиляра, настоятеля университетской церкви, въ которую идутъ многіе, чтобы въ недолгія минуты исповѣди почерпнуть въ добромъ наставленіи и глубокомъ разъясненіи своихъ недоумѣній духовное подкрѣпленіе и обрѣсти душевный покой.

Въ церкви св. Татианы, внутреннее расположеніе которой представлено здѣсь съ точнаго снимка, какъ-то „хорошо молится.“ Стоитъ побывать разъ, два—и васъ туда будетъ тянуть...

Заговоривъ объ универ. церкви, слѣдуетъ замѣтить, что она въ самомъ зданіи университета помѣщается толь-

ко съ приобрѣтенія университетомъ дома гг. Пашковыхъ.

Въ заключеніе сообщимъ біографическія данныя о почтенному юбилярѣ. О. Николай Александровичъ Елеонскій, магистръ богословія, родился въ 1843 г. 11 ноября,—сынъ протоіерея калужской губ. Обучался въ калужской семинаріи и затѣмъ въ московской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ

въ 1868 г. Съ 16 августа того же года служилъ въ семинаріяхъ харьковской и московской; осенью 1870 г. совѣтомъ московской духовной академіи былъ избранъ въ доценты академіи по кафедрѣ Свящ. Писанія Ветхаго Заѣта, въ 1879 г. былъ определенъ ординарнымъ профессоромъ богословія въ петровскую земледѣльческую и лѣсную академію, а въ 1892 году въ московскій университетъ, гдѣ и состоитъ по настоящее время.

Учено-литературные труды прот. Елеонскаго помѣщались въ различныхъ журналахъ. Имъ между прочимъ напечатаны:

I. По Свящ. Писанію, въ журналѣ „Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“, въ 70-хъ годахъ: „Разборъ мнѣнія Бауера о Евангеліи отъ Марка“; „Свидѣтельства о происхожденіи перевода LXX и степень ихъ достовѣрности“; нѣсколько опытовъ толкованія ветхозаѣтнаго текста изъ книгъ Вытія и прор. Исаи и мн. др. Въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ въ 1903—4 гг. изслѣдованіе: „Подлинность и достовѣрность Пятикнижія“.

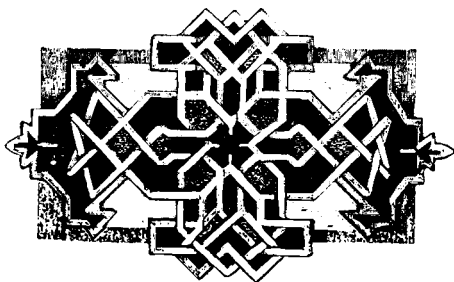
II. По библейской географіи, въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе“ въ 1870—90 гг., рядъ статей, обнимающихъ физическую географію Палестины.

III. По основному богословію, въ журналѣ „Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ въ 1890-хъ годахъ, нѣсколько статей по существеннымъ вопросамъ названной богословской системы. Кроме того, принялъ участіе? начиная съ 1905 г., въ составленіи „Богословской энциклопедіи“ и часть статей на букву К, относящихся къ Библии, помѣстилъ въ VII и VIII томахъ названнаго изданія.

Отдѣльно изданы брошюры и книги: 1) О „новомъ Евангеліи“ графа Л. Н. Толстого. М. 1889 г. 2) О конечной цѣли человѣческой жизни. М. 1889 г. 3) Физическая географія Палестины, ч. I и II. Сиб. 1894 г. 4) Краткія записки по основному богословію. М. 1895 г. 5) То же сочиненіе, исправл. и дополнен. Изд. 2-е ч., I-я М. 1900 г.

Съ удовольствіемъ и съ гордостью добавимъ, что въ прошломъ году, въ „Дн. Писат.“ (октябрь) была помѣщена небольшая, но горячая и сильная статья о Н. А. Елеонскаго—„Къ молодежи“. Надѣмся, что почтенный ученый пастыръ и впредь не забудетъ нашего журнала.

А. В. К.





Книжное обозрѣніе.

1

Изнанка войны.

(„Часть испытанія“—сборникъ статей Эль-Эсъ. С.-Пб.).



Жакъ люди, такъ и событія имѣютъ двоякую цѣнность, зависящую отъ того, подъ какимъ угломъ на нихъ смотреть. Любая дѣйствительная величина заслоняется опошляваніемъ и замалчиваніемъ, и слѣпая толпа проходитъ мимо событій и людей, даже не подозрѣвая, что она обходитъ своимъ вниманіемъ. Зато какимъ идолопоклонствомъ окружаетъ она все, что вознесено крикливою рекламой и раздуто пристрастіемъ или корыстью. Будь это незначительное событіе или ничтожнѣйшій изъ людей, вродѣ сапожника Фохта, совершившаго грабежъ въ Копенникѣ и попавшаго въ герои у ополумѣвшихъ нѣмцевъ. Толпа — безликая и бессмысленная масса. Мыслятъ и обладаютъ физиономіей лишь недюжинные особи. Они-то и воздѣйствуютъ на толпу, которая заряжается ихъ взглядами. Подъ влияніемъ послѣднихъ она создаетъ якобы свое мнѣніе. Но мнѣніе — не убѣжденіе, оттого оно такъ шатко и измѣняется сообразно вѣяніемъ моды. И вотъ сегодняшній кумирь — завтра разбитъ и поверженъ во прахъ... Удерживается на пьедесталѣ лишь то, что вѣчно, хотя это вѣчное часто и заслоняется временнымъ... Но исторія провозноситъ свой нелицепріятный судъ и ставитъ людей и событія на подобающія имъ мѣста. Для этого исторія подвергаетъ неутомимой

критикѣ всё свидѣтельскія показанія, каковы бы онѣ ни были, отбрасывая балласть и добросовѣстно профильтровывая крупичи истины...

Къ числу именно такихъ достовѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній мы относимъ сборникъ Эль-Эсъ—„Часъ испытанія“, проливающей свѣтъ на многія закулистные стороны войны и ея истинныхъ и рекламированныхъ героевъ.

Помимо личныхъ записокъ, авторъ пользуется поддержками изъ „Дневника“ сестры милосердія Баумгартенъ и сочиненій одного японскаго офицера.

Когда пораженія манжурской арміи вызвали въ русскихъ взрывъ негодованія и войско было осыпано градомъ несправедливыхъ упрековъ и обвиненій, г. Эль-Эсъ всталъ на защиту военной части съ фактическимъ матеріаломъ въ рукахъ, который онъ и предложилъ на безпристрастный судъ общества.

Каковы были наши рядовые офицеры?

На это краснорѣчиво отвѣтятъ тѣ герои-мученики, которые не захотѣли покинуть свои разстрѣлянные броненосцы и вмѣстѣ съ ними погрузились въ морскую пучину. А также—доблестный защитникъ Портъ-Артурскаго укрѣпленія № 3, не сходявшій съ позиціи 5 съ половиною мѣсяцевъ, пока его не изувѣчили. Своимъ орудіямъ онъ отдалъ всю молодость и здоровье. И когда этого беззавѣтно-храбраго офицера спросили:

— Каково было настроеніе вашихъ людей при сдачѣ?

Онъ отвѣтилъ потрясающей по своему значенію фразой:

— Я не могу судить о настроеніи людей, потому что у меня изъ 360 человѣкъ остался только одинъ.

Или кому неизвѣстна Высокая гора, съ именемъ которой связано легендарное геройство ея защитника? Его исторія почти сказочная, хотя и выхвачена прямо изъ жизни. „Въ глухую сентябрьскую ночь,—говоритъ авторъ книги,—когда японцы, поднявшись по Высокой горѣ, захватили ее почти до вершины и защитники Портъ-Артура, изнеможенные и обезсиленные, стали стѣной, своей живой грудью, противъ дальнѣйшаго наступленія врага и когда казалось невыполнимымъ вернуть утерянныя позиціи, одинъ безпокойный лейтенантъ, который никакъ не могъ примириться съ мирнымъ положеніемъ нашего флота, рѣшилъ отвоевать Высокую гору. Попытка, по своей дерзости, почти безумная. Но есть въ душѣ человѣка, что выше соображеній осторожнаго разсудка. Онъ, этотъ человѣкъ кипучей энергіи, взялъ съ собой своего матроса-минера и двухъ охотниковъ-стрѣлковъ изъ числа отчаянныхъ, заинтересовавшихся почти несбыточнымъ предпріятіемъ не знавшаго страха и опасности офицера. Этотъ офицеръ, набивъ динамитомъ патроны собственнаго приготовленія, рѣшилъ атаковать японцевъ въ самыхъ ихъ окопахъ. Подъ страшнымъ разстрѣломъ, скользя и падая среди разлагавшихся труповъ, онъ подползъ къ самому редиуту японцевъ и сталъ туда швырять патроны. Вышло неудачно—блиндажъ не разрушился. Лейтенантъ съ 3-мя людьми отступилъ, отдохнулъ и рѣшилъ зайти съ другой стороны. Онъ только попросилъ начальника караула, стоявшаго недалеко, поддержать его въ случаѣ удачи. Правда, помощь была не такъ велика: въ ротѣ было 36 человѣкъ, а другой ротный командиръ, обѣщавшій поддержку, привелъ 8 человѣкъ! Но въ Портъ-Артурѣ и это была сила. Затѣмъ лейтенантъ подползъ вторично къ блиндажу и швырнулъ свои патроны въ самую середину помѣщенія, взорвавъ всѣхъ, кто тамъ былъ. На этотъ побѣдный взрывъ сбѣжалась горсть нашихъ стрѣлковъ, и 3 линіи японцевъ были выбиты изъ окоповъ, и взятіе Высокой горы было отсрочено на два мѣсяца... Имя этого лейтенанта извѣстно всѣмъ русскимъ людямъ. Онъ былъ не одинъ въ славной стаѣ орловъ Портъ-Артура. Да развѣ могла бы держаться обездоленная и разоренная крѣпость,

если бы не было таких скромных героев, как поручикъ, который, защищая Орлиное гнѣздо, съ 60 стрѣлками, 5 разъ ходилъ въ атаку на японцевъ! А вѣдь тѣхъ было 2 полка подъ защитой десятковъ орудій! Неужели не дрогнуло ваше сердце и вы спокойно могли читать, какъ на это по истинѣ Орлиное гнѣздо, дышавшее неутомимой смертью, покрытое разорванными останками своихъ защитниковъ, карабкались подъ ужасающимъ огнемъ 11-тидюймовыхъ снарядовъ наши беззащитные стрѣлки со словами:

— Пришли, ваше благородіе, на Орлиномъ помирать.

И вѣдь сдержали свое слово эти сѣрые шинели! всѣ умерли на этомъ страшномъ мѣстѣ „смерти и разрушенія!“

Но съ особеннымъ чувствомъ понятнаго удовольствія читаешь отзывы о нашей арміи японцевъ, нашихъ недавнихъ счастливыхъ враговъ. Эту величайшую изъ войнъ японскій офицеръ описалъ въ цѣлыхъ 18 томахъ, причемъ отдалъ должную дань справедливости мужеству и доблести русской арміи. Онъ говоритъ, что въ одно мѣстѣ „казаки такъ стремительно атаковали японцевъ, что сами *черти обратились бы въ бѣгство*“ (85). Онъ высоко ставитъ заслугу рядовыхъ бойцовъ, не желавшихъ уступать. „Непріятель, (т.-е русскіе), поражаемый убійственнымъ огнемъ съ нашихъ (японскихъ) высокихъ позицій (подъ Вафангау), проявилъ отчаянную храбрость“ (91 ст.), говоритъ нашъ врагъ и не скрываетъ своего восхищенія и уваженія къ блистательной храбрости нашихъ офицеровъ.

Японецъ вообще высказываетъ удивленіе „передъ исключительнымъ мужествомъ и той стойкостью русской арміи, которая могла сравниться только съ незыблемостію каменныхъ горъ, на которыхъ она умирала“.

Такъ говорить о насъ врагъ!

„Онъ ясно, чѣмъ многие русскіе, понялъ, въ чемъ причина того небывалаго явленія, что лучшая въ мірѣ армія за всю войну не знала ни одной побѣды: во всемъ сочиненіи онъ проводитъ рѣзкую грань между дѣйствіями войскъ и ея нерѣшительныхъ руководителей. Но ни разу не пришла нашему врагу даже мысль отнестись съ пренебреженіемъ съ несчастливому противнику. Напротивъ, онъ вездѣ и открыто высказываетъ свое удивленіе и уваженіе“.

Переходя затѣмъ къ солдатамъ, встрѣчаешь ту же беззащитную вѣрность своему долгу и непоколебимое мужество въ перенесеніи нечеловѣческихъ страданій и всевозможныхъ лишеній. Цитируемая Эль-Эль сестра милосердія г-жа Баумгартенъ? пишетъ про осадѣ Портъ-Артура: „началась безнадежная борьба — съ одной стороны 35,000 человѣкъ, не получившихъ за всю войну въ подкрѣпленіе ни одного снаряда, ни одного человѣка, ни одной крупинки лѣкарства; съ другой — стотысячная армія, постоянно освѣжавшая свои ряды, свои боевые и хозяйственные запасы, выставившая чудовищныя 11-ти и 12-тидюймовыя орудія противъ наскоро насыпанныхъ батарей и тонкихъ бетонныхъ сводовъ, пробивавшихся 6-тидюймовыми снарядами... Никогда еще военная исторія не представляла намъ картины такихъ неслыханныхъ страданій“..

Мысль о возможности быть брошенными на произволъ судьбы тѣми, за кого эти люди мучились и умирали, казалась недопустимой..

Еще до Кинджоусскихъ боевъ въ городѣ оживленно передавали, что идетъ ген. Куропаткинъ, разбивъ японцевъ...

Между тѣмъ дупающіе газы отравляли воздухъ и желтыми столбами носились по городу. На позиціяхъ стояли темносѣрые облака нерасходившагоси дыма разрывовъ и въ этой тьмѣ днемъ, при солнцѣ, ярко сверкали, какъ въ ночи, огни снарядовъ. Милліоны пуль сплошнымъ роемъ гудѣли въ воздухѣ.

Убивали не только на позиціяхъ, но на улицахъ, въ домахъ, въ лазаретахъ. Убивалось все живое: войска, сестры милосердія, женщины, дѣти... Снаряды разлетались по всему городу и, врываясь въ похоронныя процессіи, разворачивали гробы и убивали священниковъ и носильщиковъ. Потомъ стали хоронить только по ночамъ. Осколки, какъ шмели, залетали въ окна и двери, впились въ койки... Раненые задыхались въ лазаретахъ. Почти раздѣтые, въ морозъ, ковчегъ и падая, они выползали на улицу и ложились тамъ. Казалось легче умирать тамъ, чѣмъ подъ развалинами госпиталя.

Что смертная казнь въ сравненіи съ мучительнымъ ожиданіемъ смерти беспомощныхъ и изувѣченныхъ раненыхъ!..

Раненые истекали кровью и отправлялись на тотъ свѣтъ безъ врачебной помощи. Изорваннаго бѣлья смѣнить было нечѣмъ. Такъ и лежали въ кровавыхъ, затасканныхъ лохмотьяхъ. Мертвыхъ не успѣвали хоронить въ гробахъ: ихъ зашивали въ кули, наваливали на телѣги и ссыпали кучами въ ямы — послѣдняя почеть павшимъ сѣрымъ героямъ.

Скоро и кормить стало нечѣмъ. А покупать — на какія деньги? Еще за 3 мѣсяца до сдачи курица стоила 15 руб., яйцо — 1 р. 50 к., корова — 1.200 р., конина — 70 к. ф., собачина — 15 к. ф.

Больнымъ дизентеріей давали черный хлѣбъ. Правда, они не долго мучились. Цынга охватила гарнизонъ, голодный, иззябнувшій, полураздѣтый въ своихъ лохмотьяхъ, изнуренный постоянными тревогами и бессонницей, почти сплошь перераненный по вѣсколку разъ и едва залѣченный. На позиціяхъ были такіе, у которыхъ былъ въ предыдущихъ бояхъ выбитъ глазъ или разбита нога, не сгибавшаяся послѣ равы... Да и перевязывать стало скоро нечѣмъ: щипали морскіе канаты на перевязки, раздобыли ситца въ магазинѣ, и раненые лежали въ разноцвѣтныхъ яркихъ полосахъ и мочальныхъ перевязкахъ, изображавшихъ собою антисептическія повязки. Больные врачи и сестры сами ходили изъ послѣднихъ силъ.

— Куда же вы такіе пойдете? — удивлялась сестра, провожая своихъ сѣрыхъ пациентовъ.

— Правый глазъ есть, сестричка, — ствѣчалъ „выздоровливающій“, — а Артура „ему“ не сдадимъ!

И уходили на позицію. Не разъ мнѣ приходилось видѣть солдатъ, у которыхъ въ одной рукѣ костыль, а въ другой ружье. Но въ Портъ-Артурѣ этому не удивлялись — тамъ дрались русскіе люди.

Къ конву осады въ гарнизонѣ умиравшей крѣпости было подъ ружьемъ 8 т. Изъ нихъ въ передовой линіи на фронтѣ въ 27 верстъ было 4 т. такихъ, которые на своихъ раздутыхъ отъ цынги ногахъ двигаться не могли и были способны только умереть на мѣстѣ, что они и дѣлали безпрекословно. Иногда они, собравшись съ силами, приходили въ госпиталь и, показывая свои окровавленные десны и вывалившіеся зубы, просили ихъ полѣчить, вызывая беспомощныя и ѣдкія слезы на глаза сестры. Большинство изъ нихъ скоро залѣчила смерть, да они и не прятались отъ нея.

— Пожелай, сестричка, чтобы насъ убили, — говорили они...

Терпѣть портъ-артурцы умѣли изумительно. Когда одному стрѣлку, дѣлая операцію уже безъ хлороформа, вынули челюсть и врачъ спросилъ: „больно ли тебѣ?“ то стрѣлокъ отвѣтилъ:

— Ничего не больно, в. в. Только не вставляйте мнѣ эту челюсть обратно.

Умирали они такъ, какъ только у насъ умѣютъ умирать. Сестра присут-

ствовавшая при послѣднихъ минутахъ этихъ не знающихъ рисовки людей, никогда не слышала жалобы и укора. Смертельно раненый говоритъ сестрѣ:

— Ничего мнѣ, сестричка, теперь не нужно. Дѣло свое сдѣлалъ, нѣсколькихъ японцевъ уложилъ, теперь и умереть не обидно.

Одного умиравшаго стрѣлка принесли съ полковой иконой въ рукахъ. „Поневоля я обратила вниманіе на его сіяющій видъ... самъ не перестаетъ радостно смѣяться“. На недоумѣвающей вопросъ сестры онъ отвѣчаетъ:

— Пускай голова пропадаетъ, а вотъ икону, слава Богу, спасъ, не отдалъ ее на поруганіе...

Артуръ, уже обротившійся въ одно обширное кладбище, сталъ внушать японцамъ ужасъ. И онъ былъ ужасенъ, этотъ полумертвый городъ! Издыхая, онъ душилъ врага. Дрались лицомъ къ лицу. Разстрѣливали другъ друга въ упоръ, перебрасывались минами, послѣ взрыва которыхъ отъ людей оставались только клочки мяса и обгорѣлыя кости.

Во время одной атаки японцевъ обливали керосиномъ и поджигали ручными гранатами. Люди пылали какъ факелы... Рѣзались вплотную. Японцы, прикрываясь трупами своихъ павшихъ товарищей, подползали къ нашимъ окопамъ. Ихъ встрѣчали сначала огнемъ, а потомъ кололи живыхъ и мертвыхъ, сваливая въ общую груды своихъ и чужихъ. Въ одномъ окопѣ половину занимали свои, половину чужіе, и другъ друга разстрѣливали въ лицо. По временамъ въ городѣ становилось тяжело дышать отъ запаха разлагавшихся труповъ... И все-таки защитники Портъ-Артура не хотѣли сдаваться. Когда крѣпость обратилась въ кладбище, они все еще продолжали надѣяться на помощь... Люди стали галлюцинировать. Они ясно видѣли сигналы, которые подавалъ ген. Куронаткинъ съ позицій у Кивджоу. Они отчетливо слышали раскаты орудій манджурской арміи, гнавшей японцевъ съ позицій у Вафангоу... И вотъ крѣпость была сдана... Тѣ, кого эта сдача избавила отъ неминуемой смерти, пришли въ отчаяніе. Залитая кровью развалины стали безконечно дороги этимъ полуживымъ людямъ. Плакалъ ген. Фокъ, объявляя раненымъ о сдачѣ, метался въ тоскѣ раненые, плакали сестры, врачи, санитары... Какъ потерянные смотрѣли офицеры и стрѣлки... Ужасно было сознаніе, что столько самоотверженія, доблести, страданій, смертей привели только къ сдачѣ.. Изъ всей горькой чаши, что испили защитники нашей погибавшей славы, это были самыя горькія и отравленныя капли... (105—117.)

Въ заключеніе книги г. Эль-Эсъ дѣлаетъ такое теплое обращеніе ко всѣмъ истиннымъ защитникамъ Портъ-Артура:

„Имя защитника Портъ-Артура пройдетъ, какъ дорогая легенда, изъ поколѣнія въ поколѣніе и съ гордостью будетъ передаваться отъ сына къ внуку. Все, что можетъ снести обреченный смерти человекъ, вы подняли на себя, не погнувшись. Все, что вамъ было дорого и свято, вы сложили, не дрогнувъ, къ подножію дивнаго свѣточа самоотверженія и вѣрности. И тяжело было вамъ одѣть потомъ на свое изстрадавшееся чело ядовитый вѣнецъ сдачи и плѣва. Не его вы искали въ крови и прахѣ портъ-артурскихъ могилъ, когда съ горечью обманутой надежды глядѣли на далекій сѣверъ, куда безвозвратно уходила армія, устилая путь неприбранными трупами. Пусть на ваше израненное чело не надѣли лавровъ—надъ нимъ горитъ безсмертный лучъ любви и страданія. Придетъ часъ и онъ разгорится въ сердцѣ арміи яркимъ пламенемъ грозной радостной побѣды“.

А. Догановичъ.

II.

Разныя книги.

М. Колчинъ. *Ссылные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX в. в.* Историческій очеркъ. Съ предисловіемъ А. С. Пругавина. Изд. „Посредника“. М. 1908 г.

Для *обыкновеннаго* читателя эта книжка, пожалуй, не особенно интересна. Она и написана безъ того таланта, который *все* дѣлаетъ интереснымъ. Но она несомнѣнно содержательна, освѣщая тьму человѣческаго заблужденія и жестокосердія. Значеніе книжки увеличивается еще оттого, что по характеру она подлинный историческій документъ. Ея авторъ, ссылный студентъ-медикъ, сдѣлался фельдшеромъ въ Соловкахъ, гдѣ и провелъ нѣсколько лѣтъ. Онъ-то и написалъ эту глубоко-скорбную страничку изъ русской жизни. Въ книжкѣ двѣ части: 1-я—историч. очеркъ Соловецкой тюрьмы, условій жизни ея страдальцевъ, 2-я—свѣдѣнія объ этихъ послѣднихъ.

Кто они?

За самымъ ничтожнымъ исключеніемъ—это мученики за религіозныя убѣжденія, скажемъ: за заблужденія на религіозной почвѣ, но люди крѣпкаго духа, повышенной настроенности, страдальцы и за „истину“, ибо и самыя заблужденія имъ-то казались несомнѣнно „истиною“. Умѣи отказать отъ того, что они считали истиной, обладай „покладистой душой“ или тѣмъ равнодушіемъ, для котораго нѣтъ и непонятно исканіе правды и жизнь духа, и эти люди не сидѣли бы въ Соловецкой тюрьмѣ. Ихъ несчастье въ томъ, что они не могли принять „торжествующей истины“ по убѣжденію, а по силѣ покориться они не могли, ибо были крѣпки духомъ и сильны въ своей вѣрѣ. Понять истину имъ мѣшала узкость ихъ ума, неумѣіе отличать важное отъ неважнаго, короче „духовная тьма“, но, признавая это, надо признать въ нихъ и величіе духа, котораго нѣтъ въ людяхъ, готовыхъ продать все и отказать отъ всего ради выгодъ. Нѣтъ сомнѣнія, что настоящая христіанская любовь иначе бы боролась съ ними и иные бы были результаты борьбы. Но человѣчество еще долго будетъ брести во тьмѣ, забывать духъ ученія любви, и въ области вѣры бороться средствами земной силы. Хорошо и то, что свѣтъ мало по малу проникаетъ во тьму и уже проникъ настолько въ русскую жизнь, что Соловецкая тюрьма упразднена. Слава Богу! Вообще, не мѣсто тюрьмѣ въ обители; и не физической силой надо убѣждать въ истинѣ. Борьба должна быть, ибо Церковь не можетъ относиться равнодушно къ заблужденіямъ и не желать спасенія людямъ. Но у Церкви свои средства: пламенная проповѣдь, религіозное просвѣщеніе, активная любовь, жизнь по вѣрѣ ея представителей. И своя кара—отлученіе. Дальше борьба не можетъ идти, пока дѣло касается свободы исповѣданія. Но если является покушеніе на государствъ, на совращеніе и оскорбленіе святыни, тогда уже вмѣшивается власть государства, ибо на лицо уже преступленіе. Но у государства есть свои тюрьмы.

Кргл.

Протоіер. **Стефанъ Остроумовъ.**—*Письма о православномъ благочестіи.* Изд. 2-е.

Въ эту книгу почтеннаго автора вошли слѣд. статьи: испытаніе вѣры, свойство религіозной вѣры, о священномъ писаніи, о вселенскомъ преданіи,

о вселенскихъ соборахъ, о главѣ Церкви, признаки истинной Церкви, объ искупленіи, объ усвоеніи искупленія, таинства Церкви, крещеніе, миропомазаніе, покаяніе, приобщеніе, о бракѣ, священство, елѣосвященіе, клиръ и міряне, монашество, Церковь и государственная власть, молитва объ умершихъ, общеніе святыхъ, обрядъ, о почитаніи креста, иконопочитаніе, о почитаніи мощей, вѣротерпимость православія.

Всѣ статьи написаны просто и хорошо поясняютъ то *старое*, что должно быть извѣстнымъ каждому, но къ сожалѣнію, для многихъ является совершенно *новымъ* и почти неизвѣстнымъ. По части религіознаго знанія наше общество крайне невѣжественно. Скажи иному интеллигенту, что за вечерней совершается проскомыдія, и онъ, пожалуй, повѣритъ. Какъ фактъ скажу, что одна *образованная* дама жаловалась, что „попъ у нихъ лѣнивый и часто пропускаетъ“. —Что же именно?—спросилъ я. —Да вотъ вчера за всеюнощной не пѣли „вѣрую“ и „отче нашъ“.

Отмѣчая книжку прот. Остроумова, обращаемъ на нее вниманіе нашихъ читателей. Она полезна и для юношества.

А. К.

II. Лучанскій Стихотворенія Спб. 1908.

Вмѣсто всякаго разбора—беремъ изъ предисловія:

Тебѣ, о, могучій,
 Вѣчно свободный
 И вѣчно—дѣятельный (удареніе на я)
 Братъ мой по долѣ,—
 Тучегонитель,
 Горокрушитель,
 Огнегаситель—Вѣтеръ,—
 Тебѣ посвящаю
 И тебѣ отдаю
 Мое вдохновенное слово—
 Мой стихъ!..

Далѣе и не выпиcываю. „Чѣмъ глубже въ лѣсъ, тѣмъ больше *дровъ*.“—Здѣсь эта пословица какъ разъ кстати.

Л. Гончаревскій.

Листовки. Изд. „Посредника“.

„Посредникъ“ выпустилъ новую серію крайне дешевыхъ изданій—по копейкѣ книжка. Въ эту серію вошли между прочимъ слѣдующія книжки: „Много ли человѣку земли надо“, „Упустишь огонь—не потушишь“, „Любовь“—Л. Н. Толстого; „Необыкновенный случай“, Аполлова; „Великодушный Голиафъ, Ю. Безродной; „Христіанка“, И. Горбунова-Посадова; „Дворникъ“, С. Семенова.

Книжки изданы чисто и по цѣнѣ всѣмъ доступны. Въ смыслѣ дешевизны дальше идти некуда.

О книжкахъ Толстого распространяться незачѣмъ, потому что онѣ, особенно „Много ли человѣку земли надо“, всѣмъ извѣстны. Жадность поплатилась и понесла должное наказаніе. Такъ или иначе многіе надрываются въ погонѣ за излишнимъ богатствомъ и погибаютъ.

Изъ книжекъ, принадлежащихъ другимъ авторамъ, самая симпатичная книжка И. Горбунова-Посадова—„Христіанка“. На обложкѣ стоятъ „Христіанка“, а на титулѣ „Христіаночка“. Разнорѣчіе, вѣроятно, отъ небрежной корректуры. Христіаночка звучитъ нехорошо. Это и не точно. По лѣтамъ то героиня христіаночка (маленькая христіанка), но эта маленькая христіанка по духу очень большая, даже великая христіанка. Разсказъ о дѣвчкѣ, жившей по Евангелію и положившей душу (жизнь) за ближняго, написанъ просто и трогательно. Онъ производитъ сильное и хорошее впечатлѣніе. Мы усиленно рекомендуемъ его для школьныхъ и семейныхъ библиотекъ. Строго говоря, это не беллетристическій разсказъ, а скорѣе правочительное повѣствованіе по поводу разсказаннаго факта. Но фактъ-то выдающійся и разсказанъ трогательно-увлекательно. При чтеніи невольно выступаютъ тѣ слезы, которыя можно назвать благодѣтельными.

Разсказъ Ю. Безродной о словѣ Голиафѣ, отказавшемся исполнить роль палача (раздавить ногой головы преступниковъ),—разсказъ крайне дѣланный, надуманный. Авторъ не даетъ понятія о слонахъ вообще, а мысль свою о томъ, что нельзя казнить людей, проводитъ очень неумѣло. Какую угодно хорошую мысль можно испортить неумѣстной моралью и дѣланностью, которая такъ и бросается въ глаза. Эта брошюра не стоитъ и копейки.

Разсказъ Семенова—„Дворникъ“ тоже моральный, но мораль хорошая (не создавай своего благополучія на чужомъ горѣ) и проведена не прописнымъ манеромъ: естественно все, что разсказывается. Маленькая натяжка есть, но она едва ли многими будетъ замѣчена. Брошюру можно рекомендовать для народнаго чтенія. Полезна и въ школѣ.

„Необыкновенный случай“—разсказъ о томъ, какъ люди свадьбу безъ воды сиравляли и вмѣсто пѣсенъ псалмы пѣли. Разсказъ нежизненный, то есть малоотвѣчающій реальной правдѣ крестьянской жизни, но, рисуя какъ фактъ то, что желательно видѣть въ жизни, авторъ наводитъ читателя на полезные думы. Написанъ разсказъ очень неважно. Но для народнаго чтенія пригоденъ, ибо простъ и полезенъ по морали.

И. Роцинъ.

С. А. Поспѣловъ.—*Въ странѣ свободы и труда.* Изд. А. Ф. Девриена, СПб. Цѣна 1 рубль, въ пакѣтѣ 1 р. 25 к.

Это прекрасно изданная, занимательная и поучительная книга, которую съ интересомъ прочтутъ какъ дѣти, такъ и взрослые. Въ ней описывается переселеніе въ Америку одного русскаго семейства, вѣрнѣе—отца—Петра Орлова съ сыномъ Георгіемъ-Джорджемъ. Путешественники сѣли на корабль во Владивостокѣ и взяли курсъ на Нагасаки. Каринно описано все встрѣченное по пути, авторъ затѣмъ знакомитъ читателя и со страню чудесъ—Америку, которую не даромъ такъ пламенно любятъ ея свободные сыны, гордятся ею и, при случаѣ, умѣютъ защитить ее отъ поношеній. Такъ, напримѣръ, мопутчикъ Орловыхъ—довѣренный американскихъ фирмъ, нѣкто мистеръ Фербенкъ—больше всего говорилъ о своей родинѣ, которую онъ, несмотря на жизнь заграни-

цею, страстно любилъ, превозносилъ выше всѣхъ странъ въ мірѣ, хвалился именемъ американскаго гражданина и называлъ свое отечество не иначе, какъ „великая республика“, великій народъ. Онъ говорилъ, что не позволилъ бы въ своемъ присутствіи дурно отозваться о его родинѣ и заставилъ бы такого чело-вѣка замолчать. Но мнѣ не приходилось пока еще встрѣчать такихъ людей, а вотъ изъ русскихъ, къ сожалѣнію, многіе дурно отзываются при иностранцахъ о Россіи. Это самые худые люди. Нельзя отзывать дурно о своемъ отечествѣ; это все равно, что говорить худое о своей матери!—наставительно закончилъ Фербенксъ.

Такому здоровому націонализму не мѣшало бы и намъ поучиться у американцевъ. Не даромъ на ея почвѣ выросли такіе знаменитые люди, которыми Америка справедливо можетъ гордиться: Франклинъ, Вашингтонъ, Линкольнъ, Джефферсонъ, а также: Эдиссонъ, или Стенфордъ, Ликъ, Морганъ, Шерманъ, Пибоди и др, пожертвовавшіе милліоны долларовъ на дѣла просвѣщенія. Пибоди, застроивъ школами всѣ южные штаты, перенесъ свою строительно-просвѣтительную дѣятельность и въ Англию. Благодарное правительство предложило ему принять титулъ.

Пибоди отвѣтилъ:

— Высшую честь, какой можетъ удостоиться чело-вѣкъ, я уже получилъ: я гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ!

И онъ гордо удалился изъ собранія высшихъ сановниковъ.

Можно себѣ представить смущенныя фізіономіи лордовъ!

Попавъ въ эту страну неустаннаго труда, Джорджъ Орловъ началъ свою карьеру съ мастерской коробочника, затѣмъ перешелъ къ сапожнику, разносилъ на себѣ и рекламы, работалъ въ угольныхъ копяхъ и золотыхъ приискахъ... Всѣ эти виды труда изображены хотя и въ бѣлыхъ, но яркихъ картинахъ, а сухость дѣловой атмосферы смягчена изображеніемъ трогательной дружбы Джорджа съ Дженни Ридвей.

Въ заключеніе книги, авторъ дѣлаетъ слѣдующее обращеніе къ своей родинѣ:

„Только трудъ, упорный, настойчивый трудъ сдѣлалъ Америку богатой и свободной! Моя бѣдная родина! Какъ желалъ бы я видѣть тебя такой же! И ты будешь богатой, когда каждый изъ насъ научится трудиться, какъ трудятся здѣсь. Только такой трудъ дастъ народу богатство и приведетъ его къ истинной свободѣ“... Книга обильно иллюстрирована.

А. Догановичъ.

III.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) *По средней Азии*. Текстъ и рисунки Дмитриева-Кавказскаго. Изд. Девріена. 2) *Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды*—сборникъ статей подъ редакціей І. С. Мельника. Изданіе Девріена. 3) *Растеніе*. Популярныя лекціи изъ обл. ботаники д-ра Кова, перев. съ нѣм. 2 тома. Изданіе Девріена. 4) *Левъ Ждановъ. Царь Іоаннъ Грозный. Царь и опричники*. Историческія повѣсти. Изд. Девріена. 5) *А. Курпинъ. Разказы*. Томъ 4 и 5. Изд. Московскаго Книгоиздательства. 6) *Д-ръ В. Кобельтъ. Географическое распределение животныхъ*. Изд. Девріена. 7) *Наши дѣды—куницы*. Бытовыя картины начала XIX столѣтія. Г. Т. Помилова-

Сверцова. Изд. Девриена. 8) *Н. А. Толстой. Три сестры*. Сказка въ стихахъ. Изд. Девриена. 9) *М. Приивинъ. Въ краю непуганныхъ птицъ*. Изд. Девриена. 10) *Карлъ Крепелинъ. Природа въ комнату*. Перев. съ нѣмецк. Изд. Девриена. 11) *Сказки старухи-говорухи о животныхъ*. 2 выпуска. Изд. Девриена. 12) *А. И. Фаресовъ. Пробужденный народъ*. 13) Его же: *Голоса земли*. 14) *П. Бирюковъ. Л. Н. Толстой*. Краткій біографич. очеркъ. Изд. „Посредника“. 15) *Л. Н. Толстой. Ягоды; Корней Васильевъ; Молитва*.

Журнальная замѣтка.

Я съ удовольствіемъ встрѣтилъ въ сент. книжкѣ „Русской Старины“ статью г. Фаресова—„Забытая писательница и ея заслуги“. Забытая писательница—это Людмила Христофоровна Симонова-Хохрякова. Съ нею многіе совсѣмъ незнакомы. Это отчасти объясняется тѣмъ, справедливо замѣчаетъ г. Фаресовъ, что „Симонова печаталась преимущественно въ еженедѣльникахъ и очень рѣдко въ ежемѣсячникахъ, а замѣчаются только тѣ, которые печатаются въ „толстыхъ“ журналахъ“. Это особенно вѣрно относительно прошлаго. Я уже отмѣчалъ эту ненормальность еще лѣтъ 20 тому назадъ, въ моихъ журнальныхъ фельетонахъ—въ „Соврем. Извѣстіяхъ“ Гилярова-Платонова. Въ маленькихъ изданіяхъ очень часто встрѣчаются—и встрѣчались прежде—произведенія болѣе блестящія, чѣмъ въ „толстыхъ“ журналахъ. Покойный Симборскій печатался исключительно въ еженедѣльныхъ и иллюстрированныхъ изданіяхъ, а его стихи во сто кратъ лучше многихъ виршей, которыя появлялись въ „Р. Богатствѣ“, „Р. Мысли“ и даже „В. Евроня“. Сколько прекрасныхъ повѣстей прошло въ „Живоп. Обзорѣніи“ при Шеллеръ-Михайловѣ и Полевомъ. „Всеи. Иллюстрація“ могла гордиться многими беллетристическими этюдами и стихами. И сколько банальной посредственности напечатано въ „Дѣлѣ“, „Р. Богатствѣ“ и въ другихъ ежемѣсячникахъ.

Я зналъ лично покойную Симонову, на журъ-фиксахъ у которой собирались многіе писатели. Все было скромно, но зато какъ уютно и тепло!.. Здѣсь говорили отъ души, и отъ души веселились. Помню слова Надсона: „преlestно провели вечерокъ!“ Мнѣ въ „Пережитомъ“ придется говорить о Симоновой и ея вечерахъ,—тогда же я коснусь и характеристики ея, какъ писательницы.

Теперь я только вскользь упоминаю о ней, отмѣчая статью г. Фаресова. Я очень радъ, что онъ вспомнилъ эту даровитую, умную писательницу и своей статьей знакомитъ публику съ литературной личностью Людмилы Христофоровны. Это нужно. Покойная писательница вполне заслуживаетъ благодарной памяти. Не только беллетристика, но и серьезная публицистика Симоновой не потеряли значенія до сихъ поръ. Обладая мужскимъ умомъ и напоминая съ этой стороны С. И. Смирнову, Симонова поднимала самые животрепещущіе вопросы и рѣшала ихъ вѣско, съ знаніемъ дѣла. Съ нѣкоторыми взглядами ея нельзя согласиться, но самостоятельная мысль всегда заслуживаетъ вниманія. Хорошо зная бытъ инородцевъ Сибири и Приуралья, а также бытъ духовенства, Симонова дала въ области этихъ вопросовъ много дѣльныхъ статей. Она была видной сотрудницей въ „Восточн. Обзорѣніи“ Ядринцева и въ „Церк. Общественомъ Вѣстникѣ“ Поповицкаго. Ея повѣсти „Убила“ „Она“ и многіе очерки идейны и хорошо

написаны. Это здоровая умственная пища. Изъ статьи г. Фаресова (въ септ. № «Р. Старины», впрочемъ,—только начало ея) мы узнаемъ, что предполагается изданіе «Полнаго собранія сочиненій» Симоновой. Желательно, чтобы состоялось это изданіе. На большой успѣхъ разсчитывать нынѣ нельзя, но такое изданіе будетъ положительно полезнымъ вкладомъ въ литературу. Грѣшно забывать и такихъ второстепенныхъ, но полезныхъ и даровитыхъ писателей, какъ Симонова...

А. Кругловъ.

- Письмо Я. П. Полонскаго къ Л. Н. Трефолеву.

Милостивый Государь

Леонидъ Николаевичъ,

Извините, что до сихъ поръ не отвѣчалъ на Ваше любезное письмо отъ 29 ноября. Не отвѣчалъ Вамъ просто потому, что искалъ его у себя на столѣ и въ столѣ и только сегодня нашелъ его у себя въ карманѣ, къ моему немалому удовольствію. Все это случилось отъ того, что со дня полученія Вашего письма я не надѣвалъ на себя того платья, въ которомъ былъ въ день полученія письма.

Вы спрашиваете меня, въ чемъ заключается это „кое-гдѣ“, гдѣ я собираюсь хлопотать о „*Пошехонцѣ*“—Вашемъ изданіи. Отвѣчаю Вамъ—въ „Обществѣ любителей древней русской письменности“, гдѣ многіе члены мнѣ очень хорошо знакомы, начиная съ учредителя—графа Шереметьева.

Я не хотѣлъ Вамъ писать, гдѣ именно, просто потому, что прежде всего хотѣлъ удостовѣриться, какъ сотрудники или члены Общества посмотрятъ на Ваше предпріятіе,—насколько я сумѣю пробудить въ нихъ участіе къ Вашему дѣлу. Мнѣ кажется, что всѣ они, какъ люди богатые и искренно преданные старинѣ, непременно помогутъ Вамъ въ случаѣ несостоявшейся подписки или Вашихъ неудачъ, посреди холоднаго равнодушія ярославскаго общества и проч. и проч. Но во-первыхъ, можетъ-быть, все обойдется отлично и безъ моихъ хлопотъ, и во-вторыхъ, время для хлопотъ еще не наступило: у графа Шереметьева еще не начались его среды, посвященные чтенію разныхъ историческихъ документовъ, а въ другое время его застать трудно.

Что касается до появленія Вашей замѣтки на страницахъ журнала М. Н. П. я ничего не могу сказать Вамъ: журнала этого я не вижу и не могу Вамъ сказать, кто тамъ редактируетъ.

Все, что могу обѣщать, это рассказать товарищу министра князю Волконскому исторію Вашего предпріятія—похвалить ему Вашихъ ярославскихъ педагоговъ за ихъ примѣрную трусость и убѣдить его, что отъ журнала 1744 года не можетъ произойти

никакой опасности, какъ отъ ребенка, только что появившагося на бѣлый свѣтъ.

Не понимаю, какъ истые ярославцы не гордятся, что ихъ Ярославль—колыбель русской журналистики! О, какіе мы еще тупые и пустые люди, несмотря на нашу образованность!

Но прощайте. Извините за мой неразборчивый почеркъ и примите увѣреніе въ моемъ почтеніи и преданности.

Вашъ покорный слуга

Я. Полонскій.

7 декабря,
1882 г. —



Чтобы пѣсня моя разлилась какъ потокъ,
Ясной зорьки она дожидается:
Пусть не темная ночь, пусть горящій востокъ
Отражается въ ней, отливается.
Пусть чирикаютъ вольныя птицы вокругъ,
Сонный лѣсъ пусть проснется—нарядится,
И сова,—пусть она не тревожитъ мой слухъ—
И, стѣнная, подальше усядется.

Я. Полонскій.



Памятки*).

(Вмѣсто бесѣды).

I.

А. С. Хомяковъ.

Земля трепещеть; по эфиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ; онъ судить міру:
„Израиль, мой народъ, внимай!

А. С. Хомяковъ.

Израиль! Ты Мнѣ строишь храмы;
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся еиміамы,
И день и ночь они горять.
Къ чему мнѣ пышныхъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!
Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.
Къ чему Мнѣ золото? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ,
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ:
Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваше серебро и золото
Лишь всплескъ той пламенной волны.
Къ чему куренья? Предо Мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росой
Благоухающихъ цвѣтовъ.
Къ чему огни? Не Я ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я ль какъ искры изъ горнила
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?
Твой скуденъ даръ. Есть даръ безцѣнный,

*) Въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, я долженъ до слѣдующей книжки отложить намѣченную Бесѣду.

Даръ нужный Богу твоему,
 Ты съ нимъ явись и, примиренный,
 Я всѣ дары твои приму!
 Мнѣ нужно сердце чище злата
 И воля крѣпкая въ трудѣ;
 Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
 Нужна Мнѣ правда на судѣ!“

Эти дивныя строки „По прочтеніи псалма“—вылились изъ-подъ пера незабвеннаго Алексѣя Степановича Хомякова. Вы, конечно, читали это чудное стихотвореніе, которое я сейчасъ привелъ цѣликомъ? Но такіе стихи надо напоминать и ихъ полезно перечитывать. А если кто-нибудь не зналъ до сихъ поръ этихъ стиховъ, то ему было необходимо узнать ихъ... Но у Хомякова не только одно такое стихотвореніе, у него много прекрасныхъ стихотвореній. И онъ не только сильный поэтъ, онъ—глубокій мыслитель, философъ, богословъ,—онъ наставникъ и вождь. Въ своей прекрасной книгѣ о Хомяковѣ профессоръ Л. Е. Владиміровъ говоритъ: „Хомяковъ былъ по истинѣ великій наставникъ земли родной: по чувству—поэтъ, по мысли—мудрецъ, но смиренію—богомалецъ, выбивающій тяжелымъ шагомъ трудный путь ко святымъ мѣстамъ и глубоко вѣрующій, что „все благое въ насъ творить Христосъ“. Какъ въ пустынь паломникъ съ посохомъ и котомкою за спиною, твердо шествовалъ онъ въ началѣ совсѣмъ одинокій, съ крестомъ и Евангеліемъ въ рукахъ, по стезямъ мысли, чувства, скрывая внутреннія страданія, ни у кого не ища ни признанія, ни помощи, не имѣя въ поддержку ничего, кромѣ своей глубокой православной вѣры“ .

Къ чему стремился Хомяковъ?

Онъ хотѣлъ водрузить духовно крестъ на государствѣ и на всѣхъ его учрежденіяхъ, влить въ мутные потоки челоуѣческой жизни очищающую струю живящей евангельской вѣры и самоотверженія. Онъ хотѣлъ, мучительно жаждалъ одного: чтобы чистое православіе, евангельское ученіе Христа вошло въ плоть и кровь всего народа, въ его жизнь, въ его государственныя учрежденія. Вотъ почему онъ не придавалъ значенія *одному* вѣишнему благочестію безъ внутренняго горячаго пламени, безъ духа Божьяго Слова. И вотъ онъ жаждалъ, чтобы родной его народъ обновился черезъ Евангеліе, и какъ бы обращалъ къ нему слова Бога—сказанныя Израилю:

Мнѣ нужно сердце чище злата
 И воля крѣпкая въ трудѣ,
 Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
 Нужна Мнѣ правда на судѣ!

Онъ по своему, т. е. по евангельски, понималъ величіе народа и страны и писалъ между прочимъ сербамъ: „та земля велика, въ которой все просто и безъ блеска, кромѣ храма Божія“. Какъ бы вторя учителямъ Церкви Православной, онъ говорилъ: „чтобы не было нищеты у бѣдныхъ и роскоши у бога-

тыхъ“. Онъ всей душой любилъ родину, но еще болѣе ея—правду Божію, ученіе Христа и хотѣлъ, чтобы его родина жила по святымъ заповѣдямъ Божественнаго Учителя. Онъ былъ и великъ и смирененъ въ одно и то же время. „Въ Хомяковѣ,—говоритъ тотъ же профессоръ Владиміровъ,—мы имѣемъ не ученаго, гордаго знаніемъ, не писателя, стремившагося попасть въ ладъ вкусамъ публики (на что падки многіе, ищущіе дешевой славы—добавлю я отъ себя), не моднаго учителя жизни, красующагося предъ человѣческимъ стадомъ,—въ Хомяковѣ мы имѣемъ могучаго великороссіянина-плотника, неутомимаго строителя церквей, безстрашно и благоговѣйно укрѣпляющаго крестъ на небесной вышинѣ тяжелымъ трудомъ возведеннаго храма“.

Эти слова надо понимать не буквально, не въ томъ смыслѣ, что Хомяковъ строилъ храмы, собиралъ на нихъ и водружалъ самъ крестъ на ихъ крышахъ. Онъ духовно строилъ Церковь въ своей странѣ, укрѣплялъ завѣты Церкви въ народной душѣ, вѣнчалъ крестомъ святое дѣло и стремился, чтобы Божьимъ храмомъ былъ каждый человѣкъ, чтобы воплощалось въ жизни христіанство, чтобы алкала народная душа Христа и насыщалась Его словомъ-хлѣбомъ, просвѣщалась Его свѣтомъ. Хомяковъ любилъ родину, но не восхвалялъ ее суетно, а любя говорилъ ей много горькой правды.

Такъ онъ писалъ Россіи:

Но помни: быть орудьемъ Бога
 Земнымъ созданьямъ тяжело;
 Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,—
 А на тебя, увы! какъ много
 Грѣховъ ужасныхъ налегло!
 Съ душой колѣнопреклоненной,
 Съ главою, лежащею въ пыли,
 Молись молитвою смиренной
 И раны совѣсти растлѣнной
 Елеемъ плача исцѣли!
 И встань потомъ, вѣрна призванью,
 Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
 Держи стягъ Божій мощной данью,
 Рази мечемъ—то Божій мечъ!

Это не упреки врага, не укору и насмѣшки пасынка, это мольба, это стоны жгучей любви беззавѣтно преданнаго сына, который въ счастья, въ праведности родины видитъ свое счастье! Эта любовь проникаетъ всѣ сочиненія Хомякова и за эту-то любовь—онъ дорогъ родинѣ и всѣмъ тѣмъ, которые такъ же, какъ онъ, свято любятъ ее, скорбятъ за ея невольные грѣхи, жаждутъ видѣть ее на высотѣ славы, на высотѣ ея великаго призванія, чтобы сказать ей:

Иди! тебя зовутъ народы—
 И совершивъ свой бранный пиръ,

Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!

Хомяковъ понималъ, что задача всякаго честнаго писателя, будящаго въ народѣ мысль, не легка. Но только въ этомъ и заключается задача и только съ этою цѣлью—служить нравственному пробужденію народа—нужно браться за перо писателя. Въ письмѣ къ своему другу, Самарину, Хомяковъ говоритъ: „мы не можемъ ничего скоро ожидать. Тѣ, которые посвятили себя великому труду христіанскаго воспитанія (народа),—а внѣ этого труда и значенія мы (писатели) не имѣемъ—тѣ должны быть терпѣливы“.

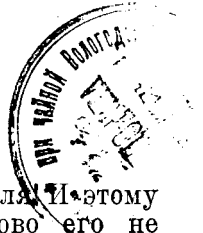
Но нужно итти бодро впередъ и не бросать нивы. Нѣтъ покоя, нѣтъ отдыха, если ты взялся за такое дѣло.

Взгляни на ниву: пашни много,
А дней немного впереди,
Господь велить: иди, иди!
Ты куплень дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью куплень ты:
Сгибайся пахарь (писатель) надъ браздою,
Борись, борись до поздней тьмы!

И какъ бы на такой призывъ ко всѣмъ, Хомяковъ отвѣчаетъ за себя и отъ себя:

Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ, назначенный Тобой (Богомъ),
И не сомкну очей въ дремотѣ,
Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего!

Вотъ святое призваніе пахаря и сѣятеля—писателя. И этому призванію всю жизнь былъ вѣренъ Хомяковъ. И слово его не замерло съ его преждевременною кончиною (Хомяковъ умеръ 23-го сентября 1860 года), а звучитъ и теперь со страницъ его сочиненій, читаемыхъ съ пользою всѣми, ищущими истиннаго знанія, наставленія, а не только празднаго развлеченія въ чтеніи. И дай Богъ, чтобы слово этого христіанина-гражданина глубже проникло въ душу народа, въ молодыя сердца, и приближало то время, о которомъ мечталъ Хомяковъ, желавшій, чтобы его родина жила жизнью преисполненною завѣтами Христа, развивалась бы на почвѣ православія. Хомяковъ былъ глубокой христіанинъ, но онъ признавалъ вѣротерпимость. Онъ стоялъ за прогрессъ, т. е. за совершенствованіе, но не за внѣшнее, а за внутреннее, когда вся жизнь проникнута христіанскою нравственностью. Онъ былъ другомъ разумной свободы, но видѣлъ залогъ счастья Россіи въ самодержавной власти, соединенной съ народомъ. Онъ жаждалъ видѣть народъ просвѣщеннымъ, но, подобно Рачинскому, считалъ задачею школы „со-



дѣйствовать образованію христіанскаго склада личности“, воспитанію народа въ духѣ христіанства. Онъ хотѣлъ видѣть родную Русь стоящую на той высотѣ, на которой она воистину святая Русь.

Хомяковъ писалъ не только по вопросамъ богословскимъ, но его богословскія статьи заслуживаютъ особеннаго вниманія. Замѣчательна статья Хомякова „Церковь одна“, а также „Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ“.

М. Н. Лонгиновъ, извѣстный писатель, хорошо знавшій Хомякова, даетъ слѣдующую его характеристику: „Общественное значеніе Хомякова обширно и благотворно. Онъ вносилъ оживленіе и напоминаніе о высшихъ нравственныхъ требованіяхъ человѣчества и въ тѣ сферы, которыя безъ того оставались бы погруженными въ непробудный сонъ. Онъ не зарылъ, а развилъ въ себѣ таланты поэта, мыслителя, увлекательный даръ слова, глубокія убѣжденія и энергію. Разностороннія, обширныя знанія его придавали ему еще болѣе вѣса, а нравственный личный характеръ, стоявшій на высотѣ, недоступный никакимъ нареканіямъ и клеветамъ, привлекалъ къ нему невольно, какъ къ человѣку, независимо отъ уваженія, которое онъ возбуждалъ своимъ талантомъ и знаніями, какъ писатель“.

Вѣчная память великому гражданину, честному писателю и доброму сыну Православной Церкви!

II.

ДРУГЪ ДѢТЕЙ.

Въ этой книжкѣ „Дневн. Пис.“ читатели найдутъ статью о только что умершемъ другѣ дѣтей—Иванѣ Павловичѣ Корвинѣ. Смерть этого чуднаго врача-человѣка, подражать которому не мѣшало бы всѣмъ врачамъ—воскресила въ моей памяти образъ другого друга дѣтей, Е. А. Покровскаго, умершаго еще въ 1895 году. И вотъ я хочу повторить о немъ то, что такъ кстати теперь. Говорить и напоминать о такихъ „друзьяхъ человѣчества“ всегда полезно. У нихъ есть чему научиться. Они говорятъ своей жизнью: мало одного знанія врачу: надо и сердце.

18-го октября, 1895 года опустили въ могилу на Ваганьковомъ кладбищѣ Егора Арсеньевича Покровскаго, самаго популярнаго въ Москвѣ дѣтскаго врача и редактора журнала „Вѣстника Воспитанія“. Всѣ московскія газеты и серьезные органы печати Петербурга и провинціи почтили память усопшаго теплыми некрологами; представители науки, литературы и лица, уважавшія покойнаго, обязанныя ему, какъ врачу, явились на погребеніе, чтобы отдать послѣдній долгъ честному обществу работнику и хорошему человѣку. Было много вѣнковъ... Конечно, вѣнокъ самъ по себѣ—не важенъ, но важно выраже-

ніе сочувствія, благодарности къ тому, кто работаль на общее благо и шель именно „на помощь матерямъ“. Этой благодарности вполне заслуживаль почившій „другъ дѣтей“—въ самомъ лучшемъ и полномъ значеніи этого слова. Не мало дѣтскихъ врачей, но не всѣ лѣчащіе дѣтей—друзья ихъ. У кого это—только ремесло, профессія, тотъ еще не другъ дѣтей. „Возлюби ближняго, какъ самого себя“. Надо возлюбить „малыхъ сихъ“, чтобы имѣть право на названіе друга дѣтей. А кто сталь ихъ другомъ, тотъ и душу свою полагаетъ за нихъ, работаетъ для нихъ, борется за ихъ интересы, не какъ наемникъ, не по обязанности, а по внутренней потребности, по призыву сердца. Вотъ кто—другъ дѣтей. Многіе пишутъ для дѣтей. Но не всѣ пишущіе—друзья дѣтей. Мало писать, надо любить дѣтей, жить для нихъ, понимать ихъ, болѣть за нихъ и свято смотрѣть на свое служеніе „маленькому народу“. Большая неосторожность раздавать направо и налево званіе „друга дѣтей“, равно какъ и званіе „учителя“. „Другъ дѣтей“—это одно изъ самыхъ почетныхъ званій, и его не легко заслужить! Въ культурныхъ странахъ общество умѣетъ окружать „друзей маленькаго народа“ высокимъ уваженіемъ. А у насъ, когда хоронятъ друзей школь и борцовъ за счастье „маленькой Россіи“, дѣти часто даже не знаютъ объ этомъ; мы не находимъ нужнымъ бросать въ дѣтскія души зерна высокихъ чувствъ, научать благоговѣть передъ людьми труда и безкорыстнаго служенія на благо ближняго. Оттого такъ много среди насъ индифферентовъ, эгоистовъ, и такъ мало дѣятелей и людей, умѣющихъ цѣнить чужія заслуги. Юношество вырастаетъ въ другой атмосферѣ и дышитъ инымъ воздухомъ. Еще на фразу хватаетъ многихъ. Много красивыхъ фразъ, мало хорошихъ дѣлъ. Фразеры, поэры—всюду. Начинаютъ ли дѣло—они больше кричатъ, волнуютъ всѣхъ, чѣмъ дѣлаютъ. Входятъ ли въ „общество“—они думаютъ только о рѣчахъ и сенсаци. Въ сердцахъ ихъ нѣтъ любви къ дѣлу и родинѣ. Они любятъ лишь себя.

Не таковъ былъ Е. А. Покровскій—человѣкъ цѣльный, желѣзной воли, высокаго долга и любящаго сердца. Е. А. никогда не любилъ шума, фразы, а работаль неустанно, дѣлая всегда больше, чѣмъ обѣщаль. Это онъ доказаль и какъ редакторъ „Вѣстника Воспитанія“.

Выросшій въ крайней бѣдности, понуждаемый всѣми обстоятельствами жизни смѣшаться съ толпой, онъ не сдался, съ бою добился права быть въ числѣ передовыхъ ратниковъ „мирной арміи“. А путь, который прошелъ Е. А.,—тяжелый путь.

Е. А.—сынъ священника, родился 13-го января 1834 года, въ с. Ново-Никитскомъ, въ 70-ти верстахъ отъ Твери. Отецъ Е. А. былъ человѣкъ въ высшей степени гуманный, любившій деревню и болѣвшій за нее. Онъ отказался отъ значительнаго земельного нарѣза въ пользу прихожанъ, нуждавшихся въ землѣ. Маленькаго Е. А. отправили въ тверское духовное училище. Въ семинаріи въ это время учился дядя Е. А., поднятый на ноги и содержавшійся на счетъ его отца. Мальчикъ помѣстился

у дяди, который за хлѣбъ-соль и любовь отплатилъ тѣмъ, что обращался съ племянникомъ самымъ варварскимъ образомъ. Онъ его плохо кормилъ, билъ и даже истязалъ. Увидѣвъ, что мальчикъ дремлетъ за книгой, онъ подставлялъ вилку, на которую тотъ и натыкался. Долгое время родители не знали ничего объ этомъ, потому что сынъ не жаловался имъ. Они случайно узнали обо всемъ отъ сосѣдей и, конечно, сейчасъ же перевели мальчика на другую квартиру. Четырнадцати лѣтъ Е. А. потерялъ отца. Семья очутилась безъ средствъ. Архіерей согласился оставить мѣсто за дочерью умершаго. Подыскали студента семинаріи, и 16-тилѣтняя сестра Е. А. вышла замужъ. Зять вошелъ, какъ говорится, въ домъ, получивъ его въ приданое, и... выгналъ на улицу тещу и всѣхъ дѣтей. Съ женой онъ скоро сталъ обращаться жестоко, билъ и тиранилъ ее. Сжалившись надъ тещей, онъ отвелъ ей помѣщеніе въ банѣ. Е. А. и его братья, учившіеся уже вмѣстѣ съ нимъ, остались безъ гроша. Но Богъ не покинулъ сиротъ. Мальчики пришли въ соборъ и заказали панихиду по отцѣ. Они всѣ горько плакали. Въ алтарѣ стоялъ епископъ и случайно увидѣлъ дѣтей. Онъ спросилъ о причинѣ ихъ слезъ. Е. А. отвѣтилъ, что они лишились отца. Узнавъ изъ дальнѣйшихъ разсказовъ о несчастномъ положеніи сиротъ, владыка положилъ имъ отъ себя стипендію—6 рублей на четверыхъ. Эта ничтожная сумма казалась имъ цѣлымъ капиталомъ. Такъ какъ юный Е. Покровскій отличался серьезностью и хорошимъ поведеніемъ, то родители многихъ школяровъ охотно ставили вмѣстѣ съ нимъ на квартиру своихъ сыновей. Онъ занимался съ ними и такимъ образомъ получилъ возможность жить и учиться. Черезъ два года послѣ смерти отца у Е. А. умерла и мать. Надо замѣтить, что о. Арсеній умеръ не въ Ново-Никитскомъ, а уже въ другомъ селѣ, Троицкомъ, отстоящемъ отъ Твери въ 30 верстахъ, куда онъ былъ переведенъ незадолго до смерти. Здѣсь и жила теперь мать Е. А. Глубоко любя ее, онъ ежедневно, въ теченіе недѣли, навѣщалъ ее во время болѣзни, дѣлая концы въ 60 верстъ. Послѣ уроковъ онъ шелъ къ матери, проводилъ нѣсколько часовъ около ея постели и возвращался обратно въ городъ, попадая къ урокамъ. Семинарію Е. А. не кончилъ, а вышелъ изъ философскаго класса, рѣшивъ поступить въ университетъ. Съ „грошами“ въ карманѣ прибылъ Покровскій въ Москву. На экзаменѣ онъ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ сочиненіемъ по словесности. Юному студенту посоветовали обратиться къ Дашкову, сочувственно относившемуся къ трудящейся молодежи. Е. А. поселился на Срѣтенкѣ вмѣстѣ съ земляками. Въ то время при университетѣ существовали такъ называемые студенческіе номера, гдѣ квасъ и хлѣбъ отпускался всѣмъ студентамъ, нуждавшимся въ такой помощи. Е. А. и его земляки нѣсколько мѣсяцевъ ходили туда и питались исключительно только квасомъ и хлѣбомъ. Хорошая хозяйка, когда у юношей не стало совсемъ денегъ, согласилась ждать плату, но объявила, что топить она не будетъ. Молодые люди жили въ нетопленной комна-

тѣ, спали чуть не прямо на доскахъ, покрываясь шинелями. Покровскій обратился къ Дашкову, и этотъ тепло отнесся къ юношѣ. Прежде всего Дашковъ далъ Покровскому урокъ, за который онъ получалъ 50 копеекъ (за два часа). Нерѣдко студенту приходилось даромъ дѣлать длинные концы: сегодня ученикъ уѣхалъ кататься, въ другой разъ—нерасположенъ учиться или нездоровъ. Дашковъ сказалъ, что онъ похлопочетъ о казенно-коштомъ помѣщеніи, и предложилъ пока Покровскому приходиться къ нему обѣдать. Желая провѣрить слова юноши о тяжеломъ матеріальномъ положеніи, Дашковъ пріѣхалъ на его квартиру. Разбитый параличемъ, Дашковъ не ходилъ. Его на креслѣ внесли въ комнату, которую занималъ Е. А. съ земляками. Дашкова поразила бѣдность обстановки юношей, которыхъ онъ засталъ за занятіями. И вотъ вскорѣ Покровскій получилъ возможность помѣститься въ студенческихъ номерахъ. Егоръ Арсентьевичъ до послѣдняго времени съ благодарностью вспоминалъ о Дашковѣ, пребываніе же въ номерахъ называлъ самымъ свѣтлымъ временемъ своей жизни. Онъ посѣщалъ не только лекціи медицинскаго факультета, но слушалъ лучшихъ профессоровъ, читавшихъ по предметамъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ медицинѣ. Въ студенческихъ номерахъ кипѣла жизнь, юноши работали, спорили, писали сочиненія... Дружно и хорошо вообще жилось. Всѣ только отдавались наукѣ, работѣ мысли. Покровскій поступилъ въ университетъ въ 1856 году, а въ 1860 онъ кончилъ курсъ. Въ этомъ же году онъ женился на дочери графа Николая Сергѣевича Толстого, Марьѣ Николаевнѣ, которой знаменитый нашъ писатель графъ Л. Н. Толстой приходился троюроднымъ братомъ, а бывший министръ графъ Д. А. Толстой—двоюроднымъ дѣдомъ. Отецъ Марьи Николаевны и самъ причастенъ литературѣ, какъ авторъ очерковъ макарѣвскаго уѣзда. Е. А. давалъ уроки въ домѣ графа и по лѣтамъ жилъ въ его имѣніи Осѣтенки, въ бронницкомъ уѣздѣ. Одинаковыя убѣжденія и взгляды по многимъ вопросамъ сблизили между собою молодыхъ людей, и на этой почвѣ возникла любовь. Какъ казеннокоштный студентъ, Покровскій обязанъ былъ прослужить извѣстное число лѣтъ медикомъ или во флотѣ, или въ арміи, или въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Молодой врачъ избралъ послѣднее, ибо онъ рѣшился тогда же посвятить свои знанія и силы „маленькому народу“. Приходилось ѣхать въ Пудоожь олонецкой губерніи, а между тѣмъ и слабое здоровье и желаніе еще работать въ центрѣ, подъ руководствомъ авторитетовъ—все заставляло отказаться отъ такого назначенія. Случай помогъ Покровскому. Одинъ изъ товарищей согласился ѣхать за него, прося за это 300 рублей. Тогда позволялось за себя ставить кого-нибудь. Студентъ уѣхалъ въ Сибирь (у него явилась возможность перемѣнить городъ назначенія), а Е. А. остался въ Москвѣ. Онъ два года проработалъ вольно-практикующимъ врачомъ, а затѣмъ получилъ мѣсто сверхштатнаго врача въ дѣтской больницѣ. Около этого времени онъ ѣздилъ въ провинцію и устроилъ нѣсколько земскихъ больницъ. Утвержденіе Е. А.

врачемъ дѣтской больницы состоялось совершенно случайно. Подавъ прошеніе и бумаги куда слѣдовало, Е. А. зашелъ справиться о результатѣ. Ему сказали, что онъ утвержденъ, и при этомъ замѣтили, что о немъ хлопотали многія вліятельныя лица. Покровскій былъ крайне удивленъ. Оказалось, что на это же мѣсто хотѣлъ попасть другой Покровскій (Пав. Ив., нынѣ тоже умершій), о немъ-то и хлопотали. Но тотъ еще бумагъ не подалъ, однофамильца Е. А. приняли за Пав. Ив. и утвердили. Послѣ долгихъ испытаній судьба начала какъ бы благоприятствовать молодому врачу. Поработавъ 12 лѣтъ безъ всякаго жалованья, Е. А. потомъ сдѣлался штатнымъ ординаторомъ и наконецъ главнымъ врачомъ дѣтской больницы, которая сначала помѣщалась на Бронной, а потомъ переведена на Садовую и получила названіе Софійской.

Сдѣлавшись виднымъ врачомъ, Е. А. не избралъ торнаго пути, ведущаго только къ житейскому благополучію. Ему было мало одного личнаго блага, онъ не могъ не работать для блага всѣхъ. Достаточно просмотрѣть его труды, чтобы видѣть, какъ много силъ положилъ онъ на пользу дѣтей. Онъ не ждалъ призыва, отъ самъ вызывался на работу и другихъ призывалъ къ ней. Различныхъ статей его по медицинѣ, разсѣянныхъ по изданіямъ, нѣтъ возможности перечестъ. Отмѣчу крупную его работу—диссертацію на степень доктора медицины „Объ источникахъ новообразованія соединительной ткани при заростаніи просвѣта кровеносныхъ сосудовъ“ и затѣмъ: „Физическое воспитаніе дѣтей у различныхъ народовъ въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гигиеной“, „Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей, популярное руководство для матерей“, „Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья молодежи“, „Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій“, „Уходъ за кожей дѣтей“, „Первая пища русскаго ребенка“, „Растительные организмы, какъ причина заразныхъ болѣзней“, „Кормленіе грудныхъ дѣтей“ и т. д. Самымъ первымъ крупнымъ трудомъ было „Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ“. Работая надъ этимъ сочиненіемъ, собирая массу матеріаловъ (образцы колыбелей и другихъ предметовъ первоначальнаго физическаго воспитанія), Е. А. невольно остановился на играхъ и игрушкахъ дѣтей, и вотъ явилось сочиненіе о „дѣтскихъ играхъ“. Движимый все той же любовью къ дѣтямъ, онъ принимаетъ участіе въ разныхъ ученыхъ обществахъ, составляетъ популярное руководство для матерей, устраиваетъ двѣ выставки предметовъ первоначальнаго физическаго воспитанія и ратуетъ за школы и интересы дѣтей въ качествѣ гласнаго думы. Первую выставку онъ устроилъ въ Москвѣ, въ зданіи манежа, пожертвовавъ всю коллекцію предметовъ въ Политехнической музей (самый богатый отдѣлъ ея—Сибирскій), а вторую коллекцію, болѣе богатую—въ Парижѣ (на всемірной выставкѣ); коллекція предметовъ физическаго воспитанія дѣтей пожертвована въ музей Трокадеро, гдѣ она находится въ особой залѣ. За эту коллекцію Е. А. получилъ высшій научный орденъ во Франціи.

Публичные лекции, читанные Покровскимъ въ Москвѣ, привлекали массу слушателей. Въ какое бы ученое общество ни вступалъ покойный, онъ вездѣ являлся дѣятельнымъ членомъ, всюду вносилъ жизнь, свѣтъ и любовь къ дѣтямъ. Онъ убѣдился изъ жизненнаго опыта въ ненормальной постановкѣ школьнаго дѣла, его сердце сжималось отъ боли при видѣ тѣхъ отношеній, которыя установились между школой и семьей. Онъ болѣлъ за гибнущихъ дѣтей, являвшихся жертвами школьнаго режима, и говорилъ не разъ: „ну, если одни погибли, надо спасти другихъ“. Во имя идеи онъ началъ издавать въ 1890 году журналъ „Вѣстникъ Воспитанія“ и остался вѣренъ высокой цѣли до послѣдняго конца своей жизни. Журналъ взялъ массу силъ и здоровья у Е. А., который съ 1888 года уже началъ похварывать, у него стала развиваться болѣзнь сердца. Но онъ работалъ, не покладая рукъ. За нѣсколько часовъ до агоніи, когда одна изъ дочерей вошла въ кабинетъ Е. А., онъ думалъ о журналѣ. На вопросъ: „папа, какъ тебѣ?“ онъ отвѣчалъ: „ничего... а ты прости лучше корректуру и не задержи номера“.

Е. А. Покровскій былъ сторонникомъ игръ и противникомъ гимнастики. Онъ ратовалъ за свою идею въ лекціяхъ, въ докладахъ, читаемыхъ въ различныхъ обществахъ, и въ журналѣ. Онъ стойко отстаивалъ свой взглядъ и, вооруженный неотразимой логикой, цифрами, сильнымъ своимъ знаніемъ дѣтской организаціи, талантомъ, онъ нерѣдко „припиралъ“ къ стѣнѣ противника. Гимнастика—германское дѣтище. Какіе же получены результаты отъ процвѣтанія гимнастики въ Германіи? Цифры говорятъ, что въ городахъ можно считать только 3,8 процентовъ способныхъ къ военной службѣ, тогда какъ въ деревняхъ процентъ увеличивается до 9,8. Городскія школы знаютъ гимнастику, большинство деревенскихъ—не знаютъ ея; дѣти довольствуются только играми на свѣжемъ воздухѣ. Лагранжъ, Аксель Кей, Массо и другіе авторитеты также высказывались за преимущество дѣтскихъ игръ передъ гимнастикою. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса; я только замѣчу, что въ своихъ капитальныхъ сочиненіяхъ Покровскій неопровержимыми доводами доказываетъ вѣрность своего взгляда. Пропаганда игръ принесла уже результаты. Во многихъ городахъ устраиваются площадки для дѣтскихъ игръ. Этими дѣти обязаны своему другу, Е. А. Покровскому. Въ самомъ первомъ номерѣ „Вѣстника Воспитанія“, говоря о направленіи журнала, Е. А. Покровскій заявляетъ: „журналъ будетъ держаться преимущественно естественно-историческихъ и медико-антропологическихъ точекъ зрѣнія, причѣмъ въ должной мѣрѣ будетъ удѣлено мѣсто и статьямъ чисто педагогическаго и вообще психологическаго свойства“. Въ такомъ органѣ печати была настоятельная потребность. Специально педагогическихъ или специально медицинскихъ журналовъ не мало, но до „Вѣстника Воспитанія“ не было журнала, служившаго бы связью между педагогами и медиками. „Вѣстникъ Воспитанія“ заполнилъ

этотъ пробѣлъ и потому пользовался солиднымъ успѣхомъ *).

Съ Е. А. Покровскимъ я познакомился въ мартѣ 1892 года, когда проѣзжалъ изъ Петербурга въ Одессу. Но наши отношенія начались немного раньше. Мнѣ давно хотѣлось высказаться по вопросу о дѣтской литературѣ, съ полнотою, съ искренностью. Живя въ деревнѣ, я просмотрѣлъ „Вѣстникъ Воспитанія“ за цѣлый годъ; мнѣ онъ очень понравился, и я написалъ Е. А. письмо, предлагая рядъ бесѣдъ. Покровскій принялъ предложеніе съ охотой. Оказалось, что я только отвѣтилъ на его давнишнее желаніе. Прося писать критическія бесѣды, Е. А. предложилъ мнѣ взять вообще на себя всю критику о дѣтскихъ журналахъ и книгахъ. Такимъ образомъ, я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ журнала. Первая наша личная бесѣда была очень непродолжительна, но она оставила во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Предо мной былъ не предприниматель, а человѣкъ идеи. Прощаясь со мною, Е. А. сказалъ мнѣ: „Будемъ работать дружно. Вы любите дѣтей — это главное. Я вамъ вѣрю и не стѣсню вашей свободы“. Только при такомъ отношеніи и я могъ высказываться откровенно, не боясь нападокъ тѣхъ, кому не нравилось и было невыгодно мое откровенное слово. Между редакціей „Вѣстника Воспитанія“ и читателями установилась скоро крѣпкая связь. Къ Е. А., какъ къ авторитету, обращались матери и воспитатели лично и письмен-но, дѣлясь горемъ, прося свѣта. Врачъ-человѣкъ былъ къ ихъ услугамъ, когда дѣло касалось дѣтей. Не мало писемъ отъ родителей переслалъ онъ и мнѣ (обращаясь прямо ко мнѣ), и его бодрила эта связь, и то, что бесѣды мои вызывали въ средѣ подписчиковъ сочувствіе, порождали у нихъ вопросы. Онъ писалъ какъ-то мнѣ: „Я радъ, что живое слово встревожило многихъ, кому давно пора сознать свой грѣхъ. Правда прежде всего, и работайте, какъ работали. Я не смущенъ“. Послѣ долгаго промежутка я снова встрѣтился съ Е. А. въ Петербургѣ, въ „Обществѣ охраненія народнаго здравія“, гдѣ онъ 11-го сентября 1893 года читалъ свой докладъ „Дѣтскія игры и гимнастика“. Докладъ секціей былъ принятъ сочувственно. Смотря тогда на Е. А., энергично отстаивавшаго свои взгляды, я не могъ и подумать, что черезъ два года его не будетъ въ живыхъ. Усиленные занятія по журналу, энергичная борьба въ думскихъ и различныхъ за-сѣданіяхъ, хлопоты по образованію новаго „Общества для содѣйствія физическаго развитія“ подорвали окончательно силы уже ослабѣвшаго организма и свели неутомимаго борца въ преждевременную могилу. Послѣднюю зиму Е. А. часто хворалъ, и только неусыпная забота семьи и любящихъ товарищей-врачей, дежурившихъ у кровати больного денно и ночью, урвали у смерти годъ жизни человѣку, каждый день котораго былъ посвященъ работѣ на общее благо. Но смерть пришла и воинъ мирной арміи, честный гражданинъ и человѣкъ навсегда смежилъ свои очи, въ которыхъ свѣтилась любовь къ „маленькому народу“. Это была поистинѣ тяжелая утрата для русскаго общества.

*) Въ настоящее время „Вѣстникъ Воспитанія“ продолжаетъ издаваться, но онъ избралъ иное русло и у него уже не то знамя.

На похоронахъ было много матерей, плакавшихъ у гроба того, кто спасъ ихъ дѣтей отъ смерти, кто всю жизнь посвятилъ дѣтямъ. Выходя изъ церкви, я услышалъ фразу какой-то дамы: „Боже, да развѣ можно любить дѣтей больше того, какъ онъ ихъ любилъ. Вѣдь ему обязаны жизнью тысячи, тысячи!“ Эти слова до нынѣ звучатъ въ моихъ ушахъ.

Вѣчная память тебѣ, честный воинъ мирной арміи, умершій на своемъ посту! Твои идеи будутъ жить, у тебя будутъ учиться любить родину, ея молодыя силы, работать на благо ихъ. Въ сердцахъ матерей и „маленькато народа“ ты создалъ себѣ нерукотворный памятникъ. Поэтъ сказалъ: „не говори съ тоской—ихъ нѣтъ, но съ благодарностію—были!“

Оплакивая такихъ друзей человѣчества, какъ Е. А. Покровский или Коровинъ—именно эти слова поэта просятся на уста: „Не говори съ тоской—ихъ нѣтъ, но съ благодарностію—были!“

И хочется добавить: „и съ надеждою, что такіе еще будутъ“.

А. Кругловъ.



Обо всемъ и отовсюду.

„Въ лѣсной обители труда“.

Уже стемнѣло, когда я вошелъ на вершину увала, откуда передо мной во всей красѣ развернулася грандіознѣйшая панорама, которая невольно захватила мое вниманіе.

Въ темно-синемъ куполѣ неба сверкали бриллиантовыя точки; изъ-за горизонта только что выплывалъ серпъ луны, посеребряя разстилавшіея внизу лѣса, выступавшіе остроконечными мачтами елей.

Какъ бы господствуя надъ этимъ дикимъ царствомъ, всплывалъ въ голубомъ сіяньи фантастическій берегъ, раскинувшійся амфитеатромъ, по которому силошной массой толпились, вздымаясь другъ на друга, силуэты деревьевъ, отражавшіе въ дивномъ свѣтѣ загадочные призраки.

Въ волнахъ этой дикой, стихійно разлившейся по холмамъ, массы деревьевъ зеленѣетъ на склонѣ берега одинокое пятно, бросаетъ яркіе отблески куполь храма, величественно возвышаясь надъ охватившимъ островокъ хвойнымъ океаномъ.

Въяло здоровой смолистой свѣжестью, какъ будто послѣ палящей іюньской жары лѣсъ упивался прохладой, наслаждаясь ароматами травъ и цвѣтовъ, несшихся изъ необозримой глубины дѣвственныхъ лѣсовъ, насыщая воздухъ опьяняющей нѣгой.

Вотъ потянулась надъ лѣсомъ легкая пелена, окутывая серебрищаяся въ свѣтѣ луны верхушки лѣса дымчатымъ покровомъ, и скоро обдало ѣдкой копотью горящихъ торфяковъ.

Послышался звонъ, безпорядочно гудѣвшій гдѣ-то далеко въ чащѣ лѣса. Съ каждой минутой звонъ становился отчетливѣе, какъ будто призывая къ бодрствованію холмы и лѣса съ населяющей ихъ тварью.

Шель уже двѣнадцатый часъ ночи, когда нога моя ступила на тотъ островокъ, зеленѣвшій на склонѣ берега, на который я только что любовался съ вершины увала.

Десятокъ домиковъ-особняковъ пріютился подъ тѣнью гигантовъ сосенъ, елей, окружившихъ живой стѣной крохотный мірокъ, раскинувшійся на пространствѣ двухъ десятинъ бархатомъ устланнаго ковра.

Въ центрѣ островка небольшой дворикъ-площадка, на который падаютъ затѣйливыя тѣни лѣса, отражая то мажы судовъ, то кудрявыя шапочки сосенъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ страшныя космы елей.

Въ срединѣ площадки храмъ, а рядомъ тянется огромный сарай, гдѣ навалены груды камня, кирпича, заготовленныхъ для нынѣ сооружаемаго собора.

Время уже за полночь, но спать не хотѣлось. Подъ самыми окнами отвѣденной мнѣ комнаты, убранной чисто и уютно, сердито шумѣла неугомонная рѣчка.

Вотъ на зеленой площадкѣ столпился въ кучу десятокъ темныхъ тѣней, производя какія-то таинственные жесты, исполненные тревоги. На колокольѣ и крышѣ главнаго корпуса мелькали темныя силуэты. Но вотъ дымка все сгущалась, пропитывая воздухъ ѣдкой гарью, а скоро въ молочномъ туманѣ потонулъ и дворикъ обители и причудливыя силуэты, разстилавшіеся по уклону ковра.

Пронеслись стройные звуки, сливаясь въ чарующія слухъ созвучія. Пѣли „Спаси, Господи“. Волна нѣжной, душу возвышающей мелодіи уносилась въ глубь лѣса.

Звуки оборвались, только неугомонная рѣчка попрежнему шумѣла, да гдѣ-то въ чащѣ прокричала кукушка, а въ отвѣтъ раздался: „бухъ-бу“.

Въ четвертомъ часу жизнь въ обители уже кипѣла ключемъ.

„Идемъ на покосъ“, объяснила мнѣ сестра-послушница.

Скоро за сестрами отправился и я въ сопровожденіи старика Дмитрія, исполнявшаго обязанности сторожа обители.

Узка тропинка описывала причудливыя зигзаги, то вздымаясь на обрывъ увала, громоздящійся надъ рѣчкой, то снова сбѣгая въ низину, въ которой обдавало пронизывающей сыростью утра.

Шли мы болѣе получаса, но вотъ потянулись Кылтовскіе луга, зеленѣя вдоль опушки лѣса, живописно разстилавшейся лентой, окаймленной кустарникомъ ивы.

Удручающій запахъ гари давно развѣялся въ утренней прохладѣ. Солнце уже золотило верхушки лѣса, а беззаботная пѣсня жаворонка торжественно привѣтствовала наступающій день.

Косцы-сестры, одѣтыя въ свинцоваго цвѣта сарафаны, почти не выдѣлялись на зеленѣющемъ фонѣ луга, еще блестящемъ каплями утренней влаги.

— Сестра Марія, освободи дорогу,—обратилась молодая зырянка къ шедшей впереди нея покосомъ.—Живо,—повторила она,—а то обгоню стороной,—шутливо предупредила зырянку.

Сестра Марія не хотѣла уступить. Она участила взмахи, ловко и граціозно играя косою, *) которая сверкала за ея спиной ярко отточеннымъ лезвіемъ. Взмахи справа налево учащались. Лицо Маріи покрылъ яркій здоровый румянецъ, вспыхнувшій подъ влияніемъ утренней свѣжести, оживлявшей силы и энергію духа.

— Сестра Анна, уступи дорогу, а то засѣку,—добродушно замѣтила Марія шедшей впереди нея Аннѣ.

Въ 10 часовъ утра труженицы размѣстились на отдыхъ у домика, выстроеннаго на опушкѣ лѣса.

Послѣ полудня сестры раздѣлились на три партіи: одна пошла на косьбу, другая—занялась уборкой луга, уже нѣсколько дней скошеннаго, а третья принялась раздѣлывать поле подъ озимое.

Какъ прекрасно-затѣйливъ кажется съ Кылтовской горы этотъ трудовой муравейникъ!

По увалу сбѣгаютъ поля, окруженные высокой стѣной. Подъ горой серебрится бурная рѣчка, возлѣ которой разстилается зеленая каймой Кылтовскій лугъ, гдѣ рядами ходятъ сестры, загребая валы сѣна, а тамъ, вдали, на поворотѣ рѣчки, уже темнѣютъ шапочки конны. На другомъ концѣ луга идутъ, образуя живую лѣстницу, косцы-сестры, а на увалѣ, гдѣ раздѣлывается новое поле подъ озимое, корчуютъ пни, таская ношами коренья въ суболоть, гдѣ дымится смолокурная печь.

На небѣ показываются едва замѣтныя тѣни, несущіяся въ голубомъ куполѣ, то расплываясь въ свѣтящіяся полосы и скоро исчеза въ глубинѣ лазури, то снова появляясь темной тучкой, угрожающей прервать этотъ мирный процессъ труда на лонѣ цвѣтущей природы.

Муравейникъ встревожился. Бросивъ приготовленіе поля и косьбу, сестры наскоро свѣшать помогать убирающимъ лугъ, гдѣ уже кипѣла лихорадочно работа: кто вренлъ конны на носилкахъ, кто металъ стоги, кто загребалъ дорожки.

Крестовоздвиженскій женскій монастырь **) имѣетъ свою дачу въ размѣрѣ 2.500 десятинъ.

Дача почти не тронута, представляя собой имущество огромной цѣнности. По сосѣдству съ монастырской, дача Суркова дала съ 4.000 дес. болѣе полмиліона бревенъ, считая по 2 руб. одной пошлыны, что составитъ милліонъ рублей; кромѣ того, въ дачѣ осталось мелкаго лѣсу въ два-три раза больше,

*) Здѣсь косы—горбуши.

**) Основанный 16 лѣтъ назадъ въ глухомъ лѣсу, на берегу рѣчки Кылтова, въ 15 верст. отъ села Серегова, въ Яренскомъ уѣздѣ.

чѣмъ вывезено. Но монастырская дача, по размѣру нѣсколько меньшая, стопть не початой.

Когда я вышелъ изъ лѣсу, то на лугу уже никого не было: сестры толпились у домика, откуда неслись стройные звуки молитвы, а на лавочкѣ сидѣла и мать-настоятельница, прибывшая на покое.

— Не могу одна сидѣть дома,—проговорила мать.—Все хочется поглядѣть, хотя работа идетъ и безъ моего повужденія или указанія. Живя въ такой глуши, куда нынче никто не заглядываетъ, естественно чувствуешь потребность поговорить съ свѣжимъ человѣкомъ.

Видимо, мать-настоятельница горѣла желаніемъ излить волновавшія ее мысли и чувства.

— Не физическій трудъ изнуряетъ человѣка, а забота, ужасная тревога за безопасность вотъ этого муравейника, которая съ наступленіемъ лѣта тяготеетъ, какъ Дамокловъ мечъ, липая сна,—заговорила мать-настоятельница.—Съ наступленіемъ іюня и почти весь іюль надъ сѣверомъ стоитъ удушливый дымъ. Въ прошломъ году, когда горѣла сосѣдняя съ нашей дача Суркова, то мы спали не раздѣваясь, удрученныя заботой, что вотъ-вотъ пламя смететъ съ лица земли и обитель, на которую столько затрачено труда и денегъ; погаснетъ источникъ культуры, съ такими усиліями разведенный въ глухой, дикой мѣстности. Нынче въ обители 200 сестеръ, а въ зимнюю пору число это возрастаетъ вдвое, втрое приходящими издалека на время, чтобы обучиться ремеслу, хозяйству. Посмотрите, вѣдь одно смолокурение даетъ монастырскому хозяйству нѣсколько тысячъ въ годъ, а сколько даютъ ручныя издѣлія, живопись и др.? И вотъ нынче забываешься съ мыслью, что завтра все это уничтожить дикая стихія. Лѣса загораются въ мѣстахъ, куда не ступаетъ лѣтомъ нога человѣка... Что это злой умыселъ, я не сомнѣваюсь ни на секунду, но меня сильно волнуетъ: думаетъ ли что-нибудь предпринять лѣсное начальство? Лѣсопромышленники сами сознаются, что палить лѣсъ съ цѣлью получить бревна вблизи славныхъ рѣчекъ, но мнѣ бы очень хотѣлось знать, принимаютъ ли мѣры къ пресѣченію зла? Да, жаль, до боли жаль. А сколько можно было бы развести такихъ муравейниковъ въ здѣшнемъ краѣ! Полтысячи душъ кормится честнымъ трудомъ на одномъ этомъ клочкѣ, а сколько могло бы прокормиться во всемъ краѣ? Въ прошломъ году въ обитель заходилъ техникъ, производившій изысканія колеснаго пути съ Вычегды (Усть-Выжь) до Ухты. Отъ Усть-Выми до Синдорскаго озера, говорилъ техникъ, мѣстность ровная съ небольшими углубленіями. Почва—супесь, годная подъ поля и покосы. Тысячи поселковъ могли бы размѣститься на этой площади и жить процвѣтая. Дорогу предполагалось провести мимо Крестовоздвиженскаго монастыря, что безспорно оживило бы и нашъ уголокъ. Однако, все свѣтлое у насъ скоро гаснетъ въ сгущающейся тьмѣ безтолковщины. О проведеніи дороги забыли, а министерство путей ассигновало 50 т. р. на изысканіе и регулированіе водныхъ путей, начиная съ Усть-Выми до Ухты, съ цѣлью обезпечить проходъ ижемскимъ лодкамъ. Надо замѣтить, что воднымъ путемъ изъ Усть-Выми по Выми и ея притокамъ надо кружить шестьсотъ верстъ, не минуя переволока, гдѣ и грузы, и лодки должны взваливаться на телѣги... А тутъ колеснымъ путемъ всего около 200 верстъ, которыя можно одолѣть въ 3—4 дня, тогда какъ нынче нефтепромышленники должны терять не меньше недѣли, чтобы перебраться за одинъ переволокъ разстояніемъ въ 6 верстъ...

Добавлю, что на 50 т. р. можно было бы вполне соорудить колесный путь, считая по 250 р. версту по примѣру недавно проведенной Серегово-Турьинской дороги. Подумайте, что такое значить „регулировать лѣсные ручейки?“

Вотъ какая услуга оказана ухтинскимъ промышленникамъ... Въмѣсто 3—4 дней кружите двѣ-три недѣли...

(М. Вѣд.—И. А. Шегринъ.)

Образцовая почта.

Хотя Альбионъ обладалъ почтовой службой съ 1581 г., но нынѣшнее ея устройство беретъ свое начало только съ царствованія короля Карла II-го (1660 г.).

Главный начальник (генераль-почтмейстеръ)—тоже министр и принадлежитъ къ лондонскому кабинету. Онъ получаетъ 2.500 фунтовъ годового содержания (т.-е. около 24 тысячъ рублей). Въ его распоряженіи находится штатъ изъ 88.000 чиновниковъ, состоящихъ на государственной службѣ, и 111.000 вспомогательныхъ вольнонаемниковъ (въ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ частныхъ лавкахъ и магазинахъ). Слѣдовательно, онъ, такъ сказать, командуетъ арміей въ 199 тысячъ душъ (изъ нихъ 42.000 женщинъ)!

Почтовое движеніе въ Англіи очень значительно. Согласно послѣднему рапорту, обнародованному генераль-почтмейстеромъ, его администрація раздала адресатамъ въ 1907 г.: 2.800.000.000 закрытыхъ писемъ (по 64 на каждого великобританца), 831.000.000 открытокъ (по 19), 933.000.000 бандеролей (по 21), 189.000.000 періодическихъ изданій (всего по 4, такъ какъ большая часть ихъ разсылается не черезъ почту), 105.000.000 посылокъ (4,4). Почтовыхъ переводовъ было 10.500.000 на общую сумму около 360.000.000 рублей, почтовыхъ боновъ (установленной стоимости) 102.000.000 на 450.000.000 рублей. А сберегательныя почтовые кассы насчитывали 10 милліоновъ вкладчиковъ на 1.462.500.000 рублей. Наконецъ, почтовое вѣдомство передало 89.500.000 телеграммъ и 20.000.000 телефонныхъ разговоровъ.

Валовые сборы достигли 204.375.000 руб.

Въ дѣловой части города,—„Сити“,—гдѣ находится центральное управленіе почтамта, происходитъ по 20 разъѣздовъ и раздачъ корреспонденціи въ сутки, а въ остальныхъ кварталахъ, за исключеніемъ одного или двухъ на сѣверной окраинѣ великобританской столицы, тоже дѣлается отъ 12 до 14 разъ въ день. На всемъ пространствѣ этого огромнаго почтового района не трудно обмѣняться въ 24 часа тремя обыкновенными письмами; а, вѣдь, діаметръ его равняется 25 верстамъ, если принять Чарингъ-Кроссъ за центр. Всякое отправленіе, опущенное въ ящики между 5 и 7 часами вечера, доставляется въ Лондонъ адресату еще *до 10 час.* въ тотъ же день, а брошенное до 3 час. почти попадаетъ по назначенію не позже 8 час утра. Одно изъ величайшихъ удобствъ, представляемыхъ лондонскимъ жителямъ почтовой администраціей, это—служба такъ называемыхъ „экспрессовъ“ (нарочныхъ). Они, собственно говоря,—экстренные посылынные вѣдомства при почтовомъ учрежденіи каждаго квартала и во многихъ мелкихъ конторахъ. Оправитель вручаетъ письмо чиновнику, и за таксу въ 3 пенса (11¹/₄ коп.) отъ каждой англійской мили оно отправляется немедленно. Прежде, чѣмъ податель подобной срочной корреспонденціи усилится выйти изъ почтового отдѣленія, „экспрессъ“—уже въ дорогѣ. Это конкурируетъ съ телефонами и стоитъ гораздо дешевле, такъ какъ письмо или пакетъ могутъ

вѣсить до 6 фунтовъ. Вдобавокъ, посланный приносить, когда нужно, и отвѣтъ по тому же тарифу. Болѣе того, „экспрессъ“ беретъ на себя (и за одинаковую плату) отвезти по назначенію и живое лицо—дѣтя, отправляемое въ школу, или иностранца, способнаго заблудиться въ огромномъ чужомъ городѣ! И это еще не все: положимъ, наступилъ поздній часъ,—обыватель пропустилъ крайній срокъ обычной отправки виноградныхъ почтъ изъ учреждений на вокзалы, но, если бы подоспѣть къ отходу поѣзда, письмо еще успѣло бы попастьъ, куда слѣдуетъ. Въ подобныхъ случаяхъ достаточно вызвать по телефону ближайшаго „экспресса“, и онъ тщательно выполнитъ это порученіе. Итакъ, лондонцу нѣтъ надобности ни лично беспокоиться, ни отрывать отъ прямыхъ обязанностей свою прислугу. Дѣло поставлено просто, практично и чрезвычайно удобно!

Таковы нѣкоторыя выгоды системы нарочныхъ („экспрессовъ“).

Почта оказываетъ еще и другія услуги публикѣ. Если кто-нибудь желалъ бы заручиться разрѣшеніемъ на охоту, она выдаетъ такое немедленно.

Нужно ли оформить извѣстный документъ или дѣловой актъ, почтовое учрежденіе, принявъ только установленный гербовый сборъ, устраняетъ это безвозмездно, самое позднее, въ два дня для всего королевства!

Наконецъ, когда требуется внести налоги, если платежъ не превышаетъ 50 фун. стерл. (около 470 руб.), почтамтскій чиновникъ выдаетъ квитанцію, которую можно доставить сборщику или пріемщику государственныхъ поступленийъ двумя недѣлями позже назначеннаго для нихъ срока. Почта принимаетъ на себя и передачу денешъ. Допустимъ, отправитель находится довольно далеко отъ телеграфной станціи, но знаетъ, что черезъ десять минутъ послѣдуетъ выемка корреспонденціи изъ ближайшаго почтоваго ящика (а такой отъ любого дома въ Лондонѣ будетъ ближе 50 сажень). Достаточно тогда написать телеграмму на простомъ бланкѣ и, приклеивъ къ послѣднему ея стоимость по таксѣ (положенной за слово) въ почтовыхъ маркахъ, опустить въ этотъ самый ящикъ. Почтalionъ, собирая корреспонденцію, захватитъ также ее и неотложно сдастъ сосѣднему телеграфу. Вотъ и все! Нѣтъ ничего удобнѣе, напр., вечеромъ, когда мелкіе телеграфныя отдѣленія закрыты, а желательно, чтобъ депеша прибыла по адресу рано утромъ. Вынутая изъ ящика ночью, она отправляется спѣшно въ первую очередь. Съ 1881 г. въ Англіи совершенно упразднены всякіе квитанціонныя марки, которыхъ на распискахъ замѣнили обыкновенныя почтовые.

Такимъ образомъ идеальныя порядки въ британскомъ почтовомъ вѣдомствѣ характеризуются полнымъ отсутствіемъ канцелярской рутинны, которой вообще не терпитъ живое дѣло. Но это стало возможнымъ благодаря крупнымъ плюсамъ общественной добросовѣстности въ высоко-культурной странѣ, гдѣ давно не ощущается потребности въ обременительныхъ и стѣсняющихъ контролѣ и ошкѣ надъ обывателями.

(М. Вѣд.)

О Римскомъ-Корсаковѣ.

I.

Римскій-Корсаковъ за-границей.

(Изъ недавнихъ воспоминаній).

Это было въ 1906 году; въ Парижѣ. Николай Андреевичъ пріѣхалъ тогда дирижировать на „русскихъ концертахъ“ въ „Grand Opéra“.

Жилъ онъ очень скромно, въ небольшомъ отелѣ rue Jakob по „ту сторону“ Сены, посвящая весь день работѣ, репетиціямъ, просмотру „твореній“ будущихъ корифеевъ, которые буквально осаждали его, и только урывками пообщаясь друзьями.

Мнѣ пришлось его встрѣтить у г-жи Ванъ-Брандтъ, которая только что пріѣхала въ Парижъ послѣ своихъ гастролей въ Россіи и Италіи.

Я уже былъ тамъ, какъ вдругъ вошелъ Римскій-Корсаковъ.

— Здравствуйте, моя прелестная Снѣгурочка, здравствуйте,—цѣлуя руку артистки и добродушно улыбаясь, сказалъ онъ,—радъ васъ видѣть, радъ быть слышать о вашихъ триумфахъ... Спасибо, что поете мою „Снѣгурочку“, которая, какъ мнѣ кажется, написана для васъ—такъ вы подходите къ ней и она къ вамъ.

Знаменитая артистка, вообще очень скромная и застѣчивая, не знала, что в отвѣтъ великому композитору, этому „баяну земли русской“. Только по выступившему яркому румянцу было видно, какъ она тронута до глубины души сердечными словами симпатичнаго Николая Андреевича.

А Николай Андреевичъ продолжалъ:

— У меня есть ваши портреты, а вотъ теперь привезъ вамъ свой—последній, такъ и написалъ—моей идеальной Снѣгурочкѣ... Читайте... „Идеальной Снѣгурочкѣ Ванъ-Брандтъ отъ искренняго почитателя,—медленно читалъ онъ по слогамъ,—ея таланта... Римскаго-Корсакова...“

Вскоръ подали завтракъ. Разговоръ продолжался.

— Какого вы мнѣнія о русскихъ концертахъ?—спросилъ я Николая Андреевича.

Онъ на минуту задумался и отвѣчалъ:

— Не понимаютъ французы русской музыки! Чуждо все это имъ! Имъ нужны „помадные“ композиторы, вроде Массенэ. Онъ громадный талантъ, но у него все слишкомъ зализано... Составъ артистовъ, по моему, тоже неудаченъ. На мѣстѣ Шалаяпина я отказался бы нѣтъ на концертъ въ Парижѣ. Вѣдь умный же онъ человекъ, а не понимаетъ, не сознаетъ, что голосъ-то у него ужъ плоховатъ,—сдавать сталъ. Въ оперѣ другое дѣло, тамъ отсутствіе голоса, пожалуй, можно замаскировать игрой, школой, костюмомъ, но на концертной эстрадѣ—нѣтъ. Тутъ подайте голосъ и школу.

— Вы, повидимому, недовольны этими концертами?

— Какъ вамъ сказать... Доволенъ я или нѣтъ, потому это интересно? Я слишкомъ здѣсь малая величина. А вотъ, что я удивленъ отношеніемъ русскихъ артистовъ къ дѣлу—это правда. Пріѣхали въ Парижъ,—полнуясъ говорилъ онъ,—и хоть бы что! Самоувѣренности, хоть отбавляй! То опаздываютъ на репетицію, то и совсѣмъ не приходятъ. Я, старикъ, аккуратно прихожу, а вотъ разныя Кузнецовы опаздываютъ и даже не извиняются—мнятъ себя богами. Вотъ въ Петербургѣ при послѣдней постановкѣ сколько ломалась Кузнецова! Умирать буду—запомню! „Пою, не пою,“—безъ конца! Знаете, даже я не выдержалъ и сказалъ: ну, и не пойте! А вѣдь я терпливъ... Это ужъ всѣ знаютъ.

— И остальные капризничаютъ?

— Бываетъ. Вотъ въ два часа назначена репетиція, а Шалаяпина нѣтъ какъ нѣтъ. Полчаса ждемъ, посылаемъ. Проходить часъ, а его все нѣтъ. Наконецъ, является, и прежде, чѣмъ успѣшь ему что-либо сказать, онъ ужъ колотить себя кулаками въ грудь, хватается за волосы и кричитъ: „Знаю, знаю... Я негодай, свинья... Простите, закружился...“ Ну, и начинается самобичеваніе. Что ему скажешь? Хоть и не вѣрю я въ его искренность, но все же онъ меня этимъ обезоруживалъ и я, махнувъ рукой, брался за работу..

— Какъ же по вашему надо было обставить эти концерты?

— Надо было взять лучшее изъ Россіи, а не искать среди казенныхъ артистовъ. Вотъ наглядный примѣръ. Изъ моей „Снѣгурочки“ идетъ арія Меля, а самой Снѣгурочки нѣтъ! Почему было не пригласить Надежду Тимофеевну (Ванъ-Брандтъ)? Вѣдь фуроръ бы вызвала. Какая Снѣгурочка, какая Снѣгурочка,—восторженно добавилъ Николай Андреевичъ и, наполнивъ бокаль... водой, чокнулся имъ съ г-жей Ванъ-Брандтъ. Воспользовавшись случаемъ, я, по просьбѣ своего пріятеля художника, предложилъ Н. А. позировать для портрета, который будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ журналовъ.

— Нѣтъ ужъ, увольте,—замахалъ онъ руками,—не нужно мнѣ этого... Реклама... Богъ съ ней... Вотъ случай вчера. Получаю изъ одной редакціи подъ бандеролью № журнала. Развертываю—мой портретъ. Думаю, очень мило это, но съ какой стати! Беру корреспонденцію и нахожу изъ той же редакціи письмо, въ которомъ они возносятъ меня превыше небесъ и... требуютъ 500 франковъ за помѣщенный портретъ. Да что я ихъ просилъ что ли, или, наконецъ, они хоть спросили моего согласія? Возмутительно и не знаю, какъ быть...

Послѣ завтрака, когда мы перешли въ гостиню и горничная разносила чашечки съ ароматнымъ кофе, г-жа Ванъ-Брандтъ стала его что-то разспрашивать о „Снѣгурочкѣ.“

— Дайте-ка, Надежда Тимофеевна,—мягко сказалъ Н. А.,—партитуру и карандашикъ.—И, найдя нужную страничку, стала что-то исправлять.

— Вспомнилъ,—произнесъ онъ,—и дѣлаю для васъ вариантъ, такъ будетъ красивѣе... Попробуйте такъ спѣть, а я вамъ проаккомпанирую.

— Послѣ завтрака-то,—замѣтила Ванъ-Брандтъ.

— Ну такъ что же?—живо возразилъ Николай Андреевичъ.—Вы, слава Богу, можете пѣть, когда угодно. Это одни безголовые всего боятся, а вѣдь у васъ, сами знаете, голосъ дивный... Нечего кокетничать!

Раздался аккоръ. И Ванъ-Брандтъ запѣла: „Какъ больно, тяжело мнѣ“.

— Прелестно,—сказалъ Николай Андреевичъ,—душу чувствуете и какъ разросся вашъ голосъ. Вотъ побольше бы такихъ артистокъ... Все Богъ далъ сразу: молодость, голосъ, красоту, талантъ...

Потомъ задумался и заигралъ что-то новое.

— Знаете это?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ...

— Это изъ „Золотого пѣтушка“... Только, пожалуйста, не хвалите. Вотъ я опять вижу недостатки. Приѣду домой,—передѣлаю...

Часы пробили четыре, Николай Андреевичъ поднялся и сталъ прощаться.

— Портретъ Массенэ,—сказалъ шутя онъ,—и такая надпись! А я-то назвалъ его „помаднымъ“... Вы ужъ не рассказывайте...

Ванъ-Брандтъ засмѣялась.

— Вотъ что,—сказалъ уже въ передней Римскій-Корсаковъ, когда мы уходили отъ прелестной артистки,—а какъ же насчетъ „Снѣгурочки“? Спойте, душечка, ее въ „Op. Com.“. Я переговорю... Если бы вы пѣли, я былъ бы счастливъ и самъ бы дирижировалъ... Споете?

Мы вышли на улицу, всю залитую яркимъ лѣтнимъ солнцемъ. Сновала оживленная, пестрая, нарядная толпа. Николай Андреевичъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на непривычную ему картину и рассказывалъ мнѣ о дальнѣйшихъ своихъ планахъ, о томъ, что кромѣ „Золотого пѣтушка“ онъ задумалъ еще три оперы на былинные сюжеты.

Судьба судила иначе. Онъ едва успѣлъ закончить „Золотого пѣтушка“.



А. Н. Римскій-Норсаковъ.

Его не стало. Остались лишь чудныя воспоминанія объ этомъ миломъ, добромъ и сердечномъ человѣкѣ, остались его произведенія—безсмертный памятникъ, который онъ создалъ себѣ при жизни.

(Гол. М.—Старый Меломанъ).

II.

Штрихи изъ жизни Римскаго-Корсакова.

(Три антракта къ оп. „Царь Салтанъ“.—Экзамены и Cantus—firmus).

Говорятъ, что „Севильскій цирюльникъ“ Россини написалъ въ 12 дней. Но Н. А., какъ оказывается, въ этомъ отношеніи оставилъ позади себя и знаменитаго итальянца. Рассказываютъ такой анекдотъ:

Вечерній чай въ семьѣ Н. А. обыкновенно подавали до театра, приблизительно въ 5—6 часовъ вечера. Самоваръ уже стоялъ на столѣ, когда Николай Андреевичъ подошелъ къ роялю. Звали его потому нѣсколько разъ изъ гостиной, а онъ все отгнѣкивался.

— Вотъ окончу фразу и сейчасъ же приду.

Прошло однако около часа, а Н. А. все не идетъ. Тогда кто-то изъ дѣтей входитъ къ нему и говорить:

— Мы успѣли выпить уже по два стакана чаю, а ты, рара, все не идешь.

— Отлично, дитя мое, превосходно! А я все-таки количествомъ обогналъ васъ. Смотри, вотъ три эскиза... будетъ изъ нихъ толкъ и даже большой...

Изъ этихъ трехъ эскизовъ впоследствии вышли знаменитые три антракта къ оперѣ „Царь Салтанъ“, которые по красотѣ оркестровки и виртуозности техники могутъ быть названы жемчужинами русской оркестровой музыки. И заняли они у великаго мастера, въ общемъ, не больше часа времени.

На экзаменахъ въ классѣ по „свободному сочиненію“ не было педантичнѣе и требовательнѣе человѣка, чѣмъ Н. А. Но во всемъ этомъ отсутствовала даже тѣнь обычной экзаменаторской придирчивости. Видна была безграничная любовь къ своему дѣлу и сознаніе той высокой мисси, къ которой долженъ готовиться будущій человѣкъ искусства. И поэтому всѣ требованія Н. А. исполнялись нарѣдкость добросовѣстно, именно „не за страхъ, а за совѣтъ“.

Свои экзамены Н. А. назначалъ обязательно въ какой-либо праздничный день, когда въ консерваторіи было совершенно пусто. „Cantus—firmus“ (темы на свободное сочиненіе) обыкновенно раздавались въ количествѣ 15-ти, такъ какъ партій экзаменующихся болѣе 15 человѣкъ Н. А. не допускалъ.

Всѣхъ экзаменующихся Н. А. приказывалъ запирать въ отдѣльныя помѣщенія и приставлялъ сторожей къ дверямъ, чтобы между ними не было сообщенія.

Но надо было видѣть то теплое, чисто отеческое отношеніе, какое Н. А. всегда проявлялъ къ ученикамъ. На экзаменахъ композиціи, помимо знаній, требуется еще настроеніе, извѣстный подъемъ нервовъ, позывъ къ творчеству. И молодежь часто труситъ, падаетъ духомъ. Тутъ-то надо было видѣть, какъ покойный Н. А. подбадривалъ будущихъ „композиторовъ“. Дарилъ сигары, при-

казывалъ „курнуть“ въ промежуткѣ, чтобы „мысль освѣжилась“, шутилъ, острилъ и всячески старался поддерживать настроеніе въ юныхъ питомцахъ.

Вышло, однажды, какъ-то такъ, что экзаменующихся было установленное число 15, а „Cantus—firmus“, при подсчетѣ, оказалось 16.

— Что же мы будемъ дѣлать съ шестнадцатой?—спрашиваетъ съ улыбкой Н. А.

И тутъ же прибавляетъ:

— Знаете, что? Не надо никого обижать. Темы, во-первыхъ, имѣются побольше и поменьше. Такъ мы, дѣти мои, по росту... Кто выше и больше, тому и тема побольше... Шестнадцатая, кажется, самая большая, такъ и быть возьму ее себѣ. Самой большой среди насъ—это я... И скорѣе къ дѣлу! Ужъ такъ и быть, запрусь и я. Какъ вы разсудите? Со сторожемъ или безъ?..

Молодежь смѣется. Всѣ становятся особенно бодры.

Смѣшины были поэтому увѣренія, будто Римскій выбиралъ „сливки“ консерваторіи, почему его классъ особенно успѣвалъ. Поступивъ къ нему, сплошь и рядомъ у всѣхъ являлась охота работать, совершенствоваться.

А шестнадцатой темой на „свободное сочиненіе“ великій художникъ, представьте, не шутилъ. Выслушавъ все написанное учениками, онъ представилъ на судъ юной аудиторіи и свое. Именно такой номеръ изъ „Cantus—firmus“, обработанный великимъ мастеромъ, красуется теперь чарующей страницей въ одномъ изъ лучшихъ его произведеній.

(Г. С.).



Русскій

Баянъ.

I.

Д. А. Агреньевъ-Славянскій.

Въ Рушукѣ, послѣ трудной операціи, скончался Дмитрій Александровичъ Славянскій.

Славянскій давно прихварывалъ; не столько годы, сколько огорченія пошатнули его крѣпкое здоровье. Его карьера вовсе не была усыпана розами,

какъ можно было бы предполагать. Безъ покровительства въ Россіи ничего нельзя сдѣлать, даже и теперь. Лицо близкое къ Славянскому писало лѣтъ пять назадъ по поводу грустнаго положенія, въ которомъ очутился Славянскій на старости лѣтъ.

„Болѣзнь Славянскаго отъ переутомленія и неврастенія въ сильнѣйшей формѣ. Очень естественно, что, проработавъ безъ устали полстолѣтія,—пять лѣтъ военной службы въ гусарахъ, причѣмъ Дмитрій Александровичъ участвовалъ въ крымской кампаніи, и затѣмъ 45 лѣтъ артистической дѣятельности,—начинать новое полстолѣтіе немислимо, не будучи здоровымъ. Богатый человекъ до начала своей карьеры, онъ положилъ все свои средства, какъ и свою молодость, на служеніе родинѣ, возвращая къ жизни и свѣту русскую пѣсню, забытую и забытую моднымъ безпочвеннымъ влияніемъ. Славянскій служилъ четыремъ императорамъ и это, а равно и его 70-лѣтній возрастъ, даетъ ему право на отдыхъ. Тогда какъ многіе изъ его подражателей и послѣдователей уже получаютъ пенсіи и субсидіи, одинъ только Славянскій—теперь самый старшій изъ русскихъ артистовъ, родоначальникъ русско-славянскаго хороваго пѣнія, воскресившій съдую старину былины съ ея сказочными героями, собиравшій еще во время турецкаго владычества и съ опасностью жизни въ славянскихъ земляхъ народныя мелодіи и первый принесшій ихъ въ Россію, одинъ не пользуется ничѣмъ. На собраніе народныхъ пѣсень потребовалось много денегъ. Онъ же субсидіи не получалъ, не то, что разныя другіе записыватели ихъ, какъ напримѣръ, Т. И. Филиповъ и его друзья. На его долю достался только одинъ трудъ возрожденія русской пѣсни со всеми терніями, сопряженными съ этой великой задачей служенія народной культурѣ; его же послѣдователи пожинаютъ безъ труда то, что онъ сѣялъ. Кто станетъ отрицать, что вышнему русскому музыкально-народническому направленію дали толчекъ Славянскій и его концерты? Въѣдъ 50 лѣтъ назадъ было иное направленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже и тогда была другая бѣда: пѣсни уже тогда стали исчезать въ деревняхъ, замѣняясь произведеніями, перенесенными туда изъ лакейскихъ барскихъ домовъ, изъ городскихъ трактировъ, а отчасти и шарманками. Славянскій вмѣстѣ со своей женой записали тысячу пѣсень своими единоличными усиліями. За что же Славянскаго обошли и обходять? Съ этою заброшенною пѣсню Славянскій триумфально прошелъ по всему цивилизованному міру; отъ деревенской избы до царскихъ палатъ донесъ онъ ее на своихъ плечахъ. Неужели не признать такой заслуги? Неужели можно допустить, чтобы дѣятель, заявившій себя какъ собиратель и какъ глашатай сокровищъ народнаго творчества, выработавшій своими единоличными усиліями, несмотря на препятствія и громадныя затраты, одну изъ самыхъ плодоноснѣйшихъ вѣтвей культуры, неужели можно допустить,—говорю я,—чтобы такой дѣятель, уже уставшій и состарившійся, началъ новое полустолѣтіе труда уже некосильнаго, имѣя еще нераспускаемую имъ 35 лѣтъ капеллу, и умеръ бы гдѣ-нибудь въ жалкой гостиницѣ провинціального городишка? Страхуюсь, что это тѣмъ и кончится“.

Предположенія автора письма оправдались. Славянскому пришлось умереть даже и не въ жалкой гостиницѣ, а въ госпиталѣ чужого городишка. Оправившись отъ неврастенія, Славянскій возобновилъ свою дѣятельность и довелъ ее какъ разъ до 50-лѣтней грани своего артистическаго поприща. Служба же его родинѣ продолжалась, включая его военную карьеру, 55 лѣтъ. Имѣя на плечахъ болѣе 75 лѣтъ, онъ продолжалъ подвергаться невзгодамъ. Тотъ, кто не бывалъ на Балканскомъ полуостровѣ, не видаль его городковъ и мѣстечекъ, не можетъ имѣть понятія о тѣхъ неудобствахъ, которыя тамъ приходится выносить заѣз-

жему человѣку. Съ самыми скромными требованіями можно иногда стать втупикъ передъ дѣйствительностью этихъ городковъ. А когда приходится заботиться не объ одномъ себѣ, а о 50—70 слутникахъ, когда не знаешь даже, какъ размѣстить ихъ сколько-нибудь сносно, то затруднительность положенія еще болѣе усиливается: есть отъ чего потерять голову. Вѣроятно, Русукъ не лучше тѣхъ городовъ Болгарія и Сербія, которые мнѣ приходилось видѣть, и какъ разъ въ такомъ городѣ Славянскому довелось умереть.

Карьера его поучительно иллюстрируетъ формализмъ нашей жизни. Въ началѣ царствованія Александра II „пробудились дремавшія народныя силы“,— какъ любить выражаться наша публицистика,— и только якобы правительственный гнетъ помѣшалъ развитію новыхъ теченій. Отрицать эти теченія, конечно, нельзя. Надо только сказать, что большинство, выражавшее новыя идеи, само безъ всякихъ правительственныхъ понужденій бросило свои хорошіе помыслы и не только постаралось пристроиться къ тепленькимъ мѣстечкамъ, но и забыло все то, о чемъ оно когда-либо думало. Славянскій не принадлежалъ къ ихъ числу. Онъ могъ сдѣлать хорошую карьеру. Онъ былъ богатымъ помѣщикомъ и, оставаясь на службѣ, могъ достигнуть завиднаго положенія. Какъ артистъ, онъ тоже имѣлъ передъ собой спокойную и выгодную карьеру. У него былъ прекрасный теноръ, онъ уже дебютировалъ въ Берлинѣ на сценѣ королевской оперы, гдѣ его слышалъ тогдашній министръ двора графъ В. Адлербергъ, пригласившій его въ Маринскій театръ. Попалъ бы онъ въ любимцы Петербурга, какъ Сѣтовъ, и отлично бы потекла его жизнь. Но онъ именно вкусилъ новыхъ вѣяній и искренно имъ отдался, оставшись имъ вѣренъ до конца своей жизни.

Онъ искренно любилъ пѣсню, которой отдалъ жизнь, силы и свои средства.

Относительно собиранія народныхъ пѣсней, Славянскій поработалъ не менѣе, а пожалуй болѣе другихъ, чьи заслуги въ этой области никѣмъ не оспариваются. Сравнительно только небольшая часть ихъ напечатана. Огромное число ихъ неиздано. Тѣ, которыя издавы, страдаютъ иногда слабой гармонической обработкой, въ особенности фортепіанное ихъ сопровожденіе, но это обстоятельство не умаляетъ ихъ цѣнности. Самые напѣвы представляются иногда рѣшительно драгоценными и новыми. Они имѣютъ то преимущество, что записаны не на слѣхъ, а на основаніи точнаго знакомства съ ними, человѣкомъ, выросшемъ въ деревнѣ и проводившимъ въ ней добрую половину своей жизни. Когда была послана Русскимъ Географическимъ обществомъ—на широкія казенныя средства—первая пѣсенная экспедиція, во главѣ которой стояли покойный Дютшъ и г. Истоминъ, то досужими людьми было подсчитано, на основаніи официальнаго маршрута экспедиціи, что она дѣлала по 300—400 верстъ въ сутки. Между тѣмъ, эта экспедиція ѣздила по такимъ глухимъ мѣстностямъ, какъ олоонецкая и архангельская губерніи. Пѣсни записывались совершенно случайно—отъ ямщиковъ, везшихъ экспедицію, бабъ, перевозившихъ ее на лодкахъ и т. д. Можно себѣ представить, отъ какихъ случайностей зависѣли записи и сколько матеріала должно было ускользнуть отъ вниманія членовъ экспедиціи, летѣвшихъ по глухимъ трактамъ со скоростью курьерскаго поѣзда!

Ничего подобнаго не было у Славянскаго. И у себя въ деревнѣ въ тверской губерніи, и странствуя по различнымъ краямъ Россіи, онъ имѣлъ полную возможность спокойно знакомиться съ тѣмъ матеріаломъ, который собиралъ и который ему предоставлялся. Онъ былъ дѣйствительно опытный собиратель и

въ его записяхъ встрѣчаются любопытные матеріалы. Онъ первый—и давно уже—обратилъ вниманіе на „сказителей“ быливъ, между прочимъ на Рябинина и Ирину Федосову, которыхъ Географическое общество разыскало черезъ Т. Филиппова и, кажется, г. Виноградова и представило Петербургу по крайней мѣрѣ черезъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ записи быливъ, пѣсень и „воплей“ были сдѣланы съ ихъ голоса Славянскимъ и его женою, и послѣ того, какъ эти Рябининъ и Федосова выступали въ концертахъ Славянскаго.

Славянскій первый сталъ исполнять старыя былины, и въ его же сборникахъ онѣ появились впервые. Напримѣръ, былины о Чурилѣ Пленковичѣ, о Добрыиѣ Никитичѣ, объ Ильѣ Муромцѣ, о Вольгѣ и др. былины исполнены Славянскимъ раньше, чѣмъ онѣ появились гдѣ-либо въ печати. Въ его сборникѣ есть также былины XVI, XVII столѣтія, а можетъ-быть, и болѣе раннихъ вѣковъ,—не только былина о князѣ Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ или о Кострюкѣ Кострюковичѣ, но даже былина о Ледовомъ побоищѣ, т. е. о побѣдѣ Александра Невскаго надъ Шведами на Чудскомъ озерѣ въ апрѣлѣ 1242 года. Весь собранный имъ былинный матеріалъ, конечно, не разобранный съ научной стороны; можетъ-быть, въ немъ найдутся какія-либо погрѣшности и искаженія, сдѣланныя въ рядахъ новѣйшей гармоніи. Но развѣ сколько-нибудь научно изслѣдованы былины, которыя мы видимъ въ любомъ другомъ сборникѣ русской пѣсни? Славянскій могъ ошибаться въ частностяхъ своихъ записей, но его опытъ позволялъ ему разбираться въ матеріалѣ, имѣвшемся у него подъ руками. Занятый постоянно практической дѣятельностью, приготавливая репертуаръ для путешествій своего хора, онъ не имѣлъ времени разбираться въ своемъ матеріалѣ съ теоретической стороны. Въ напечатанныхъ его сборникахъ, пѣсни у него даже не распределены по видамъ и рубрикамъ, а черемѣшаны—свадебныя съ бытовыми, игровыя съ заплачками и т. д. Очевидно, самое изданіе его сборниковъ дѣлалось случайно, по мѣрѣ изготовленія репертуара его капеллы или на основаніи успѣховъ въ концертахъ тѣхъ или иныхъ нумеровъ изъ этого репертуара. Я повторю, что огромная часть его записей осталась неизданной, но и изданнаго матеріала достаточно, чтобы видѣть, какъ разнообразенъ былъ его трудъ по собиранію народныхъ напѣвовъ. У Славянскаго въ репертуарѣ были пѣсни фабричнаго склада, въ родѣ „Ахъ, ты тпруська, бычекъ“, или чего-либо подобнаго, но въдѣ и фабричныя пѣсни тылошь и рядомъ имѣютъ значеніе, особенно фабричныя пѣсни московскаго, костремскаго и владимѣрскаго районовъ. Нельзя исключить изъ сборника народныхъ пѣсень такія, напримѣръ, характерныя фабричныя пѣсни, какъ „Подъ яблонькою зеленою“ и т. п. Такія пѣсни будутъ всегда привѣтствуемы тѣми, кто понимаетъ складъ русскаго человѣка. А затѣмъ, конечно, Славянскому приходилось вставлять въ репертуаръ своихъ концертовъ нумера для массы. Вѣдь его дѣло требовало денежныхъ затратъ и онъ не могъ ждать ни откуда помощи, если бы нужда стѣснила его.

Необходимость обращаться къ публикѣ объясняетъ также и костюмы, въ которые Славянскій одѣлъ свой хоръ. Надо было дѣйствовать не только на слухъ, но также и на глазъ зрителей, особенно иностранныхъ. Такія невинныя ухищренія извинительны, и нападки блюстителей русскаго достоинства въ этомъ отношеніи не имѣютъ никакой цѣны.

Давно слѣдовало дать пенсіонъ Славянскому: онъ заслужилъ его тѣмъ, что широко разнесъ по всему свѣту нашу пѣсню, вездѣ заставилъ слушать ее съ живымъ интересомъ, сдѣлавши это тогда, когда подобная пропаганда была трудна во всѣхъ отношеніяхъ—въ матеріальномъ и политическомъ. Трудно и теперь устраивать концерты внѣ предѣловъ родины даже отдѣльнымъ лицамъ, не

только цѣлой капеллѣ. Мы знаемъ, сколько отсыпано было денегъ на затѣянные г. Дагилевымъ парижскіе концерты и на „Бориса Годунова“ съ г. Шаляпинымъ. На плодотворную пропаганду Славянскаго ни казна, ни русскіе меценаты въ теченіе 50 лѣтъ не истратили ни гроша. Ни въ чемъ Славянскій теперь болѣе не нуждается: онъ спитъ въ чужой землѣ.

(Н. Вр.—М. Ивановъ).

II.

Какою любовью и уваженіемъ пользовался нашъ русскій пѣвецъ среди славянъ, свидѣтельствуютъ многочисленные толпы народа, собравшіяся при отправленіи его тѣла изъ Рущука и при встрѣчѣ въ первомъ русскомъ городѣ, а равно надгробныя рѣчи, произнесенныя въ обоихъ случаяхъ.

Приводимъ надгробное слово г. Михайлова-Стояна, сказанное въ Рущукѣ отъ имени болгаръ.

„Поклонъ до земли тебѣ, пѣвецъ земли Русской, Дмитрій Александровичъ!

„По волѣ судьбы тебѣ, славянскому Баяну, довелось найти свою кончину не на родинѣ, а на чужбинѣ. Къ счастью, эта чужбина оказалась не чужой тебѣ, эта чужбина оказалась славянской стравой, той славянской стравой, гдѣ сотни тысячъ твоихъ братьевъ, русскихъ воиновъ, проливали свою кровь во имя свободы славянства. Ты былъ счастливѣе ихъ, ты умеръ здѣсь не въ кровавомъ бою, ты умеръ спокойно и почти безболѣзненно. Но ты умеръ тоже на своемъ боевомъ посту. Хотя твой боевой постъ былъ безкровный, хотя твои орудія борьбы были не мечи и пушки, но цѣли ваши, но задачи ваши были однѣ и тѣ же: ты и они работали ради пробужденія и освобожденія славянства, ради подъема славянскаго націонализма, попираемаго дерзкими иноплеменниками. Твои братья, русскіе воины, ради этой цѣли работали со временъ великаго Петра болѣе 200 лѣтъ. Ты творилъ свою мирную борьбу, ты шелъ своимъ боевымъ путемъ къ той же цѣли всего 50 лѣтъ, но для одной личности и этотъ періодъ громаденъ. Однако періодъ этотъ окажется еще болѣе громаднымъ, если принять во вниманіе всѣ безчисленныя большія и мелкія досадливыя затрудненія, какія встрѣчались на пути твоёмъ, глубокоуважаемый Дмитрій Александровичъ!

„Но ты, какъ истый русскій человекъ, долготерпѣливо сносишь всѣ невзгоды и неуклонно шелъ впередъ къ одной и той же цѣли—национальному единенію славянъ. Честь и слава и вѣчная память тебѣ, великій русскій пѣвецъ за твой непомерно долгій и непомерно тяжелый трудъ. При другихъ обстоятельствахъ ты смѣло могъ бы дожить до 100-лѣтняго возраста, но ты исполнилъ свое неустаннымъ трудомъ и борзымъ ходомъ по неожиданнымъ и досаднымъ ударамъ и рытвинамъ. Еще большая честь тебѣ, всеславный Баянъ, за то, что ты не выйдя изъ славянъ пошелъ защищать свою идею—пошелъ биться съ врагами славянства не мечемъ, а пѣсней. Ты предугадалъ, что твое оружіе окажется не менѣе острымъ и внушительнымъ для враговъ, не менѣе надежнымъ и благодарнымъ для друзей. И ты неустайно несъ свое оружіе ко всѣмъ славянскимъ народамъ, оруженнымъ враждебными иноплеменниками, и пѣсней твердилъ имъ: „Держайте братья-славяне! Близокъ день торжества славянскаго Бога. Близокъ день объединенія славянства! Держайте напоминая всѣмъ, что вы—члены одной

великой славянской семьи, какъ я напоминаю это вамъ моими концертами, моими всеславянскими пѣснями, и Богъ славянства придетъ, и Солнце славянства взойдетъ... Дерзайте! Дерзайте!

„Пятьдесятъ лѣтъ твердилъ это ты, проповѣдникъ славянской пѣсни, и съ этими словами на устахъ умеръ на чужбинѣ, не успѣвъ до осуществленія своей завѣтной цѣли, ибо великія цѣли достигаются медленно. Однако, мы, собравшіеся у твоего гроба, надѣемся, что ты, достойный сынъ великой Россіи, былъ хоть немного утѣшенъ мерцающей зарей нашего всеславянскаго возрожденія. И это не могло не утѣшить тебя, славянской Баянъ! Мы же, болгаре, оплакивая твою преждевременную кончину, утѣшаемся тѣмъ, что судьба привела тебя оковчить свои дни здѣсь, у насъ, въ Болгаріи, какъ бы для того, чтобы тѣмъ еще опредѣленнѣе подчеркнуть твою идейную работу на пользу славянства вообще и въ частности на пользу нашей славянской родины, гдѣ кости русскихъ воиновъ, убитыхъ за нашу свободу, стали нашей національной святыней, связывающей насъ съ великимъ русскимъ народомъ нерасторжимыми узами братства. Пусть же будетъ тебѣ, пѣвецъ славянскаго объединенія, родная земля легка!

„Да ти е лека родната земля!“

(Р. З.)

III.

Революція отвлекла общественно-народное вниманіе отъ пѣсни. Экономическіе и политическіе вопросы заняли первое мѣсто.

Славянской, какъ человѣкъ умный, отлично это понималъ, но сдаваться не хотѣлъ; уйдя изъ большихъ городовъ, онъ началъ странствовать по фабричнымъ и заводскимъ центрамъ, всугубая съ помощью все той же, вѣчно юной русской пѣсни въ политическую борьбу съ агитаторами. Бывали неоднократно случаи, когда рядомъ съ концертомъ капеллы Славянскаго въ соесѣдней залѣ шелъ митингъ, устроенный представителями лѣвыхъ организацій. Конечно, митингъ представлялъ для массы больше интереса, чѣмъ концертъ, и залъ Славянскаго пустовалъ. Другой хормейстеръ при такихъ условіяхъ сложилъ бы оружіе, но Агреньевъ не терялся; онъ выводилъ свой хоръ на площадь и продолжалъ концертъ на воздухѣ. Мало по малу кучка любопытныхъ росла, на митингъ распространялась вѣсть о томъ, что хоръ поетъ на площади, любопытные массами сбѣгались слушать капеллу, революціонные ораторы говорили уже передъ пустой залой, а тамъ, подъ открытымъ небомъ, тысячная толпа, подкупленная прелестью народныхъ мотивовъ, заставившихъ дрожать въ ея сердцѣ національныя струны, исполняла подъ управленіемъ энергичнаго старика народный гимнъ. Такіе факты, конечно, замалчивались въ то время лѣвыми газетами, но это нисколько не умаляетъ ихъ значенія. Эти заслуги не были вмѣнены Агреньеву. Онъ ихъ забыли, какъ только освободительное движеніе стихло, и снова бѣдный стари ѣ долженъ былъ пуститься въ путешествіе. Даже смерть застигла его вѣдъ родины, въ далекой Болгаріи.

Другая крупнѣйшая заслуга Славянскаго заключалась еще въ томъ, что онъ пропагандировалъ русскую національную пѣсню за границей, чего не дѣлалъ другіе наши артисты. Путешествуя цѣлыми годами вдали отъ родины, Славянской продолжалъ работать и издавать свои сборники народныхъ пѣсенъ, давно

оцѣненные по заслугамъ спеціалистами. И думается, что теперь, со смертію Славянскаго, дѣло развитія народной пѣсни не должно останавливаться. Что наше народное творчество изсякло, что даръ этотъ прекратился, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, потому что ни на одно событіе послѣднихъ лѣтъ народъ не отзывался пѣсней. Народъ пересталъ пѣть, и благородная русская мелодія смѣнилась пошлой фабричной „частушкой“, лишенной всякаго музыкальнаго смысла и циничной по содержанію. Конечно, народныя пѣсни теперь уже не пропадутъ; они записаны, гармонизованы и не разъ служили темами для нашихъ композиторовъ, но этого мало. Необходимо ихъ вернуть вновь массѣ, необходимо, чтобы онѣ опять были восприняты народной душою и вновь стали выразительницами ея чувствъ и думъ.

И теперь, когда съ переходомъ Россіи на новый покойный путь, опять возникаютъ мысли о національной школѣ, о національныхъ идеалахъ, о національныхъ стремленіяхъ, теперь нашей народной пѣснѣ должно быть отведено соотвѣтствующее ей мѣсто. Эта забота должна пасть на музыкальнѣя общества, которыя въ этомъ отношеніи до сихъ поръ ничего не сдѣлали, въ пріятномъ убѣжденіи, что музыка существуетъ только для интеллигенціи. Вотъ почему вся дѣятельность Агренева-Славянскаго была для этихъ обществъ совершенно непонятна, вотъ почему они смотрѣли на нее такъ, какъ смотреть на безчисленныя бродячія капеллы, хотя и одѣтыя въ національные костюмы, но ничего общаго съ національной музыкой не имѣющія.

Славянскій ѣздилъ по всему міру не ради наживы, не ради рекламы, а для того, чтобы весь міръ узналъ, что русскій народъ обладаетъ безчисленными музыкальными сокровищами и что эти сокровища являются залогомъ громаднаго историческаго значенія Россіи, потому что „только великому народу и можетъ быть дана великая пѣсня“. (Г. Пр.—Пиратъ).

Иванъ Палычъ.

Маленькіе петербуржцы лишились вѣрнаго друга. Умеръ Иванъ Павловичъ Коровинъ.

„Лейбъ-педиатръ“—такое было его придворное и докторское званіе. Но знали и звали его всѣ иначе. „Иванъ Палычъ“—это было короче и понятнѣе. Вѣдь и у Петербурга, несмотря на его заслуженный, катаральный видъ, имѣются свои любимцы. Однимъ изъ нихъ былъ покойный Коровинъ. Оно и понятно.

„Иванъ Палычъ“ былъ довѣреннымъ, „своимъ“ лицомъ у Петербурга. Вѣру въ него не только какъ въ доктора, но и какъ въ человѣка, можно сравнить только съ популяренностью покойнаго Н. И. Быстрова. Оба лѣчили не только дѣтей, но и родителей. Случалось и такъ, что съ послѣдними приходилось возиться куда дольше, чѣмъ съ первыми. Любой педиатръ расскажетъ вамъ, какъ осложняется лѣченіе дѣтей вмѣшательствомъ родителей. Разумѣется, съ этимъ явленіемъ приходится мириться, но не всякое терпѣніе выдерживаетъ. Я знаю родителей, у которыхъ знакомые доктора на отрѣзъ отказываются лѣчить, пре-

доставляя это удовольствіе своимъ малоопытнымъ коллегамъ. Всѣ рецепты подвергаются тщательному анализу, причемъ названіе каждой изъ входящихъ частей отыскивается въ медицинскомъ календарѣ и подвергается пытливой критикѣ; каждое лѣкарство пробуются на вкусъ и, буде неприятно, немедленно выбрасывается—да не огорчить микстура сія Володю или Катю; докторъ экзаменуется бабушкой, потомъ тетушкой и наконецъ матерью насчетъ его семейнаго положенія, отношенія къ дѣтямъ, количества практики и т. д.; наконецъ, за всѣмъ этимъ слѣдуютъ безпрестанныя ночныя тревоги по поводу всякаго новаго пятнышка, по поводу каждаго лишняго чиханія и обѣдая медицина громогласно поносится всѣмъ домашнимъ синклитомъ. Вотъ въ такихъ случаяхъ былъ хорошъ, трогательно-уступчивъ, мученически-невозмутимъ „Иванъ Палычъ!“ По собственному признанію, онъ начиналъ лѣченіе обыкновенно съ родителей. Разъ у больного ребенка есть нервная мать, или бабушка, или тетушка,—а то еще хуже придирчивый, навязчивый папаша—Коровинъ принимался за нихъ, успокаивалъ, урезонивалъ и такимъ образомъ очищалъ себѣ поле для предстоящаго лѣченія ребенка. И какъ умѣлъ онъ это сдѣлать, какъ психологически вѣрно угадывалъ семейную обстановку каждаго маленькаго паціента, какъ искусно „убивалъ нервъ“ расхолодившейся бабушки и незамѣтно устранялъ навязчивое вмѣшательство недоувѣрливаго родителя. Въ памяти моей сохранилась такая сцена.

Ночь. Въ квартирѣ всѣ спятъ. По коридору, прикрывая пламя свѣчи рукой, крадется какая-то фигура въ бѣломъ. Вотъ она на минуту остановилась и прислушалась. Тишина. Фигура идетъ дальше, опять останавливается и слушаетъ у двери дѣтской. Что это? Кто-то бредитъ во снѣ и стонетъ... Нянька или... Коля? Дверь открыта и бѣлая фигура, въ которой не трудно признать встревоженную бабушку, переступаетъ порогъ дѣтской. Нянька разбужена, допрошена, упрекнута въ нерадѣніи—и обѣ женщины склоняются надъ кроваткой. Коля разметался, дышитъ часто и коротко и на лицѣ у него два красныхъ пятнышка.

— Корь!—въ ужасѣ кричитъ бабушка.

— Корь, корь!—несется по всей квартирѣ, изъ комнаты въ комнату, и всѣ спящіе бодрствуютъ, и всѣ уже на ногахъ и собраны вокругъ кроватки Коли. Онъ тоже проснулся и жмурится отъ свѣта.

— Сейчасъ же надо позвонить Иванъ Палычу,—кричитъ мать, бросаясь къ телефону.—Или нѣтъ... лучше ты, Мари, поѣзжай за нимъ.

Мари, ея сестра, старая дѣва, пламенная жрица болящаго Коли, уже въ шляпѣ.

— Да полноте вы,—говоритъ отецъ, разглядывая свое перворожденное чадо и сомнительно покачивая головой;—не тревожьте человѣка. Развѣ это корь? это его укусила кто-то...

Жена всплескиваетъ руками, бабушка вскидывается.

— Укусила?—кричитъ старая дама;—не знаю, кто васъ укусила. Я выросила своихъ дочерей и знаю, что такое корь.

— Вы безчувственный человѣкъ!—кидаетъ на ходу тетка Мари.

— Убирайтесь вы, бесплодная смоковница, зовите кого угодно!—посылаетъ ей въ догонку отецъ, запираясь въ кабинетѣ.

Словомъ: скандалъ!

И вотъ, черезъ какой-нибудь часъ, та же тетка Мари влетаетъ въ дѣтскую подобно ангелу мира:

— Иванъ Палычъ пріѣхал!

Въ дверяхъ показывается коренастая, неладно скроенная да крѣпко сшитая

фигура избавителя. Всѣ бросаются къ нему. „Иванъ Палычъ“ не спрашиваетъ, кто боленъ, чѣмъ боленъ и зачѣмъ потревожили его въ такое позднее время, а только обводитъ всю, хорошо знакомую ему компанію добрыми, близорукими, глазами. Кто больше всѣхъ волнуется? Бабушка? Успокойте бабушку. Ей два-три слова о дочеряхъ—и готово. Затѣмъ мать. Ей тоже два слова. Тетка Мари? Ну, эта уже заранѣе восхищена. Отецъ? Ему крѣпкое рукопожатіе и полная солидарность въ томъ, что современная медицина ни къ чорту не годится. Теперь къ больному...

Надъ безмятежно спящимъ Колей склоняется широкое красное лицо, чуть-чуть улыбающееся, въ золотыхъ очкахъ. Онъ слушаетъ, что наперебой говоритъ ему женскій совѣтъ, внимательно разглядываетъ пятнышки и приподнимаетъ Колю... Каждая мать, которой приходилось обращаться къ Коровину, вѣроятно, припомнитъ, съ какимъ страхомъ отдавала она своего ребенка въ эти крѣпкія, жилистые руки, но первое движеніе, первое ласковое прикосновеніе толстыхъ, узловатыхъ пальцевъ уже успокаивало ее. Эти руки пеленали, распеленывали, гладили, поднимали и укладывали такое множество дѣтей, что мастерство ихъ можно было сравнить развѣ только съ руками искуснаго скульптора, разбивающими камни и ласкающими хрупкую статуэтку. „Иванъ Палычъ“ очень доволенъ осмотромъ. У ребенка ничего нѣтъ. Онъ улыбается Колѣ, и Коля улыбается ему. Надъ головами обоихъ покачивается на резинкѣ восковой ангелъ съ прошлогодней елки, и спена эта исторгается изъ чувствительныхъ глазъ тетки Мари неудержимый потокъ слезъ... Да и всѣ вообще—не исключая даже отца—умилены и сконфужены. За что потревожили человѣка? Но „человѣкъ“ просить не беспокоиться, пожимаетъ руки и такъ же неловко и застѣнчиво уходитъ, какъ и пришелъ.

Я сказалъ, что въ лицѣ покойнаго Коровина маленькіе петербуржцы потеряли друга. Но это можно сказать и про взрослыхъ. Всѣ милостивые государи и государыни, которымъ приходилось обращаться къ нему за помощью, вѣроятно, вспомнятъ, какимъ живительнымъ бальзамомъ для нихъ было его обращеніе въ минуты напрасной тревоги или въ страшный часъ, когда призракъ смерти рѣзалъ надъ дѣтскою кроваткой. Врача „малыхъ сихъ“, отдавая имъ свою жизнь и знанія, „Иванъ Палычъ“ болѣлъ горемъ родителей и въ этомъ отношеніи челоуѣколюбіе его было безгранично. Разъ я помню его въ слезахъ, съ трясающейся нижней челюстью, выходящимъ изъ комнаты, гдѣ умиралъ ребенокъ. Все было поздно. Слишкомъ поздно перевезти больного съ дачи въ городъ, слишкомъ поздно позвали доктора. Медицина была бессильна бороться со смертію. Крупныя слезы текли по лицу доктора и застилали очки. Онъ шелъ, пошатываясь и тяжело ступая. И другой челоуѣкъ, незнакомый ему, чужой, отецъ умирающаго, подошелъ, пожалъ руку и вдругъ повалился на него и зацѣпалъ. Людское горе спаяло этихъ людей въ одномъ ужасномъ, беспомощномъ единеніи.

Смерть унесла добраго „Ивана Палыча“. Пусть же свѣтлая душа его отдыхаетъ отъ картинъ людской юдоли, цѣлителемъ которой былъ онъ, другъ ребятъ и взрослыхъ.

(Н. Вр.—Юр. Бѣляевъ.)

Заколоченная церковь.

Мы удивительный народъ; удивительный по неподражаемому умѣнію обезличить себя всюду, куда бы мы ни появились, удивительный по умѣнію заставить

иноплеменника относиться къ намъ съ чувствомъ превосходства и снисходительности.

Я въ Эмсѣ, въ одномъ изъ чудныхъ уголковъ Германіи, куда стекаются иностранцы со всѣхъ сторонъ для отдыха и укрѣпленія нервовъ, разстроенныхъ сутолокой общественной жизни. Предо мною зеленя, лѣсомъ покрытыя горы, сѣрой дымкой дрожащаго и тающаго тумана, между ними уходящая, очаровательная даль! Жизнь бьетъ ключомъ. Сегодня воскресенье. Слышу благовѣсть намъ чуждыхъ по религіи храмовъ, вижу и старыхъ и малыхъ, съ молитвенниками идущихъ послушать слово Господне и уйти отъ житейскихъ будней.

Въѣзжая въ городъ и осматривая его, я видѣлъ у подножія одной изъ горъ Malberg'a русскій, нашъ, православный храмъ. Я тороплюсь къ обѣднѣ—нѣтъ высшаго наслажденія, какъ на чужбинѣ услышать литургію и молитвы на своемъ, славянскомъ языкѣ, прислушаться къ пѣнію православнаго хора! Я подхожу. Тихо, темно, уныло. Закрыты двери православнаго храма, молчать его колокола, не видно прихожанъ. Проходить мимо него вереница нарядныхъ, спокойныхъ людей, дальше и дальше, туда, гдѣ слышенъ звонъ другихъ церквей, намъ чуждыхъ, звонъ побѣдный, зовущій, поднимающій душу отъ земной юдоли. Стою одинъ предъ закрытою наглухо главною дверью, гдѣ помѣщена рука съ указательнымъ пальцемъ и поднесью только по-нѣмецки: „Eingang“ — входъ за угломъ. Тяжело, безконечно тяжело отъ этого заустѣнія, отъ этого невниманія русскаго человѣка къ своему храму вдали, на чужбинѣ!

Что за причина? Въ чемъ она?

Она въ томъ, что, выстроивъ храмъ, у насъ нашли излишнимъ озаботиться присутствіемъ на мѣстѣ его нахождения священника и причта.

И вотъ лѣтомъ наѣзжаетъ въ Эмсъ православный людъ, наѣзжаетъ въ большомъ числѣ. Раздается повсюду русская рѣчь, есть церковь, а прослушать службы нашей въ храмѣ русскіе не могутъ.

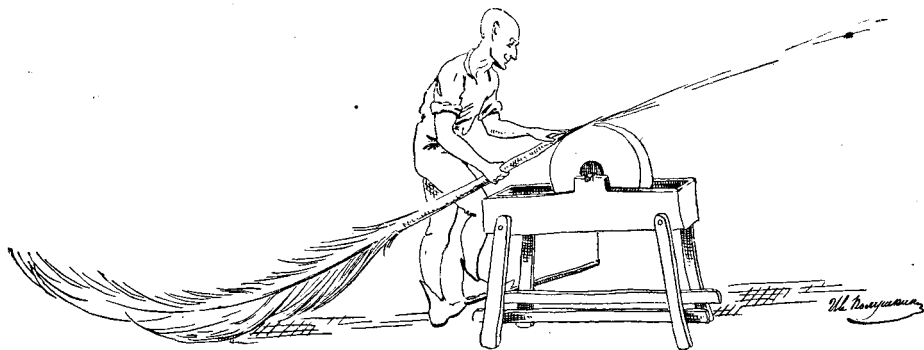
Въ Баденъ-Баденѣ, говорятъ мнѣ, служба Господня совершается аккуратно, тамъ живетъ священникъ и служитъ постоянно, здѣсь же онъ появляется наѣздомъ: проживающимъ въ Эмсѣ русскимъ предлагается подписной листъ для сбора пожертвованій на проѣздъ изъ Баденъ-Бадена и обратно священника и хора пѣвчихъ и, при благоприятномъ сборѣ ихъ, въ будній день, кое-когда, открываются заколоченныя двери нашего Эмскаго храма, и въ немъ служатъ.

Прилично ли такое отношеніе къ православію на чужбинѣ?

Тамъ, гдѣ есть русскій храмъ, онъ не долженъ быть реликвией. Слово Господне должно вестись изъ стѣнъ его безостановочно въ тѣ часы, когда у насъ на Руси совершается церковная служба. Не отъ щедротъ пріѣзжающихъ долженъ зависѣть священникъ и хоръ русскаго храма, ибо лучше знать, что церковная служба наша совершается въ меньшемъ числѣ городовъ Европы, но тамъ, гдѣ она совершается—совершается безостановочно и съ должнымъ благолѣпіемъ.

Во всемъ, вездѣ и всюду мы даемъ поводъ относиться къ себѣ безъ уваженія, но здѣсь вопросъ касается не личности, не національности, а религіи, а разъ это такъ, то мы, справедливо утверждающе, что наша вѣра и ея обряды выше тѣхъ, которые не съ нами, мы должны умѣть охранять достоинство своего храма за рубежомъ родной земли, показать иноплеменникамъ, что дорожимъ его благолѣпіемъ и независимостью духовною служителя Бога по обрядамъ Православной Церкви.

(Колоколь.—В. Пуршкевичъ.)



ИСКРЫ.

„Юморъ—это бальзамъ, приклады-
ваемый великодушнымъ человѣкомъ
къ язвамъ сердца“.

Т. Карлейль.

„И при смѣхѣ иногда болитъ сердце“.
(Изъ притчей Соломона).

Двоеженецъ

(Б ы л ь).

I.

— Варвара Павловна, Варвара Павловна!

Онъ окликнулъ ее, она услышала, оглянулась, узнала его, видимо обрадо-
валась и остановила своего извозчика.

Онъ соскочилъ съ дрожекъ и подбѣжалъ къ той, которую назвалъ Вар-
варой Павловной.

— Здравствуйте! Давно ли вы въ Москвѣ?

Онъ крѣпко пожалъ ей руку.

— Ахъ, какъ я рада, что встрѣтила васъ! Вы это что же: развѣ здѣсь
живете теперь?

— Нѣтъ, я на нѣсколько дней изъ Петербурга... Но что съ вами: вы
чѣмъ-то разстроены?

— Со мной просто несчастье, Василій Ивановичъ!

— Что такое?—тревожно спросилъ онъ.

— Я забыла дома паспортъ. Собралась ѣхать быстро и забыла. А теперь
просто бѣда: въ гостиницѣ не хотятъ держать.

— Вы надолго?

— Всего дней на шесть.

— Гдѣ остановились?

— Въ Петербургской.

— Я васъ спасу!

— Да что вы! Какимъ образомъ?—обрадовалась она. — Вы знакомы съ управляющимъ?

— Не имѣю чести знать, да и не надо. Вы оставите немедленно вашу гостиницу и переѣдите въ Лоскутную.

— Какъ въ Лоскутную? Зачѣмъ?

— Потому что въ ней живу я.

— Понимаю.

— Нѣтъ, вы ничего не онымаете,—засмѣялся онъ.—Вы думаете, почему я хочу васъ перевезти въ Лоскутную?

— Тамъ васъ знаютъ и...

— Совсѣмъ меня не знаютъ, такъ какъ я въ первый разъ останавливаюсь въ ней.

— Но тогда, что же... зачѣмъ мнѣ переѣзжать?

— Затѣмъ, что гдѣ мужъ, тамъ должна быть и жена.

— Гдѣ мужъ, тамъ и жена? Вы съ женой? Но я ея не знаю.

— Позвольте, какъ не знаете? Вотъ это мило. Она—моя жена и она не знаетъ!

— Кто жена? Что вы такое говорите?—изумилась Варвара Павловна.

„Да онъ пьянъ, что ли“, подумала она.

— Вы моя жена!—произнесъ онъ и громко расхохотался.

— Что за шутки! Я серьезно, а вы...

Онъ сразу умолкъ.

— Простите, но не сердитесь,—промолвилъ онъ, беря ее за руку;—я вовсе не шучу. Я женатъ, но я безъ жены... понимаете?

— Ну?

— Слѣдовательно, на нѣсколько дней я васъ могу прописать, какъ жену.

Она размѣялась неволью.

— Вотъ выдумали!

— А что же? Прекрасный планъ!

— А гдѣ ваша жена?

— Она въ имѣнии, по Смоленской дорогѣ... я тоже поѣду туда.

— А вы никогда не останавливались съ ней въ Лоскутной?

— Ни разу.

Она покачала головой и задумалась.

— Ну, что же?—произнесъ онъ.

— Право, не знаю, странно какъ-то...

— Ничего особеннаго... Даже преселая штука. Вамъ не обидно; у меня приличная фюзіономія, чинъ не большой, но все-таки—надворный совѣтникъ. Да и наконецъ,—замѣтилъ онъ серьезно:—вѣдь исхода нѣтъ.

— Это вѣрно. Я отправилась было къ Долинскимъ, хотѣла у нихъ, а они на кумысѣ.

— Вотъ видите! Стало-быть, такъ: предлагаю руку и сердце; угодно?—перешель онъ снова на шуточный тонъ.

Она засмѣялась.

— Приходится соглашаться. Да! Но есть ли свободные номера?

— Ну, конечно, какъ не быть.

— Тогда хорошо!

— Отлично! Поѣжайте въ Петербургскую, забирайте вещи и милости просимъ. А я поѣду и распоряжусь насчетъ номера. Вамъ все равно, какой?

— Не особенно дорогой и поближе къ вамъ... знаете...

— Ну, еще бы. Мужъ и жена и на пятиверстномъ разстояніи! Конечно, ближе. Если можно, я рядомъ. До свиданія, моя дорогая женушка.

Онъ наклонился и поцѣловаль у ней руку.

— Я, думаю, имѣю право?

Они оба размѣялись.

Василій Ивановичъ, ѣхавшій позавтракать въ Эрмитажъ, вернулся въ Лоскутную.

— Пожалуйста, приготовьте мнѣ номеръ, если можно, рядомъ съ монмъ, а то поблизости, сейчасъ будетъ жена,—сказаль онъ въ конторѣ.

Ему объявили, что нѣтъ ни одного свободнаго номера.

— Во всемъ этажѣ?

— Не только въ этажѣ, а во всей гостинницѣ; за исключеніемъ одного номера въ бель-этажѣ—все занято.

— А сколько стоитъ этотъ номеръ?

— Пятнадцать рублей въ сутки. Тамъ нѣсколько комнатъ, почти цѣлая квартира. Не пожалѣйте для супруги, будетъ удобно,—шутливо замѣтилъ управляющій конторой.

Василій Ивановичъ засмѣялся.

— Да, моей супругѣ будетъ очень удобно,—промолвилъ онъ,—но для меня нѣтъ. Мнѣ нужно, чтобы номера были отдѣльные.

Теперь въ свою очередь засмѣялся управляющій, понявъ слова жильца въ иномъ смыслѣ.

— Вы любите свободу,—сказаль онъ.

Василій Ивановичъ находился въ затрудненіи. Какъ быть? Не переѣхать ли въ другую гостинницу? Ему не хотѣлось, потому что Лоскутная очень понравилась и онъ уже далъ себѣ слово останавливаться въ ней всегда. Но какъ же быть?

— Завтра или послѣ завтра, вѣроятно, какой-нибудь номеръ освободится,—замѣтилъ управляющій.—Пока потѣситесь.

„Завтра или послѣ завтра!“

— А какъ же сегодня? Эту ночь! Потѣситесь!

„Если бы они знали“, подумаль Василій Ивановичъ и не могъ удержаться отъ улыбки.

— Нѣтъ, неудобно, нельзя!

„Да что я,—вдругъ догадался онъ:—ночью не дома, вотъ и все! Она останется въ моемъ номерѣ, а я... уѣду и не вернусь до завтра. Ночь у Пеликанова, наконецъ у „короля репортеровъ“ Володи Молодцова. Разумѣется! А то, наконецъ, въ другой гостинницѣ на ночь возьму номеръ. Да, такъ и сдѣлаю.“

— Эврика!—со смѣхомъ воскликнулъ онъ.

Въ эту минуту вошедшій въ контору швейцаръ доложилъ Василю Ивановичу, что пріѣхала какая-то дама и спрашиваетъ его.

— Вѣроятно ваша супруга,—сказаль конторщикъ.

— Да, навѣрное,—отвѣтилъ онъ и побѣжалъ внизъ.—Скоро, однако!—еще съ лѣстницы увидѣль онъ даму, сидѣвшую внизу, у каминна.

— Я торопилась... ну, что?

Они оба видимо, избѣгали мѣстоимѣній.

— Гдѣ же вещи?

— На извозчикѣ. У меня всего одинъ чемоданчикъ.

— Такъ пусть его внесутъ въ номеръ. Василій Павловичъ, велите пожалуйста внести въ сто второй номеръ... тамъ внизу чемоданъ,—обратился Василій Ивановичъ къ главному швейцару.

— Сейчасъ,—отвѣтилъ тотъ и кликнулъ полотера.—Въ вашъ номеръ прикажите?

— Да, да!

— Какъ въ вашъ?—удивилась Варвара Павловна.—Но...

— Идемъ, объясню все,—произнесъ вѣско Василій Ивановичъ, подымаясь первымъ.

Варвара Павловна пожалала плечами, посмотрѣла пристально на говорившаго и въ какой-то нерѣшительности послѣдовала за нимъ.

Василій Ивановичъ быстро бѣжалъ наверхъ, чтобы посмотрѣть, убрали ли номеръ такъ, что можно принять „жену“.

Онъ встрѣтилъ въ началѣ коридора горничную.

— Капитолина, убрали вы мой номеръ?—спросилъ онъ ее, принимая отъ нея ключъ.

— Убрала-сь.

Василій Ивановичъ торопливыми шагами дошелъ до номера, отперъ и осмотрѣлъ его.

Все прибрано. Даже на письменномъ столѣ порядокъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты и встрѣтилъ Варвару Павловну почти у самыхъ дверей.

— Милости прошу!—произнесъ онъ съ улыбкой.

— Послушайте...—начала было та.

— Сейчасъ, сейчасъ,—перебилъ Василій Ивановичъ.—Ставьте сюда,—отнесся онъ къ полотеру, вошедшему съ чемоданомъ, и указалъ на мѣсто возлѣ умывальника.

Онъ далъ носильщицку на чай, затворилъ за нимъ дверь и промолвилъ:

— А теперь я вамъ все объясню. Да что же вы стоите и не раздѣваетесь?

— Я хочу знать, Василій Ивановичъ...

— Видите, нѣтъ ни одного свободнаго номера.

— Тогда зачѣмъ же вносили вещи?—возразила Варвара Павловна.—Я спрашивала васъ, вы сказали...

— Я не могъ и думать, что не найдется даже одного номера... Да о чемъ вы беспокоитесь? Вѣдь номеръ хорошій и вамъ здѣсь будетъ удобно?

— Но позвольте...

— Обо мнѣ не заботьтесь, я найду, гдѣ пробыть это время.

— То-есть какъ же?

— Очень просто... вы оставайтесь здѣсь, а я день-другой пробуду у знакомаго. Да, еще, можетъ-быть, къ завтрашнему дню и освободится номеръ.

— Но это же для васъ...

— Еще разъ прошу: не беспокойтесь обо мнѣ... Я и такъ летаю весь день по дѣламъ...

— Однако,—улыбнулась она и покачала головою.

— Ничего особеннаго... Раздѣвайтесь и будьте какъ дома. Я сейчасъ исчезну и не буду мѣшать вамъ.

— Но вы не мѣшаете пока,—сказала она, снимая шляпку.—Знаете, если вы не спѣшите по дѣлу, то...

— Вы хотите закутить?

— Да, и напиться чаю.

— И хотите...

— И хочу угостить моего мужа,—смѣясь уже закончила она, оправляя передь зеркаломъ прическу.

— Вене!—воскликнулъ онъ:—я даже ѣхалъ въ Эрмитажъ съ этой цѣлью.

— Въ Эрмитажъ? А здѣсь развѣ плохо кормятъ?

— Не скажу, но одному скучно. А тамъ много народу, знакомые... Но теперь съ вами, съ моей дорогой супругою, я съ большимъ удовольствіемъ. Однако, все-таки я вамъ помѣшаю... съ дороги, на счетъ туалета... Я позову дѣвушку...

— Не надо, не надо! Я уже переодѣлась и умылась въ Петербургской... Ахъ, Василій Ивановичъ, если бы мужа были такъ предупредительны, какъ вы теперь со мной...

— А развѣ вы не довольны вашимъ мужемъ?—спросилъ онъ.

— Которымъ?—засмѣялась она.

— Ну, конечно, *тѣмъ*,—тоже смѣясь, отвѣтилъ онъ.

— Да, признаюсь, онъ не изъ галантныхъ. Онъ очень любитъ меня, добрый, заботливый... но по части кавалерства...

— Мнѣ уступить?

— О, да, я думаю! Впрочемъ, я не знаю, такой ли вы съ вашей женой... съ *той*,—добавила она, подчеркивая.

— О, я ей даже надоѣлъ любезностями... Она ужъ меня слишкомъ положительная... рыцарству особенной цѣны не придаетъ... Однако, мудрая пословица говоритъ: „словья баснями не кормятъ“... Надо распорядиться насчетъ завтрака.

Онъ позвонилъ.

II.

На кремлевскихъ часахъ пробило двѣнадцать.

Въ это время у подъѣзда Лоскутной остановилась извозчицья коляска въ одну лошадь.

Изъ коляски вышла полная, средняго роста блондинка, лѣтъ двадцати семи и прошла въ подъѣздъ.

— Въ которомъ номерѣ стоятъ Василій Ивановичъ Поморцевъ?—обратилась она къ швейцару, снявшему фуражку съ галунами.

— Въ сто второмъ.

— Это высоко?—промолвила она.

— Въ самомъ верху-съ. Но только ихъ теперь нѣтъ дома-съ... Какихъ-нибудь минутъ десять ушли.

— Итъ дома?

Дама остановилась на первой ступенькѣ лѣстницы.

— А ключъ онъ взялъ съ собой?

— Никакъ итъ-съ. Въ номерѣ остались ихъ супруга-съ.

— Что-о?—какъ-то неестественно громко промолвила дама, точно ей сообщили какое-то ужасное или невѣроятное извѣстіе. Кровь бросилась ей въ лицо.

— Супруга ихъ дома-съ,—повторилъ швейцарь.

— Жена? Это не можетъ быть! Что вы говорите!—произнесла дама въ сильномъ волненіи.—Эго не можетъ быть!—повторила она.—Вы пугаете!

— Помилуйте-съ. Развѣ мы не знаемъ!

— Но онъ одинъ... и...

— Да-съ, они сначала были одни, а вчера и супруга ихъ прѣехала,—докладывалъ швейцарь, уже съ внутренней усмѣшкой посмотрѣвши на барыню.

„А, что?—думалъ онъ:—попалась, прѣехала и вдругъ—жена!“

Дама молчала, но по лицу ея было замѣтно, что внутри ея происходила какая-то борьба...

Но вотъ она что-то сообразила, на что-то рѣшилась и спѣшно стала подниматься по лѣстницѣ. Она встрѣтила на площадкѣ лакея и попросила его указать ей сто второй номеръ.

— Въ самомъ верху, какъ подымитесь — направо, свѣтлый коридоръ, самый послѣдній номеръ въ концѣ коридора.

— Благодарю васъ,—кинула она головой и торопливой походкой направилась по указанному направленію.

Ея глаза блестѣли, а на лицѣ выступили красныя пятна.

Вотъ и сто второй номеръ. На дверяхъ визитная карточка: „Василій Ивановичъ Подорцевъ“.

Дама прислушалась—въ номерѣ было совсѣмъ тихо.

Она уже хотѣла постучать, но мгновенно передумала и нажала на ручку. Дверь подалась и отворилась.

Варвара Павловна, сидѣвшая у стола и писавшая что-то, поднялась съ мѣста. Ее поразило появленіе дамы, вошедшей не постучавшись, и она молча смотрѣла на безцеремонную незнакомку.

Эта въ свою очередь осмотрѣла ее съ ногъ до головы. Красныя пятна на лицѣ сдѣлались еще ярче, злой огонекъ вспыхнулъ въ карихъ глазахъ. Казалось, еще минута и она бросится на Варвару Павловну и задушитъ ее. Прочитала ли Варвара Павловна выраженіе въ глазахъ вошедшей блондинки, или просто случайно, но она отступила назадъ и произнесла не то нерѣшительно, не то испуганно:

— Что вамъ угодно?

Но глаза незнакомки уже измѣнились. Они приняли почти ласковое выраженіе, на губахъ появилась улыбка, и незнакомка тихо, какъ бы въ замѣшательствѣ, промолвила:

— Извините пожалуйста, но я... я, кажется, ошиблась номеромъ. Мнѣ нужно сто второй.

— Это онъ и есть,—отвѣтила Варвара Павловна.

— Да? Значитъ здѣсь... стоитъ Василій Ивановичъ Поморцевъ?

— Да, здѣсь. Это его номеръ.

— Его? Но тогда... простите... но съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Варвара Павловна отвѣтила не сразу.

Если бы она не отвернулась немного въ сторону, она бы замѣтила, какъ снова недавній огонекъ блеснулъ въ глазахъ блондинки и она впиалась взоромъ въ ту, которую спрашивала.

— Я его... жена,—промолвила Варвара Павловна не совсѣмъ твердо.

„Зачѣмъ я это говорю?—мелькнуло у ней въ головѣ.— А что, если она, эта дама, знаетъ его жену?“

Она покраснѣла и чуть было не сказала сейчасъ же всю правду.

— Ахъ, вы—его жена!—воскликнула блондинка съ такой ироніей, что ея нельзя было не замѣтить Варварѣ Павловнѣ, если бы ея собственное смущеніе

не мѣшало ей быть наблюдательной.—Pardon, я не знала, что онъ не одинъ. Я слышала, что его жена гдѣ-то въ деревнѣ.

Барвара Павловна молчала.

— Вы, вѣроятно, недавно вернулись?— продолжала блондинка, глядя пытливо на Варвару Павловну.

— Да.

— Вы были... кажется...

— Я жила въ Смоленской губерніи,—промолвила Варвара Павловна, припомнивъ слова Поморцева.

— Да-а?—протянула незнакомка и нервно сдернула съ лѣвой руки перчатку.— Простите, я не помѣшаю, если подожду здѣсь вашего мужа,—сказала она, едва замѣтно подчеркивая послѣднія слова:—мнѣ необходимо его видѣть, мы съ нимъ давно не встрѣчались, а между тѣмъ я сегодня же уѣзжаю.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣтила Варвара Павловна:—но только я не знаю, когда онъ возвратится... можетъ-быть, вамъ придется ждать очень долго... и къ тому же я скоро уйду.

— Да? А онъ, вашъ мужъ, давно ушелъ?

— Только сейчасъ... жалко, что вы опоздали на нѣсколько минутъ.

— Да, это очень жаль!—сильно подчеркнула блондинка.—Простите,—вдругъ сказала она, поднимая вуаль:—вы давно замужемъ за Василюмъ Ивановичемъ?

И тонкая иронія зазвучала у ней въ голосѣ.

Варвара Павловна совсѣмъ смутилась. Она не спросила Василю Ивановича, когда онъ женился.

Она чувствовала себѣ все хуже и хуже, разыгрывая невольную роль чужой жены. Но теперь уже ступленія не было. Нельзя же было подвести Василю Ивановича передъ знакомой дамой, которая знала, что онъ женатъ, но, къ счастью, не знала въ лицо его жены.

„Какъ же однако отвѣтить? Скажу наугадъ!“ мысленно рѣшила Варвара Павловна.

— Да, ужъ нѣсколько лѣтъ!—промолвила она и, чтобы замаять вопросъ, предложила незнакомкѣ: не хочетъ ли она чаю?

— О, нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣтила та.—Такъ вы говорите, нѣсколько лѣтъ?

— Да...

— А скажите, пожалуйста... pardon, я не знаю вашего имени и отчества?

Это поставило въ новое затрудненіе Варвару Павловну, которая не знала имени жены Василю Ивановича. Но она рѣшила, что имя она скажетъ свое, все равно.

— Варвара Павловна,—отвѣтила она.

— Мерсі, а то я боялась ошибиться: мнѣ почему-то представилось, что Василю Ивановичъ въ своемъ письмѣ называлъ жену свою Марьей Тригорьевной. У меня совсѣмъ нѣтъ памяти,—засмѣялась неестественно блондинка.—Скажите пожалуйста, Варвара Павловна, скоро вы собираетесь домой?

— Право, не знаю, когда... у него дѣла... и очень важныя...

— Ахъ, дѣла... очень важныя...

Она засмѣялась.

— Знаете,—вдругъ сказала она, вставая,—я не буду стѣснять и задерживать васъ. Я лучше оставлю ему карточку... вы будете такъ любезны... передать?

— Пожалуйста!

— Merci!

Блондинка нервно отперла баульчикъ, достала изъ него карточку и подала ее Варварѣ Павловнѣ.

Та мелькомъ взглянула на карточку и вдругъ поблѣднѣла.

На карточкѣ стояло: „Марья Григорьевна Поморцева“.

Блондинка уже не улыбалась. Она впиалась глазами въ Варвару Павловну и въ ея карихъ глазахъ загорѣлся прежній злой огонекъ.

— Послушайте,—дрожащимъ голосомъ начала Варвара Павловна.

— Нѣтъ, позвольте, madame Поморцева,—уже не сдерживая себя перебила блондинка:—какъ вы могли допустить себѣ такую дерзость—назваться женой моего мужа, остановиться съ нимъ въ одномъ номерѣ и прописаться за меня по его виду?

— Выслушайте меня, Бога ради!—воскликнула Варвара Павловна и протянула обѣ руки къ блондинкѣ.

— Прочь!—брезгливо промолвила та:—я не привыкла, чтобы...

— Ради Бога, не оскорбляйте меня!—со слезами въ голосѣ воскликнула Варвара Павловна:—вы ошибаетесь! Я плачусь за свой промахъ. Во имя всего святого выслушайте меня. Да вотъ это всего лучше докажетъ!—воскликнула Варвара Павловна, обрадовавшись, и, схвативъ письмо со стола, протянула его блондинкѣ.

— Что это такое?—сказала та, не принимая письма.

— Это мое письмо къ мужу. Я—Варвара Павловна Оскольская. Вы, навѣрное, слышали обо мнѣ отъ Василія Ивановича?

— Оскольская?—пораженная этимъ извѣстiемъ, медленно проговорила блондинка.—Оскольская? Это вашъ мужъ медицинскимъ инспекторомъ въ Энскѣ?

— Да, да. Вы слышали?—радостно воскликнула Варвара Павловна.

— Еще бы! Но позвольте...

— Выслушайте же меня, прошу васъ. Присядьте.

Блондинка опустила на стулъ.

— Я слушаю,—сказала она, какъ бы все еще не вполне довѣряя Варварѣ Павловнѣ.

— Видите,—начала Варвара Павловна торопливо и волнуясь:—я прiѣхала сюда, забывши паспортъ. Остановилась въ Петербургской, но тамъ меня не согласились держать. Я не знала, что дѣлать, и вдругъ встрѣчаю Василія Ивановича. И вотъ онъ предложилъ прописать меня по своему виду. Онъ говорилъ о васъ, я не рѣшалась, но дѣлать было нечего. Онъ оставилъ меня въ своемъ номерѣ, а самъ почеваль у товарища. Онъ сегодня только утромъ забѣжалъ на минутку за бумагами. Возьмите же, прочтите, это вамъ всего лучше докажетъ, что я говорю правду.

Она подала блондинкѣ письмо, въ которомъ описывала мужу все то, что сейчасъ рассказала.

Для Поморцевой теперь было ясно, что она ошиблась и что Варвара Павловна была права. Ей было неловко, но въ то же время ей было досадно за свой промахъ, и все-таки что-то похожее на безпричинную ревность еще оставалось въ ея сердцѣ.

— Я прошу извинить меня,—промолвила она сѣхо, возвращая письмо Варварѣ Павловнѣ.—Вы согласитесь, что я имѣла основанiе—и всякая другая на моемъ мѣстѣ поступила бы точно такъ же.

— Я не виню васъ,—сказала Варвара Павловна.—И очень жалѣю, что согласилась на предложеніе Василія Ивановича. Если бы я знала...

— Надо сознаться,—перебила Поморцева,—его выдумка далеко не умна. Она могла поставить васъ въ еще болѣе худшее положеніе. Развѣ нельзя было поступить иначе?

— Можно войти?—послышался за дверью голосъ Поморцева.

— Войдите,—отвѣтила Варвара Павловна.

Поморцевъ вошелъ и остановился въ изумленіи.

— Мари, ты какъ? Я вѣдь писалъ тебѣ!

— Но не все—отвѣтила жена, не то съ прежней ироніей, не то уже шутиво:—ты не написалъ, что женился при живой жевѣ на другой. Хорошо! Двоеженецъ!

Она засмѣялась. Онъ тоже засмѣялся, но, взглянувъ на Варвару Павловну, онъ вдругъ умолкъ.

— Что съ вами? вы...

— Ничего,—улыбнулась та,—ваша жена заподозрила меня...

— Мари!..

— Но все объяснилось и, конечно, теперь Марья Григорьевна... не побоятся протянуть мнѣ руку.

— Я прошу извинить меня,—поспѣшно сказала та, пожимая руку Варвары Павловны.

— Но что-же могло быть, Мари? какъ ты...

— Ахъ,—сердито повела плечами жена,—скажи лучше, какъ ты могъ выдумать такую глупость? Изъ-за тебя я... сдѣлала столько неприятностей Варварѣ Павловнѣ.

Василій Ивановичъ бросился съ извиненіями къ Оскольской.

— Бога ради, Варвара Павловна! Вѣдь вотъ исторія... хотѣлъ услужить и вдругъ... Но зачѣмъ ты пріѣхала, Мари, если я писалъ тебѣ, что ѣду самъ?

— Нужно было.

— Гдѣ же вы остановитесь?—спросила Варвара Павловна.

— Я всего на одинъ день,—отвѣтила Марья Григорьевна:—сегодня же съ курьерскимъ уѣзжаю обратно въ деревню.

— А скоро и я,—сказалъ Василій Ивановичъ.—Знаете что... мы сегодня всѣ трое должны обѣдать... Надо изгладить это дурное впечатлѣніе... непремѣнно! Варвара Павловна! Я васъ прошу! Мари!

— Право, не знаю, мнѣ, можетъ-быть, придется...

— Нѣтъ, нѣтъ, я прошу, и ты должна... ты виновата передъ Варварой Павловной.

— Виною всему ты.

— О, я, несомнѣнно! Я по закону за двоеженство подлежу ссылкѣ и лишенію правъ! Но обѣдать, обѣдать! Мы ѣдемъ въ Эрмитажъ, а оттуда...

Онъ принялся фантазировать на счетъ вѣчера.

Марья Григорьевна уѣхала въ этотъ же день, а на другое утро Поморцевъ умчался по дѣламъ въ Нижній. Когда онъ вернулся, Оскольской уже не было въ Москвѣ.

Исторія, рассказанная нами, стала извѣстна въ кругу знакомыхъ, благодаря болтливости тещи Василія Ивановича, и его прозвали „двоеженцемъ“.

Подъ этой кличкой онъ извѣстенъ и теперь.

Скучающій Вологжанинъ.

Экономія.

СЦЕНА.

(Съ чужихъ полей).

Отецъ.—О, мое дорогое дитя! Сердце разрывается въ куски, когда я вспоминаю, что ты ѣдешь на край свѣта...

Сынъ.—Не плачь, отецъ! Будемъ мужественны. Владивостокъ—это все-таки не край свѣта.

Отецъ.—Подумай! Ты будешь ѣхать черезъ чужую страну, наполненную бѣглыми каторжниками, хунгузами, по ужасной, опасной для всякаго, дорогѣ. Доберешься ли ты въ цѣлости?!

Сынъ.—Постараюсь добраться.

Отецъ.—Ты вѣдь, сокровище мое, извѣстишь меня о благополучномъ прибытіи на мѣсто?

Сынъ.—О, да! Телеграммой.

Отецъ.—Телеграммой? Гм... гм... Ты не знаешь, кажется, откуда въ Европейскую Россію телеграфъ беретъ за каждое слово 15 копеекъ?

Сынъ.—Конечно.

Отецъ.—Подумать только, что это будетъ стоить уйму денегъ... Въ сущности говоря, что измѣнится оттого, что я узнаю о твоёмъ здоровьи на недѣлю позже?

Сынъ.—Хорошо. Я пришлю заказное письмо.

Отецъ.—Заказное? Это четырнадцать копеекъ. Недорого, но теперь почта такъ аккуратна, что и простое письмо дойдетъ съ тѣмъ же успѣхомъ. Все-таки, въ половину дешевле!

Сынъ.—Отецъ! Вѣдь у насъ съ тобой секретовъ никакихъ нѣтъ и писать придется всего нѣсколько словъ. Пришлю я тебѣ тогда лучше открытку...

Отецъ (со слезами).—И такого умнаго ребенка я долженъ скоро лишиться... Вѣдь это будетъ стоить всего три копейки! И я узнаю тогда о судьбѣ кости отъ костей монахъ. (Пауза). А, знаешь, что? Я тебѣ предложу комбинацію, еще болѣе дешевую... Приѣхавши во Владивостокъ, ты зайди въ мелочную лавочку и купи на копейку два конверта. Одинъ можешь спрятать до какого-нибудь другаго экстреннаго случая, а на другомъ наниши мой адресъ. Письма никакого не надо—почтовая бумага теперь кусается,—а ты возьми тотъ обрывокъ бумаги, въ который тебѣ завернуть въ лавочкѣ покупку, и, положивши его въ конвертъ, заклей. Потомъ опусти въ почтовый ящикъ безъ марки, и я получу здѣсь доплатное письмо. А когда почтальонъ доставитъ его мнѣ по адресу, я не буду совсѣмъ доплачивать и, вообще, откажусь принять его, такъ какъ уже буду знать, что мой сынъ, мое дорогое, обожаемое сокровище, живымъ и невредимымъ доѣхалъ, куда ему надо!

Медуза-Горгона („Сатир“).





СМѢСЬ.

Чудеса хирургіи. По словамъ „*Matin*“, лѣчение эпилепсін вступаетъ въ новый періодъ благодаря смѣлости хирурговъ. Доктора задались вопросомъ, не вызываются ли приступы этой болѣзни особымъ раздраженіемъ мозговыхъ массъ, сжатіемъ и треніемъ ихъ частей. Удивительный органъ, обязанный руководить всѣмъ, нашъ мозгъ, особенно заботливо предохраненъ природой отъ вредныхъ вліяній. Прежде всего онъ заключенъ въ твердую черепную коробку, покрытую кожей. Эта коробка внутри обтянута болѣе или менѣе, упругими перепонками, тремя мозговыми оболочками. Последнія должны смягчать толчки.

Не слѣдуетъ думать, что мозгъ неподвиженъ. Съ самаго начала жизни онъ бьется, двигается, трепещетъ. Благодаря мозговымъ оболочкамъ при этомъ не испытывается ни толчковъ, ни давленія. Такъ какъ выделяемая ими жидкость имѣетъ, кромѣ того, характеръ слизи, весь органъ можетъ дѣйствовать вполне спокойно. Но этотъ механизмъ слишкомъ деликатенъ и по той или другой причинѣ мозговые массы могутъ оказаться сжатыми. И тогда-то начинаются припадки

Люкасъ-Шампіонеръ, затѣмъ знаменитый хирургъ Дойенъ за послѣдніе годы попытались заглянуть, что происходитъ въ мозговомъ ящикѣ. Посредствомъ электрическихъ круглыхъ пилочекъ, изобрѣтенныхъ имъ, Дойенъ съ удивительной смѣлостью и ловкостью сталъ вскрывать черепа такъ же просто, какъ ребенокъ чиститъ апельсины. Пользуясь изобрѣтенными Дойеномъ инструментами, германскіе врачи, а во Франціи доктора Бабинскій и Госсе, возымѣли за послѣдніе мѣсяцы идею удалить вполне черепной покровъ, а затѣмъ и мозговые оболочки, сшивъ послѣ этого надъ мозгомъ кожу. Оказалось, что такъ обработанный мозгъ дѣйствуетъ правильно. Больной, у котораго припадки повторялись черезъ два дня и который хотѣлъ покончить съ собой самоубійствомъ, послѣ такой операціи почти выздоровѣлъ; то же—съ тремя-четырьмя другими оперированными.

Подобныя операціи неудобны лишь тѣмъ, что пациенты, лишенные черепного покрова, при малѣйшемъ толчкѣ могутъ серьезно пострадать. Слѣдовательно, необходимо придумать снабженіе ихъ искусственнымъ черепнымъ покровомъ, это-то и трудно. Предлагался целулоидъ, но его нашли опаснымъ въ слѣдствіе легкой воспламеняемости. Алюминій болѣе подходитъ, но черепъ изъ этого металла не достаточно упругъ.

Въ настоящее время въ парижскомъ *l'hôpital de Bicêtre* лежитъ пациентъ, излѣченный отъ припадковъ и ждущій съ нетерпѣніемъ придѣлки ему искусственнаго черепного покрова. Такой „головной уборъ“ будетъ для него наиболѣе приятнымъ подаркомъ.—(Р. 3.)

Исторія термометра. Всѣмъ извѣстно, что стоградусный термометръ былъ изобрѣтенъ шведскимъ ученымъ Цельсіусомъ, но весьма немногіе знаютъ объ

измѣненіяхъ, которымъ подвергся этотъ приборъ. Цельсіусъ назначилъ двѣ постоянныя точки: 0—у точки кипѣнія воды и 100 гр.— у точки образованія льда, какъ это указываютъ современные акты королевскаго шведскаго общества, относящіяся къ 1742 году. Пять лѣтъ спустя шкала была перевернута, и это измѣненіе долго приписывалось Мартину Штрему, бывшему, какъ и Цельсіусъ, профессоромъ университета въ Упсалѣ. Бернштейнъ, профессоръ берлинской сельско-хозяйственной школы, недавно неопровержимо доказалъ, что это измѣненіе, сохраненное всѣмъ міромъ до сихъ поръ, принадлежитъ знаменитому ботанику Линнею.—(„Г“. Пр. 4).

Библия на 412 языкахъ. Сообщаютъ изъ Лондона, что надняхъ покинуть свой постъ John Sharp, въ теченіе 28 лѣтъ руководившій дѣломъ изданія переводовъ библіи на различные языки, предпринимавшихся какъ британскимъ, такъ и другими библейскими обществами. Въ 1880 году, когда онъ принялъ на себя эти обязанности, библия была переведена на 238 языковъ. Теперь она издана уже на 412 языкахъ. Несмотря на колоссальность сдѣланной работы, въ будущемъ на этомъ поприщѣ предстоитъ выполнить еще очень многое. Такъ, напр., среди населенія одного только Малайскаго Архипелага насчитывается болѣе ста языковъ, и ни одинъ знатокъ не рискуетъ еще взяться за переводъ библіи хотя бы на одинъ изъ этихъ языковъ. Изъ 150 различныхъ нарѣчій, господствующихъ въ Индіи, имѣютъ переводы библіи только 92. Особенно трудно переводить библию на языки примитивные. На языкѣ племени Nupe, живущаго въ бассейнѣ Нигера, одно и то же слово имѣетъ до восьми значеній, различаемыхъ только въ живой рѣчи, посредствомъ модуляціи голоса. Какъ разъ въ настоящее время библейскому обществу приходится считаться съ однимъ изъ интересныхъ и весьма характерныхъ для всего дѣла препятствій. Одинъ мисіонеръ, долго и много потрудившійся надъ изученіемъ языка туземцевъ южнаго Лаоса, въ Аннамѣ, съ громадною затратою энергіи перевелъ отдѣльныя книги библіи на этотъ языкъ и отослалъ свою рукопись для печати въ Лондонъ. Печатаніе было сопряжено съ большимъ трудомъ, и для рукописи пришлось дѣлать много специальныхъ литеръ и значковъ. Когда корректурные оттиски были, наконецъ, изготовлены и отосланы для исправленія въ Лаосъ, оказалось, что мисіонеръ и его жена умерли отъ холеры. Со времени основанія общества въ 1804 году, до настоящаго времени во всемъ мірѣ распространено свыше 209 милліоновъ экземпляровъ библіи.—(„Оренбург. Газ.“).

Вѣрующій ученый. Невѣрующіе при отрицаніи истинъ христіанской вѣры очень часто ссылаются на авторитетъ ученыхъ. Надняхъ съ большимъ удовольствіемъ мы прочитали въ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ“ статью проф. Москов. Дух. Академіи Глаголева подъ заглавіемъ: „Альбертъ Лаппаранъ (1839—1908)“. Такъ звали недавно умершаго знаменитаго французскаго геолога-христіанина, натуралиста-апологета. Этотъ вѣрующій ученый научно опровергаетъ авторитеты, на которые обыкновенно ссылаются невѣрующіе. Такъ, наприм., съ точки зрѣнія Лаппарана не существовало доисторическаго человѣка и доисторическаго періода. Былъ и есть вѣдь-историческій человѣкъ—тотъ, кто порываетъ связь съ историческимъ человѣческимъ обществомъ; такой человѣкъ естественно выпадаетъ въ дикое состояніе. Для образованія пластовъ каменнаго угля ученый Гексли считаетъ необходимымъ періодъ времени не менѣе шести милліоновъ лѣтъ. Лаппаранъ, разработавшій теорію образованія каменно-угольныхъ пластовъ Фойэля, обратилъ эти милліоны лѣтъ почти въ нуль. Геологи, отвергая дни творенія, учатъ о различныхъ геологическихъ періодахъ, которые земля прошла послѣдовательно во много милліоновъ лѣтъ. Противъ этой теоріи Лаппаранъ выставилъ факты, показывающіе, что геологическія эпохи ученыхъ не имѣли той послѣдовательности, какую хотятъ установить они, и что даже эти эпохи въ нѣкоторыхъ случаяхъ идутъ не въ томъ порядкѣ, какъ это принято, а въ обратномъ. Хотѣлось бы скорѣе видѣть въ русскомъ переводѣ нѣкоторыя сочиненія Лаппарана, имѣющія апологетическій характеръ. (Гоб. Епарх. Вѣд.)

Какъ Шопенъ написалъ свой похоронный маршъ. В. Бейтсъ описываетъ полную приключеній жизнь Феликса Зима (Ziem), извѣстнаго французскаго жи-

Звѣрства отъ ричи

разрѣшенія на перепечатку моихъ очерковъ я не давалъ никому и не могъ давать, ибо изданіе „Потревоженной Россіи“ составляетъ не мою собственность. Позвольте мнѣ предупредить довѣрчивую публику, что плагиаторы „Русскаго края“ не могутъ дать широко рекламируемой ими „Потревоженная Россія“ и не дадутъ до поръ, пока литературное воровство наказуемо русскими законами. (Путникъ-Н. Лендеръ).



Редакторъ-Издатель *А. В. Кругловъ.*

Заблаговременно можно выписывать изъ конторы „Дневника Писателя“.

(Москва, Тверская д. граф. Олсуфьевой.)

Для подарковъ на РОЖДЕСТВО.

1. Дешевыя книжки для дѣтей, соч. А. В. КРУГЛОВА:

Приключенія Мишки Топтыгина. Ц. 40 к.
 Золотые сны. Ц. 30 к.
 Гиніальный поморъ. Ц. 30 к.
 Сильная рука. Ц. 20 к.
 Совѣсть проснулась. Ц. 15 к.
 Хитрый звѣрь. Ц. 20 к.
 Четвероногіе разбойники. Ц. 25 к.
 Дѣдушка Крыловъ. Ц. 20 к.
 Свѣтлые годы. Ц. 30 к.
 Превращенія зины. Ц. 25 к.
 Раннюю весною. Ц. 80 к.
 Разные рассказы. Ц. 75 к.

2. Дешевыя книжки АННЫ ДОГАНОВИЧЪ:

Ермакъ Тимофеевичъ. Ц. 15 к.
 Печальникъ земли Русской. Ц. 40 к.
 Старые и малые. Ц. 45 к. (Съ портретомъ автора.)
 Вася Горбунъ. Ц. 15 к.
 Өомка дуракъ. Ц. 25 к.
 Пчелиный домикъ. Ц. 40 к.

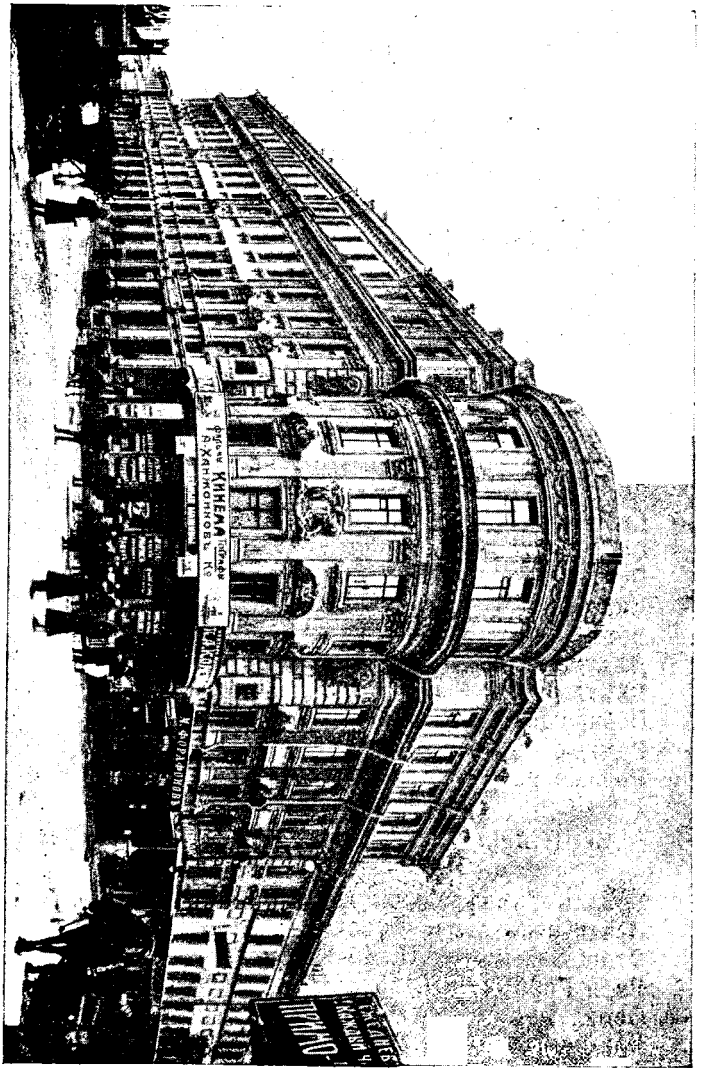
Всѣ книзи обоихъ авторовъ иллюстрированы.

Цѣны безъ пересыли. На перес. 20 к. на рубль.

Выписывающимъ всѣ названныя книги сразу пересылка

б е з п л а т н о .

Частныя объявленія.



Гостиница „ЛЕВАДА“,
Людмила Доминиковна Штольдеръ.

МОСКВА, Тверская, уг. Брюсовскаго пер.

Гончаревскаго.—3. Прот. Стефанъ Остроумовъ. Письма о православномъ благочестіи.—**А. К.**—4.—Листовки. Изданіе „Посредника.“—**И. В. Рощина.** 5. Послѣловъ Въ странѣ свободы и труда.—**А. Н. Догановичъ.**)

- III.—КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ РАЗБОРА. 66.
 XVI.—ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.—**А. В. Круглова.** 67.
 XVII.—ПИСЬМО ПОЛОНСКАГО КЪ Л. Н. ТРЕФОЛЕВУ. 68.
 XVIII.—ПАМЯТКИ. (Вмѣсто Весе́ды) I.—А. С. Хомяковъ.—II.—Другъ дѣтей.—**А. В. Круглова.** 70
 XIX.—ОБО ВСЕМЪ И ОТОВСЮДУ. (Въ лѣсной обители труда.—Образцовая почта.—О Римскомъ-Корсаковѣ. I—II.—Русскій Баянь. I—III.—Иванъ Палычъ.—Заколотенная церковь.) 81
 Иллюстр: Виньетка отдѣла.—Портреты: Римскаго-Корсакова и Агренева-Славянскаго.
 XX.—ИСКРЫ.
 I.—ДВОЕЖЕНЕЦЪ.—Московская быль.—**Скучающаго Вологжанина** 101.
 II.—ЭКОНОМІЯ. (Съ чужихъ полей). 110.
 Иллюстр: Человѣкъ точить перо.—Открыта подписка—Символическій рисунокъ.
 XXI.—СМѢСЬ. 111.
 Иллюстр: За выборкой.
 XXII.—ПОЧТА „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“. 113.
 Иллюстр: Виньетка отдѣла.—Концовка.
 XXIII.—ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА „ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“ НА 1909 ГОДЪ.
 Иллюстр: Виньетка.—Почталіонъ у дверей редакціи.
 Приложенія: Октябр. „ДНЕВНИЧКИ“ („Запросы Духа“; „Семья и Школа“; „Родная Страница“; „Военные Отголоски“).

Опечатки: на 95 стр. 5 строка сверху напечатано: въ чужой землѣ. Слѣдуетъ: въ сырой землѣ. На 81 стр. 14 стр. сверху напечатано: просятъ на уста. Слѣдуетъ: хочется повторить.

Въ Ноябрь. книжкѣ между прочимъ будутъ напечатаны: „Искушеніе“—разсказъ Попова-Пермскаго, и ст. Е. Н. Клетновой: Церковное пѣніе и духовная музыка.



Открыта подписка на 1909 годъ.

и продолжается подписка на 1908 годъ

—) Н А (—

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

Ежемесячный иллюстрированный журналъ, съ 48 безпл. приложеніями — „ДНЕВНИКИ“ — и 1-й преміей-книгой беллетристическаго содержанія издаваемый **А. В. Кругловымъ**, при ближайшемъ участіи **А. Н. Догановичъ**.

Въ журналъ сотрудничаютъ извѣстные писатели и ученые.

Программа журнала: романы, повѣсти, разсказы, этнографическіе, историческіе и биографическіе очерки, драматич. произведенія, этюды и статьи по вопросамъ этики, религіи, литературы, сельскаго хозяйства, науки, искусства, критика и библиографія, обзоры журналовъ, худож., музыкальн. и театральн. замѣтки, сатира, юморъ (тексты, рисунки и карикатуры,) — и прч., смѣсь, выдержки изъ печати, письма изъ разныхъ мѣстъ, отвѣты на запросы читателей. въ каждой книжкѣ „БЕСѢДА“ по текущимъ и „вѣчнымъ“ вопросамъ (этика, жизнь, литература, политика). Помимо постоянныхъ иллюстрацій въ текстѣ, по мѣрѣ надобности, къ книжкамъ журнала будутъ прилагаться картины и портреты на отдѣльныхъ листахъ на толстой мѣловой бумагѣ, изъ которыхъ можно потомъ составить интересный кипсекъ на столъ.

ВСѢ ГОДОВЫЕ подписчики (хотя бы и подпис. въ разсрочку) получаютъ

12 №№ ежемѣс. иллюстрир. журнала.

48 №№ „ДНЕВНИЧКОВЪ“ (безплатн. прилож.), изъ которыхъ

12 подъ назв. „ЗАПРОСЫ ДУХА“, посв. религіозно-церковно-этической области (Истина и заблужденія духа въ поискахъ ея: статьи о церк. строѣ, о бытѣ дух., замѣтки, хроника, библиографія).

12 подъ назв. „СЕМЬЯ и ШКОЛА“, посв. вопросамъ образованія, воспит. школьн. хрон., сельск. хоз., вообще обиходу, гигиѣнѣ, медицинѣ, дѣтск. и женск. вопрос. Ирѣдка разск. для дѣтей. Полезн. совѣты для дома, здоровья развлеченія. Въ помощь воспит. и родит. указанія при выборѣ книгъ.

12 подъ назв. „РОДНАЯ СТАРИНА“, посв. прошлому Россіи. (Статьи, замѣтки, разсказы, библиографія, жизнеоп. и пр.)

12 подъ назв. „ВОЕННЫЕ ОТГОЛОСКИ“, посв. вопросамъ военнаго строя и быта. (Статьи, очерки, замѣтки, хроника и библиогр.).

1 Премія-книга беллетристическаго содержанія.

Всѣ подписчики, добав. къ подп. 5 к., получ. брошюру „Въ чемъ счастье“.

Книжки „Дневника Писателя“ размѣромъ отъ 3 до 7 печ. лист. выходятъ въ 20-хъ числахъ к. м., причѣмъ май—іюнь и іюль—авг. двойными книжками.

Подписная цѣна:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:		СЪ ДОСТ. въ МОСКВѢ и пер. по ИМПЕРИИ:	
Годъ	3 р. 20 к.	3 р. 60 к.	за границу только
½ года	1 „ 80 „	2 „ — „	на годъ 6 руб.
3 мѣс.	не прин.	1 „ 25 „	

Для полков. и ротн. библиотекъ и для всѣхъ казен. обществ. учреждений, для лицъ подп. за поруч. гг. казначеевъ развр. по соглашенію съ редакціей, причѣмъ: на 10 оплачен. экз. 1 экз.—безплатный. Кн. маг. и конторамъ приним. подписку 20 к. уступки съ экз. при условіи годов. подп. и внесенія подп. цѣны полностью. За 1907 г. полный комплектъ „Дн. Пис.“ высылается за пер. по разстоянію. Въ редакціи, т. е. безъ пер. 2 р. безъ преміи и 2 р. 50 к. съ преміей. За перем. адреса 50 к.

АДРЕСЪ: Москва, Тверская, д. графини Олсуфьевой, контора журнала „Дневникъ Писателя“. (Редакція тамъ же). Телефонъ № 83-00.

Редакторъ-Издатель **А. В. Кругловъ**.